

ЗЕЛЕНЫЙ МАРС

КИМ СТЭНЛИ РОБИНСОН

ЛИРИЧНАЯ И КРАСИВАЯ ЛЕГЕНДА О
БУДУЩЕМ ОТ ОДНОГО ИЗ ЛУЧШИХ
ПИСАТЕЛЕЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ДЭВИД БРИН

fanzon

Марс

Ким Робинсон
Зеленый Марс

«ЭКСМО»

1994

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Робинсон К. С.

Зеленый Марс / К. С. Робинсон — «Эксмо»,
1994 — (Марс)

ISBN 978-5-699-91361-9

Смысл в том, чтобы создать не вторую Землю, а нечто марсианское... Прошло пятьдесят лет с тех пор, как первые колонисты высадились на Марс. Красная планета постепенно теряет свой первоначальный облик, и первые зеленые побеги уже карабкаются по холодным склонам скал. Но еще живы те, кто стремится сохранить пустынную красоту родной планеты и не допустить землян к управлению. Это – первое поколение детей, родившихся на Марсе, и они готовы показать, на что способны.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-91361-9

© Робинсон К. С., 1994
© Эксмо, 1994

Содержание

Часть первая	7
Часть вторая	47
Часть третья	77
Часть четвертая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Ким Стэнли Робинсон Зеленый Марс

Kim Stanley Robinson

GREEN MARS

Copyright © 1994 by Kim Stanley Robinson

© Н. Болдырева, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2017

* * *

Лизе и Дэвиду

Часть первая Ареоформирование

Смысл не в том, чтобы создать вторую Землю. Не Аляску, не Тибет, не Вермонт с Венецией и даже не Антарктику. Смысл в том, чтобы сделать нечто новое и чужое, нечто марсианское.

В некотором смысле, наши намерения не важны. Даже если мы попробуем создать вторую Сибирь или Сахару, у нас ничего не получится. Эволюция ничего такого наверняка не допустит: ведь, по сути, данный процесс – это стремление, лежащее за гранью осознанного, подобное тому, кое чудесным образом породило жизнь из неживой материи или заставило первых своих детей выбраться из океана на сушу.

Мы снова бьемся в границах неведомого мира, на сей раз по-настоящему чуждого нам. Несмотря на гигантские ледники, оставленные великим наводнением 2061 года, это весьма засушливый мир. И хотя атмосфера уже формируется, воздух до сих пор очень разрежен. Вопреки всем обогревающим установкам средняя температура по-прежнему значительно ниже нуля. Данные условия чрезвычайно затрудняют выживание людей на Марсе. Но жизнь вынослива и легко приспосабливается, она пробивается во Вселенной с силой зеленых ростков. В десятилетие после 2061 года люди боролись за выживание под треснувшими куполами и разорванными тентами. Они постепенно налаживали быт и преодолевали трудности, а в их скрытых убежищах продолжалась работа над созданием нового общества. И наверху, на холодной поверхности планеты, растения уже пускали свои побеги и тянулись к солнцу. Они цеплялись корнями за склоны ледников и насыщались водой из глубоких теплых бассейнов, уровень которых медленно и неотвратно поднимался все выше.

Разумеется, генетические образцы нашей флоры и фауны – земного происхождения, и работают с ними земляне, однако почва здесь марсианская. Сама же почва является своего рода мощным генным инженером, поскольку именно земля, в конечном итоге, и определяет, чему цвести, а чему – увядать. Можно сказать, что с помощью почвы определяется путь прогрессивной дифференциации, отвечающий за разнообразие видов. И по мере того, как сменяются поколения, все обитатели биосферы развиваются вместе, адаптируясь в сложной коллективной реакции – творческой способности к самопроектированию. Этот процесс, вне зависимости от того, насколько мы в него вмешиваемся, в принципе, нам не подвластен. Гены мутируют, организмы эволюционируют, возникает уникальная биосфера, и, конечно же, ноосфера. Одновременно с этим, как и все остальное, меняется навсегда и разум творцов.

Таков процесс ареоформирования.

Однажды небо рухнуло на землю. Плиты льда врезались в озеро и начали наползать на берег. Дети разбежались, как стая испуганных куликов. Ниргал кинулся через дюны к деревне и ворвался в теплицу, крича: «Небо падает, небо падает!» Питер пулей выскочил за дверь и помчался по песку так быстро, что Ниргал едва поспевал за ним.

А на берегу огромные ледяные прямоугольники уже наезжали на песок, и редкие осколки сухого льда шипели, растворяясь в озере. Когда дети столпились на берегу, Питер прищурился, уставившись на купол, который возвышался над их головами.

– Назад в деревню! – велел он непререкаемым тоном.

На обратном пути он смеялся.

– Небо падает! – дразнил он, ероша волосы Ниргала.

Ниргал краснел, а Дао и Джеки хохотали. Их дыхание вырывалось изо ртов легкими белыми облачками пара.

Однако Питер принимал активное участие в починке купола. Они вместе с Касэем и Мишелем как пауки ползали над деревней у всех на виду. Сперва они зависли над пляжем, а потом перебрались и к участку над озером. Наконец, они замерли в своих веревочных петлях, закрепленных на ледобурах, и стали о чем-то переговариваться между собой. Все трое показались Ниргалу совсем крошечными. А они начали работать, распыляя воду по краям прорехи, и спустя некоторое время та замерзла, сформировав прозрачный слой, который покрылся сухой коркой белого льда.

Спускаясь, они обсуждали нагревающийся мир снаружи. Хироко вышла из своей бамбуковой хижины у озера и задумчиво посмотрела на Ниргала.

– Нам придется отсюда уйти? – спросил Ниргал.

– Нам всегда придется уходить, – ответила Хироко. – На Марсе ничто не длится вечно.

Но Ниргалу нравилось жить под куполом. По утрам он просыпался в круглой бамбуковой комнатке высоко в Доме ребенка¹ и бежал вниз по ледяным дюнам вместе с Джеки, Рейчел, Францем и другими жаворонками. Он видел Хироко на дальнем берегу. Она шла по пляжу, словно танцовщица, и казалась ему призрачным видением, плывущим над водой. Ему хотелось подойти к ней, но пора было отправляться в школу.

Они возвращались в деревню и набивались в раздевалку, вешали пуховики и ждали учителя, протянув посиневшие руки к решетке радиатора. Это мог быть Доктор Робот, и тогда они умирали со скуки, глядя, как он моргает, будто отсчитывая бесконечные секунды. Но в класс могла ворваться и Добрая Колдунья, старая и уродливая – и тогда дети выскакивали на улицу, чтобы строить весь день напролет, радостно осваивая инструменты. Но иногда Доктора Робота и Добрую Колдунью сменяла Злая Ведьма. Она тоже была старая, но красивая, и в такие часы они застревали за своими пюпитрами и пытались разговаривать и даже думать на русском. Во время уроков Злой Ведьмы они часто рисковали получить удар по рукам, если хихикали или ненароком засыпали. У Злой Ведьмы были серебристые волосы, свирепый взгляд и крючковатый нос, как у тех ястребов, которые жили в соснах у озера. Ниргал боялся ее. Но когда дверь открывалась и порог класса переступала Злая Ведьма, Ниргал скрывал свой страх. Впрочем, так вели себя и остальные дети.

Однажды она выглядела особенно уставшей и быстро отпустила их, хотя их успехи в арифметике были весьма плачевны. Ниргал пошел за Джеки и Дао наружу, завернул за угол, в переулочек между Домом ребенка и задней стеной кухни. Дао помочился на стену, Джеки спустила штаны, чтоб показать, что она тоже может так, и тут прямо из-за угла на них налетела Злая Ведьма. Она вытянула из переулочка Ниргала и Джеки, схватив их за шивороты своими цепкими пальцами, и тотчас отшлепала Джеки.

– Вы двое, держитесь от нее подальше! Она – ваша сестра! – кричала она на Ниргала и Дао.

Ниргал таращился на Джеки, а та плакала и извивалась, пытаясь натянуть штаны. Яростно извернувшись, попробовала ударить его и Майю и упала, голозадая и зареванная.

Но Джеки не была их сестрой. В Зиготе родилось двенадцать сансеев, или детей третьего поколения. Они относились друг к другу как братья и сестры, и многие действительно являлись ими... но далеко не все. Это порой вносило путаницу, но почти никогда не обсуждалось. Сначала на свет появились Джеки и Дао, спустя один марсианский сезон – Ниргал, а остальные родились еще сезоном позже: Рейчел, Эмили, Рул, Стив, Симад, Нанеди, Тиу, Франц и Хо Син. Хироко считалась общей матерью всех детей Зиготы, хотя приходи-

---

¹ Учебное заведение для детей младшего возраста в системе обучения Монтессори. – *Здесь и далее прим. пер.*

лась матерью лишь Ниргалу, Дао и еще шестерым сансеям, а также нескольким взрослым нисеям.² Детям матери-богини.

А Джеки была дочерью Эстер, которая уехала после потасовки с Касэем, отцом Джеки. Немногие из них знали своих отцов. Однажды Ниргал полз по дюнам за крабом, когда над головой вдруг возникли Эстер и Касэй. Эстер плакала, Касэй кричал.

– Если собираешься уходить, проваливай!

Он рыдал, и у него виднелся розовый клык в верхней челюсти. Он тоже был сыном Хироко, поэтому Джеки приходилась Хироко внучкой. Вот так оно и работало.

Джеки могла похвастаться длинными темными волосами и большими глазами. Кроме того, она бегала быстрее всех в Зиготе, за исключением Питера. Зато Ниргал никогда не уставал. Иногда он мчался по берегу озера и делал три или четыре круга подряд. Правда, на коротких дистанциях Джеки оказывалась быстрее. И она вечно смеялась. Стоило Ниргалу начать спорить с ней, как она отвечала: «Хорошо, дядюшка Нирги», – и раздражалась хохотом. Она была его племянницей, пусть и родившейся на сезон раньше. Но не сестрой.

Однажды дверь класса распахнулась настежь, и появился Койот, их временный школьный учитель. Койот путешествовал по миру и проводил в Зиготе мало времени. Всякий раз, как он появлялся, это становилось событием. Он прогуливался с ними вокруг деревни, находя им странные занятия, и каждый раз заставлял кого-нибудь громко читать вслух непонятные книги умерших философов. Бакунин, Ницше, Мао, Букчин – ясные мысли этих людей, словно случайные камушки, были разбросаны по длинному пляжу околицы. Истории, которые Койот сам читал им из «Одиссеи» или Библии, оказывались проще, хотя и тревожнее. Люди в них часто убивали друг друга, а Хироко говорила, что так делать неправильно. Койот смеялся над Хироко, а когда читал им все эти ужасные истории, то выл без всякой видимой причины. Еще он любил задавать им сложные вопросы о том, что они услышали, спорил с ними как с взрослыми и постоянно вводил всех в замешательство: «Что бы вы сделали? Почему бы вы поступили так, а не иначе?» А еще он объяснял им, как работает замкнутый топливный цикл РикOVERA³, и заставлял проверять гидравлические поршни на волновом генераторе озера. После таких занятий их руки коченели и становились сизыми, а зубы начинали отбивать барабанную дробь.

– Вы, ребяташки, быстро простужаетесь, – приговаривал он. – Все, кроме Ниргала.

Ниргал легко переносил любой холод. Он интуитивно знал все стадии лютой стужи и не испытывал никаких физических неудобств при минусовой температуре. Многие в Зиготе мерзли и не понимали, что к холоду можно приспособиться: любые негативные последствия можно было преодолеть простым внутренним усилием воли! Ниргал так же хорошо умел справляться и с жарой.

В общем, холод не являлся помехой. Ниргал знал, что если упорно направлять тепло собственного тела вовне, тогда холод становится живой, бодрящей оболочкой и не вызывает дискомфорта. Таким образом, низкая температура могла попросту стимулировать кого угодно – да так, что захочется побежать!

– Эй, Ниргал, сколько сейчас градусов?

– Шестнадцать целых, двадцать семь сотых ниже нуля!

Смех Койота был страшен. Он гоготал, как хищная птица, и выл, подобно дикому зверю. В его хохоте объединялись все мыслимые звуки, и он всегда звучал по-разному.

– Давайте остановим генератор волн и посмотрим на озеро!

---

² Марсиане во втором поколении.

³ Американский адмирал, главный идеолог атомного подводного кораблестроения.

Вода там никогда не замерзала, в то время как ледяное покрытие внутренней части купола никогда не должно было таять. Это объясняло все погодные явления их мезокосма,⁴ как утверждал Сакс, с туманами, неожиданными ветрами, дождями, дымками и редкими снегопадами. В тот день машины, отвечающей за погоду, почти не было слышно, и ветерок едва тревожил их укрытие под куполом. Когда генератор волн отключили, озеро тотчас успокоилось, превратившись в круглую плоскую тарелку. Поверхность воды стала столь же белой, как и купол, но сквозь него виднелось покрытое зелеными водорослями дно. Озеро казалось одновременно и белоснежным, и изумрудным. У противоположного берега в этой двуцветной воде идеально, как в зеркале, отражались перевернутые дюны и разлапистые сосны. Ниргал смотрел зачарованно, все ушло, осталось только пульсирующее дивное видение. Он видел два мира, целых два в одном пространстве – оба зримые, отдельные и разные, но – вот парадокс! – сжатые воедино! Лишь под определенным углом зрения становилось понятно, что их два. Он хотел нырнуть в этот мир, погрузиться в него, как погружаешься в холод, постичь его.

Что за цвета!

– Марс – Ниргалу, Марс – Ниргалу!

Они смеялись над ним. Как ему говорили, такое случалось с ним всякий раз – он терял сознание. Друзья любили его, он видел это в их лицах.

Койот отламывал кусочки плоского льда на мелководье и запускал их вприпрыжку через все озеро. Все дети присоединились к нему, а перевернутый мир дрожал и плясал в разбегающейся бело-зеленой ряби.

– Посмотрите! – кричал Койот. Между бросками он заводил бесконечную песню на своем спотыкающемся английском. – У вас, ребята, лучшая в мире судьба, большинство – просто жидкость во вселенском моторе, а вы присутствуете при рождении мира! Невероятно! Но это чистая удача, никакой вашей заслуги здесь нет, по крайней мере, пока вы не сделаете что-нибудь стоящее! Вы могли бы родиться в особняке или за решеткой, или в трущобах Порт-оф-Спейн, но вы здесь, в Зиготе, тайном сердце Марса! Конечно, сейчас вы, словно кроты в норе, а над вами парят готовые сожрать вас стервятники, но придет день, когда вы будете расхаживать по Марсу, не стесненные границами! Запомните эти слова, это пророчество, дети мои! И, кстати, взгляните, как он хорош, наш маленький ледяной рай!

Он зашвырнул кусочек льда прямо в купол, и они заорали: «Ледяной рай! Ледяной рай!» – пока не ослабли от хохота.

А ночью, думая, что никто его не слышит, Койот сказал Хироко:

– Роко, ты должна взять детей наружу, показать им мир. Даже если там ничего нет, кроме туманного покрывала. Они же прямо, как кроты в норе, Бога ради...

И он ушел неведомо куда, продолжив путешествовать по свернувшемуся вокруг них миру.

Иногда в деревню, чтобы учить их, приходила Хироко. Для Ниргала это были лучшие дни. Она всегда брала детей на пляж, идти туда с ней было благословением. То был ее мир – зеленый внутри белого, – и она знала о нем все. Когда она приходила на пляж, изысканные жемчужные цвета песка и купола пульсировали двумя оттенками, словно пытаясь вырваться на свободу. Дети рассаживались на дюнах, глядя, как быстро проносятся и кричат прибрежные птицы, собираясь стаями вдоль отмели. Чайки кружили над головой, и Хироко задавала вопросы, ее черные глаза оживленно мерцали. Она жила у озера с группой близких друзей: Ивао, Риа, Джинном, Евгенией – все в маленькой бамбуковой хижине посреди дюн. Много времени она проводила, навещая другие тайные заповедники вокруг Южного

---

⁴ Любая система больше, чем микрокосм, и меньше, чем макрокосм.

полюса, поэтому ей часто пересказывали последние деревенские новости. Она была стройной женщиной, высокой для иссея⁵, а ее повадки и даже одеяние напоминали манеры береговых птиц. Конечно же, она была старой, невозможно древней, как и другие иссеи, но почему-то она выглядела моложе, чем Питер или Касэй. Казалось, что она немногим старше детей, хотя все в их мире было молодо по сравнению с ней и рвалось наружу яркими цветами.

– Взгляните на рисунок раковины: пестрая завитушка, сворачивающаяся до бесконечности. Вот истинная форма Вселенной. Существует постоянное давление, подталкивающее к определенным очертаниям, но материя имеет тенденцию развиваться во все более сложные конструкции. Такую гравитационную модель, святую силу возрождения, мы зовем *viriditas*⁶, и это – движущая сила космоса. Жизнь, понимаете ли. Как песчаные блохи, моллюски и криль... хотя данный конкретный криль уже мертв и идет на корм песчаным блохам. Как и все мы. – Она взмахнула рукой, словно танцовщица. – Вселенная жива потому, что мы живы. Мы осознаем ее в той же степени, в какой осознаем себя. Мы возвышаемся над космосом и видим сеть его узоров, и они поражают нас своей красотой. Данное чувство – самое важное во Вселенной – ее кульминация, подобная едва распустившемуся утреннему цветку. Не забывайте мои слова про священное чувство! Наша задача в мире – взрастить его. Единственный способ сделать это – распространять жизнь повсюду. Помочь ей возникнуть там, где ее никогда не было раньше, как здесь, на Марсе.

Для нее это было высшим проявлением любви, и дети, даже если не вполне ее понимали, чувствовали всеобъемлющую любовь. Еще один толчок, еще чуть-чуть тепла в ледяной оболочке. Говоря, она прикасалась к ним, а они, слушая, выкапывали раковины.

– Донный моллюск! Антарктический моллюск... Стеклоянная губка, осторожно, можно порезаться.

Ниргал был счастлив просто потому, что мог смотреть на нее.

А однажды утром, когда они прекратили копать, чтобы немного отдохнуть, она взглянула на него в ответ, и он узнал выражение ее лица – точно такое же выражение появлялось на его лице, когда он видел ее. Значит, она тоже была счастлива смотреть на него! И это опьяняло.

Гуляя по пляжу, он держал ее за руку.

– До некоторых пределов это простая экосистема, – говорила Хироко, когда они опустились на колени, чтобы рассмотреть еще одну раковину моллюска. – Не так уж много видов, короткие пищевые цепочки. Но какая богатая. Какая красивая. – Она рукой попробовала воду озера. – Видишь дымку? Вода сегодня, должно быть, теплая.

К этому моменту они с Ниргалом остались одни, остальные дети забежали за дюны или носились туда-сюда по отмели. Ниргал склонился потрогать очередную набежавшую к их ногам волну, за ней осталось белое кружево пены.

– Чуть меньше, чем минус шестнадцать целых двадцать пять сотых.

– Ты так уверен?

– Я всегда могу сказать.

– Посмотри, – ответила она, – у меня есть жар?

Он потянулся и дотронулся до ее шеи.

– Нет, ты прохладная.

– Верно. У меня температура всегда на полградуса ниже нормы. Влад и Урсула никак не могут понять почему.

– Это потому что ты счастлива.

Хироко засмеялась от удовольствия и стала похожа на Джеки.

---

⁵ Иссей – эмигрант в США из Японии. Здесь – переселенец с Земли.

⁶ Буквально – жизнеспособность (*лат.*). Слово, обозначающее энергию, плодородие, развитие.

– Я люблю тебя, Ниргал.

Он почувствовал, как внутри стало теплей, как будто там поставили решетку радиатора. Теплей, по меньшей мере, на полградуса.

– А я люблю тебя.

И они тихо пошли дальше по пляжу, рука об руку, преследуя стайку куликов.

Когда Койот вернулся, Хироко сказала ему: «Ладно, давай выведем их наружу».

И на следующее утро, когда дети собрались, чтобы пойти в школу, Хироко, Койот и Питер провели их через запоры вниз, в длинный белый тоннель, соединявший купол и мир снаружи. Тоннель оканчивался небольшим ангаром с галереей на обрывистом утесе. Раньше они с Питером бегали в эту галерею смотреть из маленьких поляризованных окон на ледяной песок и розовое небо, пытаясь увидеть огромную стену сухого льда – шапку Южного полюса, днище мира, где они поселились, чтобы скрыться от тех, кто посадил бы их за решетку.

Именно поэтому они никогда не покидали галереи. Но в тот день они прошли сквозь шлюзы ангара, надели эластичные костюмы, закатав рукава и штанины, затем – тяжелые ботинки и плотные перчатки и, наконец, шлемы с выпуклым смотровым стеклом в передней части. С каждой секундой они волновались все больше, пока волнение не стало похоже на страх, особенно, когда Симад начала плакать и настаивать на том, чтобы остаться. Хироко успокоила ее прикосновением.

– Ну, все. Я буду там с тобой.

Дети молча жались друг к другу, пока взрослые вели их через внешний шлюз. Послышался шипящий звук, а потом открылась наружная дверь. Хватаясь за взрослых и натываясь друг на друга, они осторожно вышли наружу.

Было так ярко – невозможно смотреть. Они очутились в крутящемся белом тумане. Запутанные ледяные узоры, сверкающие в потоках света, покрывали всю поверхность. Ниргал держал за руки Хироко и Койота, они подтолкнули его вперед и разжали ладони. Он пошатнулся под натиском белого сияния.

– Это туманное покрывало, – раздался голос Хироко в интеркоме, закрепленном на ухе. – Оно держится тут всю зиму. Но сейчас весна, $L_S = 205^0$, в это время зеленая энергия, заряженная светом солнца, сильнее всего течет через мир. Посмотри!

Он не видел ничего, кроме белого, разрастающегося, слепящего шара. Внезапно солнечный свет пронзил этот шар, превратив его в брызги цвета, замерзший песок – в магниевую стружку, а ледяные цветы – в яркие драгоценности. Ветер подул сбоку и всколыхнул туман, разрывая его в клочья, и далеко внизу мелькнула земля, вызвав приступ головокружения. Такое огромное! Все было такое огромное... Ниргал упал на песок на одно колено, оперся руками о другое, чтобы сохранить равновесие. Камни и ледяные цветы под его ботинками сверкали, словно под микроскопом. Камни были усеяны круглыми чешуйками черного и зеленого лишайника.

Далеко на горизонте виднелся холм с плоской макушкой – кратер. В гравии остался след марсохода, почти скрытый наледью, будто он пробыл там миллионы лет. Рисунок, пульсирующий в хаосе света и камней, зеленый лишайник, пробивающийся в лед...

Все заговорили разом. Другие дети принялись весело бегать вокруг, визжа от восторга, когда туман рассеивался, показывая кусочек темно-розового неба. Койот громко смеялся.

– Они словно зимние телята, выпущенные по весне из хлева... Посмотри, как они прыгают, о, бедные малютки, ха-ха-ха... Роко, так ты не научишь их жизни...

Гогоча, он поднимал детей с песка и снова ставил на ноги.

Ниргал встал, попробовал прыгнуть. Он почувствовал, что может улететь, и порадовался, что ботинки у него такие тяжелые. От ледяного утеса неподалеку извилисто тянулась

длинная насыпь высотой по плечо. Джеки поднималась к ее гребню, и Ниргал побежал к ней, склоняясь чуть вперед, к мешанине камней под ногами. Он взобрался на хребет и понял, в каком ритме ему нужно бежать. Казалось, будто он летит, будто может бежать вечно.

Он встал рядом с ней. Они обернулись, чтобы посмотреть на ледяной утес, и закричали от ужаса и удовольствия: утес тянулся в тумане бесконечно. Столп утреннего света стекал по нему как талая вода. Они отвернулись, не в силах дольше смотреть. Смаргивая потоки слез, Ниргал увидел собственную тень, падающую в туман, что скрывал камни внизу. Яркая тесьма радужного света обрамляла ее. Он громко закричал, и Койот помчался к ним, его голос орал прямо в ухо:

– Что такое? Что случилось? – Он остановился, увидев тень. – Эй, это же gloria! Как Брокенский призрак.⁷ Помаши руками. Посмотри на цвета! Святой Боже, да вы везунчики!

По наитию Ниргал махнул рукой в сторону Джеки, и их glories слились, превратившись в один нимб, пылающий всеми цветами радуги, окруживший их синюю двойную тень. Джеки засмеялась восхищенно и... ушла, чтобы проделать то же с Питером.

Примерно через год под руководством Сакса Ниргал и другие дети начали понимать, как проводить дни. Урок Сакс начинал у доски, и пока он, безэмоциональным голосом искина, гудел о парциальном давлении и инфракрасном излучении, дети за его спиной закатывали глаза и строили рожицы. При первой же возможности один из них начинал игру, и Сакс ничего не мог с этим поделать. Он говорил что-нибудь вроде: «При термогенезисе, не сопровождаемом дрожью, тело производит тепло, используя пустые циклы», – и вдруг кто-нибудь поднимал руку, спрашивая: «Но почему, Сакс?» – и все принимались сверлить глазами лектора, даже не глядя друг на друга. Сакс хмурился, как будто ничего подобного не происходило ранее, и отвечал:

– Тело производит тепло, не затрачивая столько энергии, сколько ему требуется при мышечных сокращениях. Белки в мышцах взаимодействуют, но вместо того, чтобы вступать в реакцию, они просто скользят друг относительно друга, и так возникает тепло.

Джеки повторяла, причем так искренне, что весь класс верил ей:

– Но почему?

Сакс начинал моргать, да так быстро, что класс сходил с ума, наблюдая за ним.

– Так разрушаются ковалентные связи в аминокислотах белка, и это разрушение высвобождает то, что называется энергией расщепления.

– Но почему?

Он начинал моргать еще сильнее.

– Это просто физические процессы. – Он начинал неистово рисовать на доске диаграммы. – Ковалентные связи образуются, когда две атомные орбиты сливаются в одну, и это орбита электронов обоих атомов. Разрыв этих связей высвобождает от тридцати до ста килокалорий запасенной энергии.

Сразу несколько человек спрашивали хором:

– Но почему?

Это приводило его на субатомный уровень, где цепочка «почему» и «потому что» могла длиться до получаса, а они не понимали ни слова из его объяснений. Наконец все чувствовали приближение финала игры.

– Но почему?

– Ну, – Сакс косил глазами, пытаясь проследить всю цепочку рассуждений, – атомы хотят вернуть стабильное число электронов и вынуждены делить их.

---

⁷ Тень наблюдателя на поверхности облаков (тумана) в направлении, противоположном Солнцу. Эта тень может казаться очень большой и иногда бывает окружена цветными кольцами (так называемая gloria). Призрак может и шевелиться (иногда совершенно неожиданно) из-за движения облачного слоя и колебания плотности в облаке.

– Но почему?

Он чувствовал себя загнанным в ловушку.

– Так соединяются атомы. Это один из способов.

– Но ПОЧЕМУ?

Сакс пожимал плечами.

– Так работает ядерная сила. Вещи устроены так после...

И тут все дети кричали хором:

– Большого взрыва!

После они принимались торжествующе вопить, а Сакс хмурился, понимая, что они снова обвели его вокруг пальца. Он вздыхал и возвращался туда, откуда игра началась... Но всякий раз, когда они затевали ее заново, он забывал об этом, по крайней мере, если их «почему?» звучало достаточно искренне. И даже если он понимал, что происходит, то не в силах был остановить их. Все, что он мог, это спросить, слегка нахмурившись: «Что почему?» Это несколько замедляло игру, но когда Ниргал и Джеки поумнели уже настолько, что могли определять, что именно в каждом из утверждений заслуживало вопроса «почему?», и продолжали спрашивать, Сакс считал своим долгом отвечать им на всю цепочку вопросов вплоть до «Большого взрыва», хотя иногда он бормотал: «Мы не знаем».

– Мы не знаем? – кричал класс в притворном ужасе. – Почему нет?

– Это не объяснено, – отвечал он, нахмурившись. – Пока что.

Так проходило каждое веселое утро с Саксом, и все они, включая его самого, кажется, соглашались, что это было лучше, чем мрачное утро, в которое Сакс бубнил без перерыва и повторял: «Это действительно важно», – всякий раз, когда оборачивался и видел ряд голов, сонно упавших на парты.

Однажды утром, думая о том, как хмурится Сакс, Ниргал задержался в школе, пока не остался с учителем один на один. Он спросил:

– Почему вам не нравится, когда вы не можете ответить на вопрос «почему?»

Сакс снова нахмурился. После длинной паузы он медленно сказал:

– Я пытаюсь понять. Видишь ли, я много внимания уделяю деталям. Так много, как могу. Я концентрируюсь на специфике каждого момента. Я хочу знать, почему все происходит так, как происходит. Мне любопытно. Я думаю, что у всего на свете есть свои причины, и мы должны уметь их выявлять. И когда я не знаю причин... ну, мне это не нравится. Это меня раздражает. Иногда я называю это, – он робко глянул на Ниргала, и тот понял, что никогда раньше Сакс никому этого не говорил, – я называю это Великим Необъяснимым.

Это белый мир, внезапно понял Ниргал. Белый внутри зеленого, противоположный заключенному в белое зеленому миру Хироко. И они воспринимают эти миры по-разному. Если смотреть с зеленой стороны, когда Хироко сталкивается с чем-то загадочным, ей это нравится, это делает ее счастливой – зеленая энергия, священная сила. Если смотреть с белой стороны, когда Сакс сталкивается с чем-то загадочным, его пугает Великое Необъяснимое, опасное и ужасное. Саксу интересна истина, в то время как Хироко любопытна действительность. Или, может быть, это просто две стороны одной медали – ведь эти слова могли трактоваться по-разному. Проще было сказать, что она любит зеленый мир, а он – белый.

– Верно! – воскликнул Мишель, когда Ниргал поделился с ним своим наблюдением. – Очень хорошо, Ниргал. Ты наблюдателен. Эти архетипы, Зеленое и Белое, обычно называют – Мистицизм и Наука. Обе величины крайне могущественны, как видишь. Но все что нам нужно, если тебе интересно мое мнение, это комбинация их обеих, и эта комбинация называется *Алхимией*.

Зеленое и белое.

Днем дети были вольны делать, что им вздумается. Иногда они целый день проводили с приходящим учителем, но гораздо чаще – бежали на пляж или играли в деревне, которая лежала, угнездившись в скоплении низких холмов, между озером и входом в туннель. Они поднимались по спиральной лестнице больших бамбуковых домов на деревьях и играли в прятки между плотно притиснутых комнат, висячих мостов, соединяющих их, и свежих побегов.

Бамбуковые комнаты сцеплялись в полумесяц, охватывавший собой большую часть деревни. Каждый из больших побегов достигал в высоту шести или семи сегментов, в каждом сегменте располагалась комната, становившаяся тем меньше, чем выше был сегмент. У каждого из детей была своя комнатка в верхних сегментах – вертикальный цилиндр с одним окном, пять-шесть шагов в диаметре, словно замковая башня из книг. Под ними в средних сегментах жили в своих комнатах взрослые – преимущественно по одному, но иногда парами. Нижние уровни служили гостиными. Из окон своих комнат в верхних сегментах дети смотрели вниз на крыши деревни, собранные в круг холмов, а бамбук и теплицы казались раковинами на мелководье.

На пляже они охотились за ракушками, играли в немецкий вариант вышибалы или стреляли из лука через дюны в пенопластовые блоки. Обычно Джеки и Дао выбирали игры, а также становились капитанами команд, если игра предполагала разделение на команды. Ниргал и другие младшие дети следовали за ними, проходя всевозможные циклы приятельских и подчиненных отношений, которые бесконечно менялись в течение всего дня. Как однажды маленький Франц грубо объяснил это Наде: «Дао бьет Ниргала, Ниргал бьет меня, а я бью девчонок». Очень часто Ниргал уставал от игр, в которых всегда выигрывал Дао, и для развлечения бегал вокруг озера – медленно и упорно, улавливая ритм, который, казалось, охватывал целый мир. Он весь день мог кружить вокруг озера, если только ловил нужный ритм. Это приносило радость – просто бежать, и бежать, и бежать...

Под куполом всегда было холодно, но воздух циркулировал постоянно. Летом купол светился бело-голубым, и под ребрами застекленной крыши были видны застывшие столпы подсвеченного воздуха. Зимой было темно, и купол полыхал отраженным светом ламп, отчего походил на внутреннюю поверхность раковины. Весной и осенью свет тускнел к полудню до призрачно-серого сумрака, цвета варьировались в бесконечном диапазоне серого, листья бамбука и иглы сосен казались чернильными росчерками на фоне бледно-белого купола. В такие часы зеленые дома походили на большие сказочные фонари на холмах, и дети брели домой, перемещаясь с места на место словно серые чайки, а потом отправлялись в купальню. Там, в длинном здании рядом с кухней, они стягивали одежду и забегали в паровое гудение большой главной купальни, скользя по кафельному полу, чувствуя жар, обдающий их ладони, ступни и лица, когда они игриво плескались вокруг отмокающих взрослых с черепашьими лицами и морщинистыми волосатыми телами.

После этого теплого влажного часа они одевались и всей гурьбой шли на кухню, влажные и розовокожие, где успокаивались и наполняли свои тарелки, усаживаясь за длинными столами между взрослыми. В деревне было сто двадцать четыре постоянных жителя, но обычно в любое время там можно было найти порядка двухсот человек. Когда все рассаживались, они брали кувшины и наливали друг другу воду, а затем с удовольствием уплетали горячую еду: запеченную картошку, тартильи, пасту, салат табуле, хлеб, кучу овощей, иногда рыбу или курицу. После еды взрослые говорили об урожае, или о своем Рикovere – реакторе на быстрых нейтронах, от которого все они были без ума, или о Земле, пока дети убирались и музицировали, а потом все играли, до тех пор пока их не начинало клонить в сон.

Однажды перед обедом откуда-то с полярной шапки прибыла группа из двадцати двух человек. Экосистема их маленького купола нарушилась – Хироко назвала это сложным развивающимся дисбалансом, – и запасы кончились. Им нужно было убежище.

Хироко отвела их в один из свежесформированных домов-деревьев (взбираясь по лестницам, спиралью обвившим толстые круглые побеги, чужаки то и дело изумлялись цилиндрическим сегментам с прорезанными окнами и дверями) и предложила им поработать над завершением верхних комнат и над строительством новых зеленых домов на краю деревни. Для всех было очевидно, что Зигота не выращивает столько еды, сколько теперь требовалось. Дети, подражая взрослым, ели так мало, как только могли. «Стоило назвать это место «Гаметой»», – резко рассмеявшись, сказал Койот Хироко, когда заезжал в очередной раз.

Она лишь помахала ему на прощание. Но вероятно, он вселил тревогу в ее сердце. Хироко стала все дни проводить в теплицах за работой и уже редко занималась с детьми. Когда она звала их, они все больше выполняли ее поручения, собирая урожай или занимаясь компостом и прополкой.

– Ей плевать на нас, – зло сказал Дао однажды, когда они спускались к пляжу. Свою жалобу он адресовал Ниргалу. – В конце концов, она нам не настоящая мать.

Он повел их, непрерывно подгоняя, в лабораторию через теплицу, туннелем протянувшуюся по холму. Внутри он указал на ряд толстых контейнеров с магнием, чем-то напоминавших холодильники.

– Вот наши матери. Вот внутри чего мы были выращены. Касэй сказал мне, а я спросил Хироко, и это правда. Мы эктогены. Мы не были рождены, мы были созданы химически.

Он торжествующе посмотрел на своих испуганных, пораженных приятелей, а потом ударил Ниргала кулаком в грудь так, что тот упал и откатился на другой конец лаборатории, а затем ушел, бросив напоследок:

– У нас нет родителей.

Любые посетители стали теперь обузой, но все же когда они появлялись, все чувствовали возбуждение, и многие разговаривали с ними допоздна, узнавая всевозможные новости других убежищ. В районе Южного полюса была раскинута целая сеть: в планшете Ниргала хранилась карта, где красными точками были отмечены все тридцать четыре. Надя и Хироко предполагали, что в других сетях, севернее, их гораздо больше, включая и некоторые изолированные убежища. Но поскольку все они соблюдали радиомолчание, никто не мог быть в этом уверен. Так что новости котировались выше всего – это, как правило, было самым ценным, что приносили с собой гости, даже если они прибывали, нагруженные подарками, что случалось достаточно часто, и дарили то, что могли произвести и что пригодится хозяевам.

Во время этих визитов Ниргал внимательно слушал оживленные ночные разговоры, сидя на полу или бродя по комнате и подливая всем чая. Он остро ощущал, что не понимает законов мира: для него оставалось непостижимым, почему люди поступают так, как они поступают. Конечно же, он осознавал основные моменты сложившейся ситуации: что существовало две стороны, сцепившиеся в борьбе за контроль над Марсом, что Зигота была лидером правой стороны и что ареофания, в конце концов, восторжествует. Чувство, что ты вовлечен в борьбу, что ты играешь решающую роль в истории, было потрясающим, и, дотаскившись до постели, он часто не мог заснуть – до рассвета его разум забавлялся, представляя, какой вклад он внесет в столь великую драму, удивив Джеки и всех остальных в Зиготе.

Иногда в своем стремлении узнать больше он даже подслушивал, лежа на кушетке в углу и пялился в планшет, притворяясь, будто рисует или читает. Довольно часто люди в комнате не осознавали, что он слушает их, и иногда говорили даже о детях Зиготы – в большинстве случаев, когда он действительно слонялся без дела в холле.

– Вы заметили, что большинство из них левши?

– Клянусь, Широко правила их генокод.
– Она утверждает, что нет.
– Они уже почти такие же высокие, как я.
– Это просто гравитация. Посмотрите на Питера и остальных нисеев. Они рождены естественным путем, и в большинстве своем они высокие. Но леворукость – это должно быть предопределено генетически.

– Она как-то сказала мне, что существует простое трансгенное встраивание, которое и увеличивает мозолистое тело. Может, она игралась с этим и получила леворукость как побочный эффект?

– Я думал, что леворукость предопределяется повреждениями в мозгу.
– Никто не знает. Думаю, это загадка даже для Широко.
– Не могу поверить, что она вмешивалась в хромосомы, чтобы получить развитие мозга.

– Не забывай, работать с эктогенами проще.
– Я слышал, у них низкая плотность костей.
– Верно. На Земле у них будут проблемы. Мы решаем вопрос пищевыми добавками.
– И снова гравитация. На самом деле, это проблема для нас всех.
– Мне об этом не рассказывай. Я сломал предплечье, взмахнув теннисной ракеткой.
– Леворукие гигантские люди-птицы, вот кого мы выращиваем. Странно все это, если кого-то вдруг интересует мое мнение. Смотришь, как они бегают по дюнам, и все ждешь, когда же они взлетят...

Той ночью, как и обычно, Ниргал не мог заснуть. Эктогены, трансгены... все это смущало его. Белое и зеленое в двойной спирали... Часами он метался, спрашивая себя, что значит эта пронзающая его тревога и что он должен чувствовать?

В конце концов, он заснул, измученный. И ему приснился сон. Все его сны до той ночи были о Зиготе, но теперь ему приснилось, что он летит над поверхностью Марса. Широкие красные каньоны разрезали землю, вулканы поднимались на немыслимую высоту его полета. Но позади тоже что-то было, что-то гораздо больше и быстрее, чем он, крылья этого существа громко хлопали, когда оно падало сверху вниз, и его огромные когти были нацелены на Ниргала. Он указал на эту крылатую тварь, и с кончиков его пальцев сорвались молнии, отбрасывая ее назад. Тварь снова поднялась вверх, чтобы атаковать, и пока Ниргал пытался проснуться, кончики его пальцев пульсировали, а сердце стучало как волновой генератор: *тук-тук, тук-тук, тук-тук*.

На следующий день, когда Джеки включила волновой генератор, он работал превосходно. Они играли на пляже, считая, что уже видели все большие буруны, когда вдруг один особенно большой поднялся над тонкой коркой льда и сбил Ниргала с ног, заставив его упасть на колени, а затем с невероятной силой потащил его от отмели. Ниргал боролся с обжигающе ледяной водой, хватая ртом воздух, но не мог вырваться, и его затягивало под воду, а потом снова выбрасывало на поверхность, когда набегала очередная волна.

Джеки схватила его за руку и волосы, потащила на отмель. Дао помог им обоим подняться на ноги.

– Вы в порядке? – кричал он.

Промокнув, они должны были бежать в деревню так быстро, как только могли, так что Ниргал и Джеки помчались по тропинке через дюны, едва встали на ноги, остальные дети сильно отстали. Ветер пробирал до костей. Они пробежали прямо к купальне, вломились в двери и трясущимися руками стянули застывшую одежду. Им помогли Надя и Сакс, и Мишель, и Риа, которые как раз мылись там.

Когда они торопливо забирались в неглубокую воду большой общественной ванны, Ниргал вспомнил свой сон.

– Погодите, – сказал он.

Остальные озадаченно замерли. Он закрыл глаза и задержал дыхание. Схватил Джеки за холодное предплечье. Он снова увидел себя во сне, как будто плывет в воздухе. Жар в кончиках пальцев. Белый мир в зеленом.

Он потянулся к той точке внутри себя, которая всегда сохраняла тепло, даже сейчас, когда ему было так холодно. Она будет там, пока он жив. Он нашел ее и с каждым вздохом начал проталкивать ее наружу прямо через плоть. Это было сложно, но он чувствовал, что у него получается, тепло двигалось к ребрам, словно огонь, спускалось по рукам, по ногам, в ступни и кисти. Джеки он держал левой рукой. Бросив взгляд на ее полностью обнаженное тело с белой, покрытой пупырышками кожей, он сконцентрировался на том, чтобы послать тепло ей. Он начал слегка дрожать, но не от холода.

– Ты горячий! – воскликнула Джеки.

– Почувствуй тепло, – произнес он, и на какое-то мгновение она прижалась к нему, очутившись в его объятиях. Но потом, бросив обеспокоенный взгляд, отшатнулась и шагнула в ванну. Ниргал стоял на краю, пока его дрожь не улеглась.

– Ух ты, – сказала Надя. – Это что-то вроде метаболического сжигания. Я слышала о таком, но никогда не видела.

– Ты знаешь, как это делаешь? – спросил Сакс. Он, Надя, Мишель и Риа уставились на Ниргала с любопытством, которое ему не понравилось.

Ниргал покачал головой. Он сел на бетонный край ванны, почувствовав внезапную опустошенность. Опустил ступни в воду, которая обожгла, как жидкое пламя. Рыба в воде, рвущаяся на свободу, на воздух, огонь внутри, белое в зеленом, алхимия, парение с орлами... молнии из кончиков пальцев!

Люди смотрели на него. Даже люди Зиготы бросали косые взгляды, когда он смеялся или говорил что-то необычное, думая, что мальчик не замечает, но притворяться перед случайными гостями было сложнее. Они более прямолинейны.

– О, ты и есть Ниргал? – спросила невысокая женщина с красными волосами. – Я слышала о твоих успехах. – Ниргал покраснел и покачал головой, пока женщина спокойно рассматривала его. Придя к какому-то заключению, она улыбнулась и пожала ему руку. – Рада с тобой познакомиться.

Однажды, когда им было по пять лет, Джеки принесла с собой в школу старый планшет. В тот день учителем была Майя. Игнорируя ее взгляд, Джеки показала его остальным.

– Это искин моего деда. Тут много того, о чем он говорил. Касэй дал его мне...

Касэй уезжал из Зиготы, чтобы переселиться в другое убежище, но не туда, где жила Эстер.

Джеки включила планшет.

– Полин, проиграй что-нибудь из того, что говорил мой дед.

«Вот к чему мы пришли», – произнес мужской голос.

– Нет, что-нибудь другое. Проиграй что-нибудь из того, что он говорил о спрятанной колонии.

«Спрятанная колония должна по-прежнему сохранять контакты с поселениями на поверхности, – сказал мужской голос. – Слишком много всего они не могут производить сами. Для начала, ядерные топливные стержни. Их распределение тщательно контролируется, так что по записям можно выяснить, куда они попадают...»

Голос замолчал. Майя велела Джеки спрятать планшет, и начался новый урок истории – девятнадцатый век, изложенный по-русски коротко и так резко, что голос ее дрожал. А потом еще была алгебра. Майя настаивала на том, чтобы они тщательно изучали математику.

– Вы получаете ужасное образование, – говаривала она, печально качая головой. – Но если вы будете учить математику, все остальное сможете наверстать. – И она смотрела на них, требуя очередного ответа.

Посматривая на нее, Ниргал вспоминал времена, когда Майя была Злой Ведьмой: такой жестокой порой и такой веселой. Глядя на прочих людей Зиготы, он мог представить себе, каково это – быть ими. Он видел это в их лицах точно так же, как видел один цвет внутри другого. Это был своего рода дар, что-то вроде его умения точно определять температуру. Но Майю он не понимал.

Зимой они предпринимали вылазки на поверхность, к близлежащему кратеру, где Надя строила убежище, и к усыпанным темным льдом дюнам позади него. Но когда туманное покрывало поднималось, им приходилось оставаться под куполом или хотя бы в стеклянной галерее. Их не должно было быть видно сверху. Никто не был уверен, наблюдает ли еще полиция из космоса или нет, но лучше было проявлять осторожность. Так говорили иссеи. Питер часто отсутствовал, путешествия убедили его в том, что охота за спрятанными колониями закончилась. И в том, что охота эта в любом случае была безнадежна.

– Есть поселения сопротивления, которые вообще не прячутся. Сейчас тут столько шума: теплового, визуального и даже радиошума, – говорил он. – Они не в силах проверить все поступающие сигналы.

Но Сакс всегда отвечал:

– Алгоритмические поисковые программы очень эффективны.

Майя тоже настаивала на том, чтобы продолжать прятаться, глушить электронику и направлять избыточное тепло глубоко внутрь полярной шапки. В этом Хироко соглашалась с Майей, и все подчинялись.

– К нам это не относится, – отвечала Майя Питеру и смотрела при этом затравленно.

Однажды утром в школе Сакс сказал им, что в паре тысяч километров к северо-западу отсюда находится мохол⁸. Облако, которое они иногда наблюдали в той стороне, вырывалось оттуда – огромное, иногда неподвижное, иногда расползающееся тонкими прядями к востоку. В следующий раз, когда к ним наведалься Койот, они спросили его за ужином, бывал ли он там, и он ответил, что бывал и что огромная шахта мохола проникает практически до центра Марса, а на дне ее нет ничего кроме булькающей, расплавленной, огненной лавы.

– Это неправда, – пренебрежительно возразила Майя. – Шахта идет вниз всего на десять или пятнадцать километров. Внизу там твердая скала.

– Но горячая, – сказала Хироко, – и я слышала, что теперь уже двадцать километров.

– Так они делают за нас нашу работу, – пожаловалась Майя Хироко. – Тебе не кажется, что мы паразиты поселений на поверхности? Твоя зеленая сила немногого стоит без их инжиниринга.

– Это свидетельство симбиоза, – спокойно ответила Хироко. Она смотрела на Майю, пока та не поднялась и не ушла. Хироко единственная в Зиготе могла переглядеть Майю.

Хироко, как подумал Ниргал, разглядывая свою мать после этого спора, была очень странной. Она говорила с ним и с любым другим как с равным, и, очевидно, для нее все были равны, никто не был особенным. Но он хорошо помнил время, когда все было иначе, когда оба они были словно две части целого. Но теперь Хироко интересовалась им не больше, чем всеми прочими, ее забота оставалась обезличенной и отстраненной. «И она останется такой же, что бы со мною ни случилось», – думал Ниргал. Надя или даже Майя беспокоились о нем

---

⁸ Нижняя граница, на которой происходит скачкообразное уплотнение вещества. Названа в честь хорватского ученого Андрея Мохоровичича (*хорв.* Andrija Mohorovičić), который исследовал земную кору и мантию. С английского на русский может переводиться как «дыра».

больше. И все-таки Хироко оставалась матерью для всех них. И Ниргал, как и большинство постоянных жителей Зиготы, все так же спускался к ее маленькому бамбуковому жилищу, когда ему нужно было нечто, чего не могли дать обычные люди, – ободрение или совет...

В большинстве случаев, когда он приходил к ней, он заставал там ее маленькое личное окружение: они молчали, и если он хотел остаться с ними, ему тоже приходилось молчать. Иногда это длилось днями, пока ему не надоело заглядывать и проверять. Он мог прийти и во время службы, и тогда его увлекало экстатическое пение имен Марса, он становился неотъемлемой частью этого маленького собрания прямо в сердце мира – и Хироко была рядом, обнимая его одной рукой и крепко прижимая к себе.

Это тоже была своего рода любовь, и он ценил подобное отношение с ее стороны, но старые времена, когда они вместе гуляли по пляжу, ушли безвозвратно.

Однажды утром он зашел в школу и застал Джеки и Дао в раздевалке. Они вскочили, когда он вошел, и к тому моменту, как он снял куртку и ушел в класс, он был уверен, что они целовались.

После уроков Ниргал бегал вокруг сияющего озера, бело-голубого в летний полдень, наблюдая, как волновой генератор поднимается и вновь опускается, словно чувства, теснящиеся у него в груди. Боль поднималась в нем волнами. Он ничего не мог поделать с этим, хотя и понимал, что это глупо. В эти дни они много целовались в купальне, плескаясь, пихаясь и щекоча друг друга. Девчонки целовались друг с другом и утверждали, что так они «тренируются» и что это не взаправду, иногда они практиковались на мальчишках. Рейчел целовала Ниргала много раз, так же как и Эмили, Тиу и Нанеди. В последний раз они обе держали его и целовали в уши в надежде смутить его, вызвав эрекцию в общественной купальне. А однажды Джеки оттолкнула их от Ниргала, загнала его в глубокий угол, ударив его в плечо, когда они боролись, и это было намного более волнующе, чем сотни скользких, влажных и теплых прикосновений, которые делали купание самым приятным временем дня.

Но вне стен купальни, будто стараясь держать под контролем столь взрывоопасные силы, они начинали общаться крайне официально, девчонки с мальчишками сбивались в стаи, которые часто играли независимо друг от друга. Так что поцелуи в раздевалке были чем-то новым и серьезным, как и выражение превосходства, которое Ниргал прочел на лицах Джеки и Дао, будто они знали нечто неизвестное ему – в некотором смысле так оно и было. Это причиняло боль: то, что он знал об этом, и то, что оставался в стороне. И он не был так уж невежественен, он был уверен, что они лежали друг с другом, заставляя друг друга кончать. Они были любовниками, они выглядели как любовники. Его красивая, смеющаяся Джеки больше не принадлежала ему. Хотя на самом-то деле – не принадлежала никогда.

Следующие несколько ночей он спал плохо. Комната Джеки была всего в одном бамбуковом побеге от него, а комната Дао – в двух с противоположной стороны, и в каждом поскрипывании подвесных мостов ему чудились шаги, а иногда ее изогнутое окно освещалось трепещущим желтым светом лампы. Вместо того чтобы оставаться в своей комнате и мучиться, он начал допоздна задерживаться в общих комнатах, читая или подслушивая взрослые разговоры.

Так что он был там, когда они заговорили о болезни Саймона, отца Питера. Этот спокойный человек большей частью отсутствовал, проводя время в экспедициях с Энн, матерью Питера. Оказалось, что у него нечто, называющееся хроническим лейкозом. Влад и Урсула заметили, что Ниргал слушает, и попытались сделать вид, что все не так уж плохо, но он чувствовал, что от него скрывают правду. Кроме того, он поймал их странные изучающие взгляды. Позже, когда он добрался до своей комнаты и лег, включив планшет, он нашел «Лейкемию» и прочел фрагмент из начала статьи. Потенциально смертельное забо-

левание, обычно поддающееся лечению. Потенциально смертельное заболевание – шокирующая формулировка. Он беспокойно ворочался в ту ночь, вплоть до самого рассвета, начавшегося щебетом птиц, мучимый снами. Умирали растения, умирали животные, но люди не умирали. Хотя люди были животными.

На следующую ночь, чувствуя странную опустошенность, он снова остался со взрослыми. Влад и Урсула уселись на пол рядом с ним. Они сказали ему, что Саймону поможет трансплантация костного мозга и что у него с Ниргалом одна и та же редкая группа крови. Такой не было ни у Энн, ни у Питера, ни у кого из братьев и сестер Ниргала, родных и двоюродных. Он наследовал эту группу от своего отца, но даже у него она была немного другой, не совсем такой же. Всего убежища населяло порядка пяти тысяч человек, а такой тип крови, как у Саймона и Ниргала, встречался у одного человека на миллион. Они спросили, пожертвует ли он немного своего костного мозга?

Хироко была там же, в общей комнате, и наблюдала за ними. Она редко проводила вечера в деревне. Ниргалу не нужно было смотреть на нее, чтобы знать, о чем она думает. Они были созданы, чтобы давать, так она говорила всегда, а это стало бы самым великим даром. Актом чистой зеленой силы.

– Конечно, – ответил он, обрадовавшись такой возможности.

Госпиталь располагался за купальней и школой. Он был меньше школы, там было всего пять коек. Саймона положили на одну, а Ниргала на другую.

Старик улыбнулся ему. Он не выглядел больным, просто старым. Фактически, точно таким же, как и все древние. Он вообще мало говорил и сейчас тоже сказал лишь: «Спасибо, Ниргал».

Ниргал кивнул. Но, к его удивлению, Саймон продолжил:

– Я ценю то, что ты делаешь. Тебе будет больно еще неделю или две после операции, и боль будет исходить прямо из кости. На такое трудно решиться ради кого-то.

– Только не тогда, когда это действительно нужно, – ответил Ниргал.

– Ну что ж, это подарок, за который я, конечно же, постараюсь отплатить.

Влад и Урсула укололи руку Ниргала шприцом, введя анестетик.

– Все не обязательно проводить обе операции одновременно, но мы решили, что это хорошая идея, чтобы вы встретились тут. Друзьям легче выздоравливать вместе.

Так они стали друзьями. После школы Ниргал шел в госпиталь, Саймон выходил ему навстречу, они отправлялись по дороге через дюны на пляж. Там они смотрели на волны, тревожившие белую поверхность, поднимающиеся и опадающие над отмелью. Саймон был гораздо молчаливее всех, с кем Ниргал когда-либо проводил время. Это было немного похоже на молчание в ближнем окружении Хироко, которое никогда не кончалось. Сначала Ниргал чувствовал себя неловко, но потом понял, что так у него появляется время, чтобы хорошенько все обдумать. Чайки кружили под куполом, крабы зарывались в песок, каждый пучок травы в дюнах был окружен песчаным колечком. В эти дни Питер часто навещался в Зиготу и гулял вместе с ними. Питер и Ниргал носились по пляжу, играя в догонялки или прятки, пока Энн и Саймон рука об руку прогуливались по дюнам.

Саймон был еще слаб и становился все слабее. Было сложно не воспринимать это как своего рода моральное поражение. Ниргал никогда не болел, и сама концепция болезни была ему отвратительна. Такое случалось только со стариками. И даже им можно было помочь антивозрастной терапией, которую проходили все по достижении определенного возраста, так что никто не умирал. Умирали только растения и животные. Люди тоже были животными, но они изобрели медицину. Ночью, мучимый всеми этими противоречиями, Ниргал прочитал со своего планшета полную статью о лейкемии, хотя она и была длинной, словно целая книга. Рак крови – белые кровяные тельца распространялись из костного мозга и

переполняли систему, атакуя здоровые органы. Саймону делали химио- и лучевую терапию, запускали в кровь псевдовirusы, чтобы убивать белые кровяные тельца, пытались заменить больной костный мозг костным мозгом Ниргала. Кроме того, Саймон теперь проходил анти-возрастную терапию трижды в неделю. Ниргал прочитал и об этом. По сути, речь шла о поиске геномных расхождений, когда найденные поврежденные хромосомы заменялись так, чтобы больше не происходило ошибок в делении клеток. Но множеству введенных в организм клеток-восстановителей было сложно проникнуть внутрь кости, и в случае с Саймоном островки канцерогенного костного мозга оставались там после каждого сеанса. У детей шансы на выздоровление были выше, чем у взрослых, так говорилось в статье про лейкемию. Но с антивозрастной терапией и заменой костного мозга Саймон должен был обязательно выздороветь. Это был просто вопрос времени и количества трансплантаций. В конце концов лечение побеждало все.

– Нам нужен биореактор, – сказала Урсула Владу. Они работали над преобразованием в реактор одного из эктогенных баков, наполняя его пористым животным коллагеном и дополняя клетками из костного мозга Ниргала в надежде сгенерировать массу лимфоцитов, макрофагов и гранулоцитов. Но у них не получалось заставить циркулирующую систему работать правильно, или, может быть, дело было в межклеточном веществе, они и сами не знали. Ниргал оставался их живым биореактором.

По утрам Сакс обучал детей химии почв, когда был учителем. И даже иногда выводил их из классной комнаты работать в почвенных лабораториях, где они вводили биомассу в песок, а потом тележками свозили его в теплицы на берегу. Это была интересная работа, но Ниргал воспринимал ее словно в полусне. Краем глаза он замечал Саймона, который упрямо прогуливался снаружи, и тут же забывал обо всех своих делах.

Несмотря на лечение, Саймон шел медленно и неловко. Фактически он еле плелся, с трудом переставляя не сгибающиеся в коленях ноги. Однажды Ниргал догнал его и встал рядом на последней дюне у самого пляжа. Кулики бегали туда-сюда по влажной отмели, преследуемые белыми полотнищами пенящейся воды. Саймон указал на стадо черных овец, пощипывающих траву между дюнами. Его рука поднялась, словно бамбуковая перекладина. Дыхание овец оседало в траве морозными облачками.

Саймон сказал нечто, чего Ниргал не уловил: старик уже с трудом шевелил губами, и некоторые слова ему было сложно произносить. Возможно, это делало его еще более тихим, чем обычно. Он попытался снова и снова, но, как бы он ни старался, Ниргал не мог понять, что он говорит. Наконец, Саймон оставил попытки и пожал плечами. Они стояли, глядя друг на друга, немые и беспомощные.

Когда Ниргал играл с другими детьми, они одновременно и принимали его в игру, и сохраняли дистанцию, а его мысли металась по кругу. Сакс даже сделал замечание по поводу его отсутствующего вида на уроке.

– Концентрируйся на моменте, – сказал он, заставляя Ниргала вслух читать циклы круговорота азота или погружать руки глубоко во влажную черную почву, с которой они работали, учась правильно замешивать ее, разрывая длинные нити цветущих диатомных водорослей, а также грибы, лишайники, тину и все невидимые микробактерии, которые росли на них, чтобы равномерно распределить все это между заскорузлыми комьями песка.

– Размешивайте это все по возможности равномерно. Сосредоточьтесь. Концентрируйтесь. Осознанность очень важна. Посмотрите на структуры под стеклом микроскопа. Вот эта, прозрачная, словно рисовое зернышко, это хемолитотроф, *Thiobacillus denitrificans*⁹. А вот немного сульфидов. Так что же произойдет, когда первые съедят последних?

---

⁹ Протобактерия.

- Оксид серы.
- И?
- Азот уйдет из соединений.
- Как?
- Нитраты в азот. Из земли в воздух.
- Очень хорошо. Это очень полезный микроб.

Так Сакс принуждал его концентрироваться, но цена была высока. К полудню, когда уроки окончились, Ниргал был совершенно измотан, а после полудня ему уже трудно было заниматься чем-то еще. Потом у него попросили пожертвовать больше костного мозга для Саймона, который лежал в госпитале безмолвный и растерянный, глядя на Ниргала с виноватым видом. Ниргал заставил себя улыбнуться и сжал пальцы вокруг бамбукового предплечья Саймона.

– Все нормально, – сказал он ободряюще и лег рядом. Хотя Саймон, очевидно, делал что-то не так, был слишком слаб, или ленив, или каким-то образом не желал выздороветь. Никак иначе Ниргал не мог объяснить себе его состояние. Ниргала укололи в руку, и рука онемела. В тыльную сторону запястья ввели иглу капельницы, и через некоторое время оно тоже онемело. Он откинулся на спину, стараясь оцепенеть полностью, стать просто еще одним элементом медицинского оборудования. Часть его ощущала большую иглу для забора костного мозга, протыкающую кость в плече. Не было ни боли, ни даже ощущения собственной плоти, только давление на кость. Потом прошло и оно, и Ниргал понял, что игла вошла в мягкие ткани кости.

На этот раз операция не помогла. Саймон был совсем плох, он уже не выходил из госпиталя. Ниргал посещал его время от времени, и они играли в «Погоду» на планшете Саймона, нажимая на кнопки, чтобы сбросить кости, и радуясь, когда выпавшие единицы или шестерки перемещали их в следующий квадрант Марса, где климат был абсолютно другим. Смех Саймона, всегда очень тихий, теперь стал лишь легкой улыбкой.

Рука Ниргала болела, и он плохо спал, ворочался с боку на бок всю ночь, вставал, горячий и потный, боясь неизвестно чего.

Однажды Хироко разбудила его, едва лишь он заснул, и повела вниз по закручивающимся ступеням и дальше, к госпиталю. Полусонный, он слегка наваливался на нее. Она была так же безучастна, как и всегда, но с удивительной силой поддерживала его одной рукой за плечи. Когда они прошли мимо Энн, сидевшей в приемной госпиталя, что-то в ее позе заставило Ниргала задаться вопросом, что Хироко делает в деревне посреди ночи, и, охваченный ужасом, он попытался проснуться окончательно.

Угловатая комната госпиталя была залита ритмично пульсирующим светом, будто сияние пыталось вырваться отовсюду. Голова Саймона покоилась на белой подушке. Кожа его стала бледной и восковой. Он выглядел тысячеклетным стариком.

Повернув голову, он увидел Ниргала. Темные глаза жадно скользнули по лицу мальчика, будто пытаясь проникнуть внутрь, перепрыгнуть разделявшее их расстояние. Задрожав, Ниргал поймал темный пытливый взгляд и подумал: «Ладно, иди ко мне. Давай, если хочешь. Давай».

Но это было невозможно, они оба поняли это, и оба расслабились. Слабая улыбка скользнула по лицу Саймона, он с трудом потянулся и взял Ниргала за руку. Теперь его взгляд блуждал, изучая лицо Ниргала с совершенно другим выражением, будто он пытался найти слова, которые помогут Ниргалу в будущем, будто он пытался сказать все, чему научился сам.

Но и это было невозможно, и снова они оба это поняли. Саймон должен был оставить Ниргала его судьбе, какой бы она ни была. Он ничем не мог помочь Ниргалу.

– Береги себя, – наконец прошептал он, и Хироко вывела Ниргала из комнаты. Она провела его сквозь тьму обратно в спальню, где он забылся глубоким сном. Саймон умер той ночью.

Это были первые похороны в Зиготе, и первые похороны, которые видели дети. Но взрослые знали, что делать. Они встретились в одной из теплиц, среди рабочих столов, сели в кружок вокруг длинного ящика с телом Саймона. Все передавали по кругу фляжку с рисовым ликером, и каждый наполнял рюмку соседа. Они выпили огненное зелье, и старшие встали и пошли вокруг ящика, взявшись за руки, будто затягивая узел вокруг Энн и Питера. Майя и Надя сидели по бокам Энн, обнимая ее за плечи. Энн казалась парализованной, Питер был безутешен. Юрген и Майя рассказывали истории о легендарной неразговорчивости Саймона.

– Однажды, – начала Майя, – мы ехали в марсоходе, и вдруг взорвалась канистра с кислородом, проделав дыру в крыше кабины. Мы бегали в панике и кричали, а Саймон, который оставался снаружи, подобрал камень подходящего размера, запрыгнул на крышу и запечатал им дыру. После этого мы все болтали как сумасшедшие, пытаясь сделать настоящую заплату, и вдруг поняли, что Саймон вообще не произнес ни слова, и мы все замолчали, посмотрев на него, а он сказал только: «Пронесло».

Они засмеялись.

– А помните, мы раздавали потешные премии в Андерхилле, – произнес Влад, – и Саймон получил одну за лучшее видео. Он поднялся на сцену, чтобы получить награду, буркнул: «Спасибо», – и пошел к своему месту, а потом остановился, вернулся на сцену, как будто ему пришло в голову что-то еще, и знаете, мы все сразу обратились в слух, а он прочистил горло и добавил: «Большое спасибо».

Это заставило Энн рассмеяться. Она встала и вывела всех на морозный воздух. Старшие несли ящик вниз к пляжу, а остальные шли следом. Из тумана закружился снег, когда они вынули тело из ящика и закопали его глубоко в песок, прямо за отметкой, оставленной самыми высокими волнами. Они вынули доску из верхней длинной части ящика и Надиным паяльником выжгли на ней имя Саймона, укрепив доску на вершине первой дюны. Так он был погребен. И, конечно же, отчасти эта церемония успокоила их: он возвращался в мир, растворяясь в нем. Но как личность он исчез навсегда...

Закопав Саймона в песок, они шагали под тускнеющим куполом, пытаясь вести себя так, будто реальность не разорвалась вдруг на части, выхватив одного из них. Ниргал не мог поверить в происходящее. Они с трудом шли к деревне, дыша на руки, разговаривая вполголоса. Ниргал тащился рядом с Владом и Урсулой, страстно желая хоть какого-нибудь успокоения. Урсула была печальна, Влад пытался приободрить ее.

– Он прожил больше ста лет, мы можем сколько угодно говорить, что смерть его была преждевременной, но это насмешка над теми бедолагами, которые умерли в пятьдесят, или в двадцать, или в год.

– И все-таки его смерть была преждевременной, – упрямо повторила Урсула. – С омоложением – кто знает? – он мог бы прожить и тысячу лет.

– Я не уверен. Мне кажется, омоложение в действительности затрагивает не каждую часть нашего тела. А со всей этой радиацией у нас может быть гораздо больше проблем, чем мы думали поначалу.

– Возможно. Но если бы мы были на Ахероне с полным персоналом, биореактором и всем оборудованием, я готова спорить, мы бы его спасли. И тогда ты не мог бы утверждать, сколько еще ему осталось бы прожить. Я знаю, что его смерть преждевременна.

Она пошла быстрее, чтобы остаться одной.

Той ночью Ниргал вовсе не мог уснуть. Он видел операции по пересадке костного мозга, вспоминал каждый момент и представлял себе обратный поток в системе, который мог бы заразить его раком. А может, он заразился через прикосновения? Или просто через тот последний взгляд, который Саймон бросил на него?! Так что он теперь болен тем, что они не могут излечить, и скоро умрет. Закостенеет, онемееет, перестанет двигаться и умрет. Это и есть смерть. Сердце колотилось, его прошибал пот, и он плакал от страха. Нет возможности избежать смерти, и это ужасно. Ужасно вне зависимости от того, когда это случится. Ужасно, что весь цикл был задуман так изначально: что он будет повторяться снова и снова, они будут рождаться, чтобы потом умереть навечно. Тогда зачем вообще жить? Это было слишком странно и слишком страшно. И он трясся всю долгую ночь, а его разум метался по кругу в страхе смерти.

После этого Ниргал с трудом мог концентрироваться. Он начал постоянно чувствовать отстраненность от всего, будто проваливался в белый мир и не мог ухватиться за зеленый.

Хироко заметила эту проблему и предложила ему отправиться с Койотом в одно из путешествий. Идея шокировала Ниргала, ведь он никогда раньше и шагу не делал за пределы Зиготы. Но Хироко настаивала. Ему уже семь, говорила она, он почти уже стал мужчиной. Пришло время взглянуть на поверхность мира.

Спустя несколько недель к ним заглянул Койот, и когда он снова засобирался, Ниргал поехал с ним, заняв сиденье второго пилота в его похожей на валун машине и тараща глаза на пурпурную арку вечернего неба из-за низкого лобового стекла. Койот сделал круг, чтобы он смог полюбоваться огромной и сияющей розовой полярной шапкой, возвышавшейся над горизонтом, словно гигантская восходящая луна.

– Трудно представить, чтобы что-нибудь настолько огромное могло когда-нибудь растаять, – сказал Ниргал.

– Ну, это займет некоторое время.

Они неспешно ехали на север. Их машина была замаскирована – покрыта полой каменной оболочкой, температура которой регулировалась и соответствовала температуре окружающей среды. На передней оси располагалось устройство, считывающее рельеф поверхности и передающее его на заднюю ось, где механические скребки восстанавливали рисунок, заматая следы их колес, возвращая камням и песку ровно ту форму, которую они имели изначально. Так что они при всем желании не могли мчаться с большой скоростью.

Очень долго они путешествовали в молчании, хотя молчание Койота отличалось от молчания Саймона. Он мычал, бормотал, переговаривался тихим напевным голосом со своим искином на языке, который был похож на английский, но оставался непонятен. Чувствуя неловкость и робость, Ниргал пытался сконцентрироваться на маленьком фрагменте окна. Местность вокруг южной полярной шапки представляла собой ряд широких плоских террас, и они спускались с одной на другую по дороге, которая, казалось, была заложена в память компьютера. Вниз, терраса за террасой, пока не стало казаться, что полярная шапка стоит на своего рода огромном пьедестале. Ниргал вглядывался во тьму, впечатленный размерами вещей, но счастливый от того, что они не были такими уж грандиозными, как во время его первой прогулки наружу. Это случилось очень давно, но он прекрасно помнил то ошеломляющее изумление.

Сейчас он не чувствовал ничего подобного.

– Я думал, все будет гораздо больше, – сказал он. – Полагаю, дело в кривизне поверхности земли, в конце концов, это маленькая планета.

Как говорилось в планшете: «Горизонт не дальше, чем один край Зиготы от другого!»

– Ага, – ответил Койот, бросив на него взгляд. – Лучше тебе не говорить этого в присутствии Большого Человека, он тебе задницу надерет за такое. Кто твой отец, мальчик? – добавил он.

– Я не знаю. Хироко – моя мать.

Койот фыркнул.

– Если хочешь знать мое мнение, Хироко слишком далеко зашла с матриархатом.

– Вы говорили ей об этом?

– Ручаюсь тебе, но Хироко слушает меня, только когда я говорю то, что она хочет услышать. – Он хохотнул. – Как и все прочие, верно?

Ниргал кивнул, невольная усмешка разрушила его попытки остаться невозмутимым.

– Хочешь узнать, кто твой отец?

– Конечно. – На самом деле он не был в этом уверен. Отец мало значил для него, и он боялся, что его отцом может оказаться Саймон. В конце концов, Питер был ему как старший брат.

– В Вишняке есть оборудование. Можем попробовать узнать там, если хочешь. – Койот покачал головой. – Хироко такая странная. Когда мы с ней встретились, я и подумать не мог, что дойдет до этого. Конечно, тогда мы были молоды, почти так же молоды, как ты, хотя тебе трудно будет поверить в это.

Ниргалу действительно не верилось в подобное.

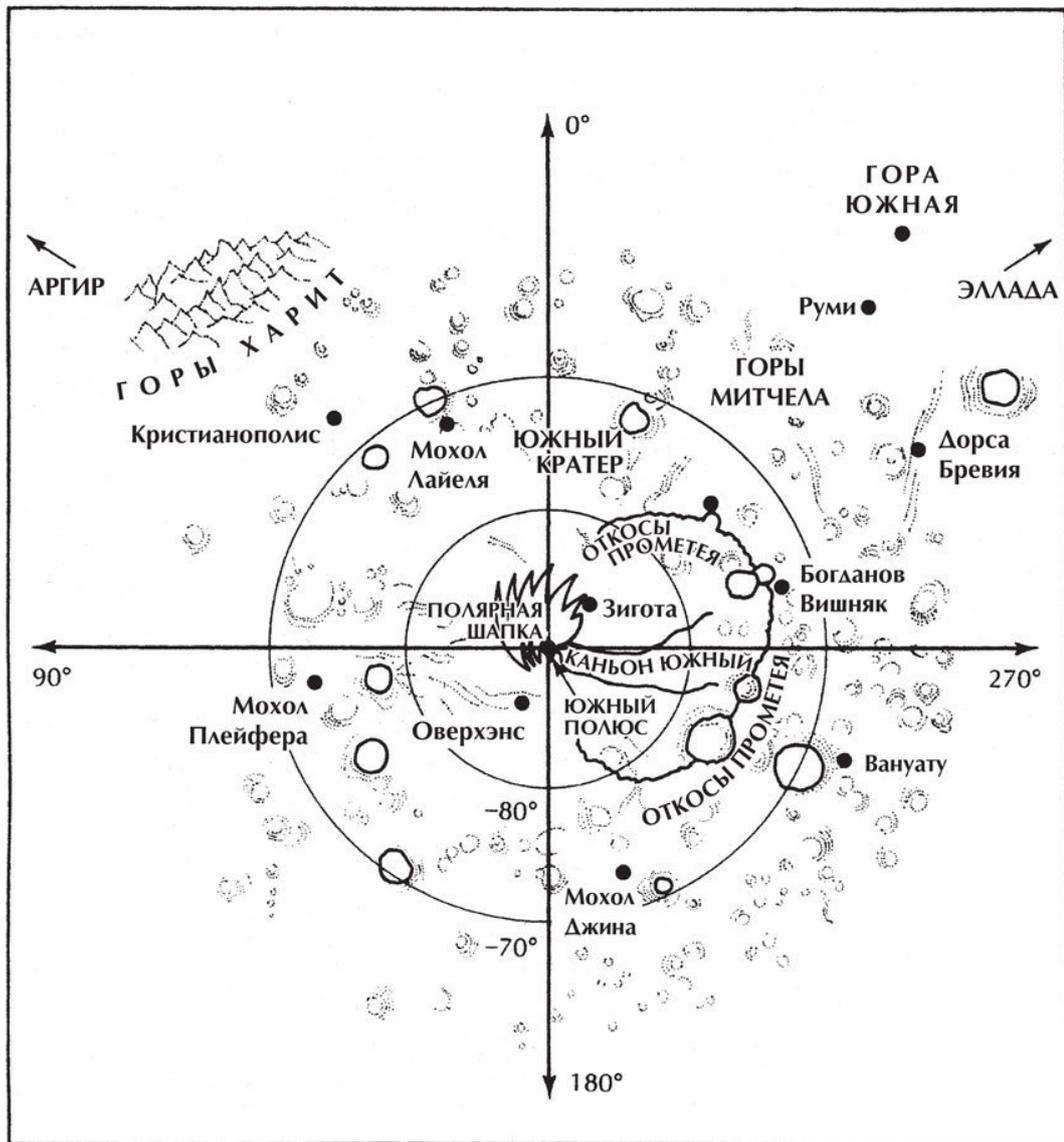
– Когда я встретил ее, она была просто юной студенткой, экоинженером, умной, как черт, и сексуальной, как кошка. В ней не было ничего от богини-матери мира. Но постепенно она начала читать разные книги, и отнюдь не технические руководства, это продолжалось так долго, что к тому моменту, как она попала на Марс, она уже была чокнутой. На самом деле, она свихнулась гораздо раньше. К счастью для меня, ведь именно поэтому я здесь. Но Хироко, о боже!.. Она была убеждена, что история человечества с самого начала развивалась неправильно. На рассвете цивилизации, заявляла она мне очень серьезно, существовали Крит и Шумер. На Крите была мирная торговая культура, управляемая женщинами, полная искусства и красоты – по факту, Утопия, где мужчины были акробатами, сражавшимися с быками весь день и ублажающими женщин всю ночь. Женщины беременели и боготворили своих мужчин, и все были счастливы. Все выглядит прекрасно, за исключением быков. Тем временем Шумер управлялся мужчинами, которые изобрели войну и захватывали все, что попадалось им на глаза, поработав целые империи, так с тех пор и повелось. Никто не знает, говорила Хироко, что могло бы произойти, если бы у этих цивилизаций был шанс вступить в борьбу за власть над миром, потому что на Крите случилось извержение вулкана, и мир упал в руки Шумера, да так и остался в них по сей день. Если бы только этот вулкан поразили Шумер, говаривала она мне, все было бы иначе. И может быть, это правда. Потому что история едва ли могла бы стать темнее, чем наша.

Такая позиция удивила Ниргала.

– Но теперь, – осмелился возразить он, – мы начинаем все заново.

– Верно, мальчик! Мы первобытные элементы неизвестной цивилизации. Живем в своем собственном техно-минойском матриархате. Ха! Мне и самому это нравится. Мне кажется власть, которую забрали наши женщины, не так уж интересна. Власть – это другая сторона рабства, помнишь этот отрывок из книги, которую я заставлял вас читать? Хозяин и раб носят одно ярмо. Анархия – единственная настоящая свобода. Что бы женщины ни делали, все оборачивается против них. Когда они всего лишь самки, они работают до смерти. Но когда они становятся королевами и богинями, они работают еще больше, потому что к обычному труду присовокупляется бумажная работа! Это не для нас. Будь благодарен за то, что ты мужчина и свободен как небо.

Ниргалу такой взгляд на вещи казался своеобразным. Но это был способ справиться с красотой Джеки, с ее невероятной властью над его разумом. Так что Ниргал устроился поглубже в своем кресле, разглядывая белые звезды в черном небе и думая о небесной свободе. Свободен как небо!

Южный полюс Марса

Это случилось 22 марта 32-го М-года, $L_S = 4,2^0$, и южные дни становились короче. Каждую ночь Койот упорно вел их машину запутанными, невидимыми тропами по территории, которая становилась все более и более складчатой по мере того, как они отдалялись от полярной шапки. Днем они останавливались на отдых, а все остальное время ехали. Ниргал старался бодрствовать, но всякий раз засыпал во время ночного перехода и спал еще часть дня, пока день и ночь, время и пространство не перепутались для него окончательно.

Бодрствуя, он постоянно смотрел в окно, на вечно изменяющуюся поверхность Марса. Он все никак не мог насмотреться. В слоистой почве он видел бесконечное множество узоров, многослойные горы песка, рифленные ветром так, что каждая дюна была похожа на крыло птицы. Когда слоистая земля наконец сменилась голым скальным основанием, многослойные дюны превратились в отдельные песчаные островки, разбросанные в мешанине однотонных обнажений и куч камней. Везде, куда бы он ни смотрел, был красный камень – от маленького голыша до необъятных валунов, возвышавшихся над землей, словно зда-

ния. Песчаные островки прятались в каждой ямке и выбоине этого каменистого пейзажа, скапливались у подножий каменных гор, на подветренной стороне низких обрывов и внутри кратеров.

А кратеры были повсюду. Сперва они появились как две шишки, наползающие одна на другую, как оказалось – соединенные внешне края низкой горной гряды. Мимо проплывало множество таких плоских холмов. Одни были крутыми и резко очерченными, другие – низкими и почти неразличимыми, были и третьи, с оправой, разбитой более поздними мелкими ударами, так что можно было увидеть отверстия, углубляющиеся в песок.

Однажды Койот остановил машину незадолго до рассвета.

– Что-то случилось?

– Нет. Мы добрались до наблюдательного поста Рея, я хочу, чтобы ты увидел это. Солнце встанет через час.

И они сидели в креслах и ждали рассвета.

– Сколько тебе лет, мальчик?

– Семь.

– Это сколько? Тринадцать земных лет? Четырнадцать?

– Наверное.

– Ого. Ты уже выше меня.

– Ага, – Ниргал не стал говорить, что это не такой уж и высокий рост. – А вам сколько лет?

– Сто девять. Ха-ха! Закрой глаза, а то они выскочат из орбит. И не смотри на меня так. Я был стар в тот день, когда родился, и буду юн в тот день, когда умру.

Они дремали, пока небо на восточном горизонте приобретало глубокий сине-пурпурный оттенок. Койот мычал под нос какую-то песенку, будто принял таблетку омегендорфа, как это часто случалось с ним по вечерам в Зиготе. Постепенно стало ясно, что горизонт очень далеко и очень высоко, Ниргалу никогда не приходилось видеть поверхность на такой протяженности, и одновременно ему казалось, что она заворачивается вокруг них: черная изогнутая стена, лежащая на невообразимом расстоянии, охватывала черную каменистую равнину.

– Эй, Койот! – воскликнул он. – Что это?

– Ха! – ответил Койот, и в его голосе сквозило глубокое удовлетворение.

Небо осветилось, и солнце внезапно расколело верхний край далекой стены, на минуту ослепив Ниргала. Но по мере того, как солнце поднималось, тени на огромном округлом утесе уступали потокам света, обнажавшего острые, рваные углубления, вдавленные в край стены, настолько огромной, что Ниргал просто ахнул. Его нос прижался к оконному стеклу: его почти пугало, насколько большой была эта стена!

– Койот, что это?

Койот рассмеялся своим тревожным смехом – животный клекот наполнил машину.

– Что, этот мир в конце концов не так уж мал, а, мальчик? Это основание Земли Прометея. Эта территория, появившаяся в результате удара, одна из самых больших на Марсе, почти такая же большая, как равнина Аргир, но удар пришелся сюда, в область Южного полюса, так что половина ее ободка была погребена под полярной шапкой и под опустившимся ландшафтом. А другая половина – это вон тот изогнутый откос. – Он широко взмахнул рукой. – Что-то вроде супербольшого кратера, но частично открытого, так что можно въехать прямо в него. Этот небольшой подъем – лучшее из известных мне мест, чтобы обозреть окрестности. – Он вызвал карту местности и показал. – Мы тут, в фартуке¹⁰ маленького кратера, и сориентированы на северо-запад. Утес – это Откосы Прометея, вон там. Они

---

¹⁰ Фартуком называют обвал кромок кратеров.

около километра высотой. Конечно, высота утеса Эхо – три километра, а утес горы Олимп – шесть, ты знал что-нибудь про Олимп, мистер Маленькая Планета? Но и этой малышки будет достаточно для начала.

Солнце поднималось выше, освещая гигантский изгиб утеса сверху. Он был глубоко изрезан ущельями и испещрен маленькими кратерами.

– Убежище «Прометей» расположено на краю вон того большого выступа, – сказал Койот, указывая на левую часть изгиба, – кратера Wj.

Пока они ждали весь долгий день, Ниргал смотрел на гигантский утес, практически не отрываясь, и в каждый момент времени он казался иным, тени укорачивались и перемещались, открывая одни детали и затемняя другие. Годы ушли бы на то, чтобы увидеть их все, и Ниргал понял, что не может преодолеть ощущение, будто гора неестественно, даже невозможно огромна. Койот был прав – близкие горизонты дурачили его, он и не представлял себе, что мир может быть так огромен.

Ночью они заехали в кратер Wj, один из самых больших в гигантской стене. А потом достигли Откосов Прометея. Утес нависал над ними, как вертикальный край самой вселенной. Полярная шапка по сравнению с этой каменной массой была крохотной. А это значило, что гора Олимп, о которой упоминал Койот, должна была быть... Ниргал даже не мог подобрать сравнение.

Внизу, у подножия утеса, в той точке, где монолитная скала почти вертикально вонзалась в песок, нашлась углубленная закрытая дверь. Внутри располагалось убежище «Прометей», анфилада широких залов, обшитых бамбуком, через чистые окна которых удобно было обозревать кратер. Как и Койот, обитатели убежища владели французским, но, обращаясь к Ниргалу, глядя на него сверху вниз, довольно бегло произносили по-английски:

– А ты – Ниргал! Очаровательно! Мы слышали о тебе, мы счастливы тебя видеть!

Небольшая группа устроила ему экскурсию, пока Койот был занят другими делами. Их убежище было совсем не похоже на Зиготу. В общем, там не было ничего, кроме комнат. Несколько больших лепилось к стенам, более мелкие – к большим. Три комнаты из тех, что имели окна, служили парниками, и во всем убежище было очень тепло, вокруг размещалось много растений, картин на стенах, скульптур и фонтанов. Ниргалу было очень тесно и слишком жарко, но невероятно интересно.

Они остались там всего на день, а потом загнали машину Койота на подъемник и сидели так целый час. Когда Койот вырулил из противоположных дверей, они оказались на вершине морщинистого плато, лежавшего прямо за Откосами Прометея. И тут Ниргал был снова шокирован. Когда они находились внизу, у наблюдательного поста Рея, утес ограничивал их поле зрения, и это было понятно Ниргалу. Но на вершине утеса, оглядываясь назад, он видел пространства настолько огромные, что не мог осознать увиденное. Все казалось расплывчатой массой пузырьков и цветных заплаток – белых, пурпурных, коричневых, желтоватых, ржавых, белых, и его мутило от одного этого вида.

– Шторм приближается, – сказал Койот, и Ниргал вдруг увидел, что цвета над ними – это вереница высоких и плотных облаков, плывущих сквозь фиолетовые небеса к солнечному колодцу на западе. Облака, белесые у своих вершин и темно-серые у основания. Их нижний край был ближе к путникам, чем дно кратера. Мир снизу – крапчатая мешанина желтовато-коричневого и шоколадного цветов – никогда не был столь ровным. Ах, эти тени, скользящие в вышине!

А вон тот белый полумесяц в самой середине – полярная шапка! Отсюда они видели весь путь домой! Ледяная шапка дала Ниргалу понимание перспективы, необходимое, чтобы осознать картину, и пятна цвета преобразились в ухабистый, неровный окольцованный пейзаж, испещренный тенями движущихся облаков.

Ошеломляющий акт осознания занял у Ниргала всего несколько секунд, а затем он заметил, что Койот наблюдает за ним с широкой усмешкой.

– Как далеко мы можем видеть, Койот? Сколько тут километров?

Койот лишь усмехнулся.

– Спроси Большого Человека, мальчик. Или сам посчитай! Триста? Что-то около того. Маленький прыжок для больших. Тысячи империй для маленьких.

– Я хочу побывать там.

– Уверен, что хочешь. Смотри! Там, в облаках над полярной шапкой... Молнии, видишь? Вон они – маленькие вспышки!

Они и в самом деле были там – яркие нити света, беззвучно появляющиеся и исчезающие, по одной или по паре в каждые несколько секунд, соединяя облака с белой землей. Наконец-то он видел молнии своими собственными глазами. Белый мир, воспламеняющий зеленый, встряхивающий его.

– Нет ничего лучше бури, – сказал Койот. – Как прекрасно чувствовать ветер! Это мы создали бурю, мальчик. Хотя я думаю, мы можем создать бурю и посильнее.

Но Ниргал не мог представить себе бури больше. Та, что простиралась перед ними, была космически обширной – поразительная, сверкающая цветом, необузданно просторная. Он даже почувствовал некоторое облегчение, когда Койот повернул машину и поехал дальше, а мерцающий пейзаж исчез. Край утеса стал новым небесным сводом позади них.

– Так это все-таки были молнии?

– Ну, молнии... Должен признаться, что молнии – один из феноменов этого мира, которому я не могу найти объяснения. Мне пытались объяснить, но суть от меня постоянно ускользает. Это, конечно же, электричество, что-то связанное с электронами и ионами, положительно и отрицательно заряженными, заряды образуются в грозовых облаках, разряжаются в землю или сразу в обоих направлениях, и вверх, и вниз, кажется, так. Кто знает? Бум-бум! Вот что такое молния, а?

Белый мир и зеленый, трущиеся друг о друга, сцепляющиеся при трении. Конечно.

На плато к северу от Откосов Прометея располагалось несколько убежищ, одни прятались в крутых вертикальных откосах и ободах кратеров, словно Надин подземный проект за пределами Зиготы, другие просто стояли в кратерах под прозрачными навесами куполов, где их могла бы заметить полиция. В первый раз Койот подрулил к ободку одного такого кратера, и они наблюдали через прозрачное покрытие купола за деревней под звездами. Ниргал вновь был удивлен, хотя удивление и не было таким сильным, как потрясение от открывшегося перед ним пейзажа. Здания, такие как школа, купальня, кухня, теплицы и деревья, – все было в основном знакомо, но как они могли скрывать все это у всех на виду? Это сбивало с толку.

И так много людей, так много незнакомцев. Теоретически Ниргал знал, что их в южных убежищах очень много, что-то порядка пяти тысяч, все повстанцы, побежденные в войне 2061 года. Но встретить стольких из них так скоро и убедиться в правдивости этих данных – это было нечто совсем другое. Остановки в неукрытых убежищах заставляли его сильно нервничать.

– Как они могут так жить? – спрашивал он Койота. – Почему их до сих пор не арестовали и не забрали?

– Я сдаюсь, парень. Может, их и могли бы арестовать. Но не арестовали до сих пор, так что они не считают необходимым прятаться. Знаешь, чтобы спрятаться, нужны невероятные усилия. Нужно проводить термальный инжиниринг, подавлять сигналы электроники и все время держаться вне поля зрения – это настоящая заноза в заднице. И некоторые люди там, внизу, просто не хотят этим заниматься. Они называют себя «полусветом». По их плану, если убежище когда-нибудь отыщут и захватят, большинство уйдет спасательными тонне-

лями вроде нашего, а некоторые даже припрятали оружие на такой случай. Они поняли, что поскольку они тут на поверхности, никому нет нужды проверять, что они делают. Люди из Кристианополиса прямо сказали ООН, что прибыли сюда, чтобы выскользнуть из сети. Но... тут я согласен с Хироко. Некоторые из нас должны быть более осторожны, чем прочие. ООН жаждет заполучить первую сотню, я так считаю. И их семьи в том числе, а значит, вам, детишки, не повезло. Как бы там ни было, в сопротивление теперь входят и подземные убежища, и «полусвет», а открытые поселения очень помогают скрытым убежищам, так что я рад, что они есть. Сейчас мы зависим от них.

В этом городе Койота приветствовали так же радостно, как и везде, – что в скрытых поселениях, что в открытых. Он расположился в углу гаража на ободке кратера и устроил длительный оживленный обмен товарами, включая запасы семян, программное обеспечение, лампы, запчасти и небольшие механизмы. Все это он раздавал после длительных консультаций с хозяевами, устраивая торги, которых Ниргал не понимал. А потом, после короткой экскурсии по кратеру и деревне, удивительно похожей на Зиготу под блестящим багровым куполом, они снова тронулись в путь.

В очередной поездке между убежищами Койот попытался, хоть и не очень успешно, объяснить принципы своей торговли.

– Я спасаю людей от их нелепых воззрений на экономику, вот что я делаю! Идея с подарками, конечно, хороша, но она не подходит к нашей ситуации. Есть некие необходимые предметы, которые должны быть у всех, так что их нужно отдавать, и тут возникает противоречие, верно? В общем, я пытаюсь выработать рациональную систему. На самом деле ее выработали Влад и Марина, я только пытаюсь ввести ее, а значит, получаю все шишки.

– И эта система...

– Ну, это двуединая система, когда они по-прежнему могут давать все, что хотят, но вещам первой необходимости присвоена некая ценность, которая позволяет распределять их правильно. И, боже мой, ты не поверишь, с какими аргументами я иногда сталкиваюсь! Люди могут быть такими тупыми... Я пытаюсь убедиться, что все складывается в стройную экосистему, вроде систем Хироко, когда каждое убежище занимает свою нишу и обеспечивает свою специализацию, и что я получаю взамен? Оскорбления, вот что я получаю! Грубые оскорбления... Я пытаюсь не делать подарков, а они называют меня королем воров, я пытаюсь прекратить накопительство, а они называют меня фашистом. Дураки! Что они собираются делать, если никто из них не самодостаточен, а половина – сумасшедшие параноики в придачу? – Он театрально вздохнул. – Как бы там ни было, мы делаем успехи. Кристианополис производит лампы, а Мосс Хайд выращивает новые виды растений, как ты видел. Богданов Вишняк создает все большое и сложное, вроде стержней для реактора и стелс-транспортников, а также значительную часть больших роботов, ваша Зигота поставляет научный инструментарий и все такое. А я развожу все это по окрестностям.

– Ты один занимаешься этим?

– Почти что. Они почти самодостаточны, на самом деле, за исключением нескольких критических вещей. У всех них есть программы и семена – это базовые потребности. Кроме того, важно, чтобы число людей, знающих расположение скрытых убежищ, оставалось небольшим.

Ниргал обдумывал это, пока они ехали сквозь ночь. Койот продолжал разглагольствовать о стандартах перекиси водорода и азота, о новой системе, введенной Владом и Мариной. Ниргал изо всех сил старался поспевать за ходом его мысли, но это было сложно, то ли потому, что сложен был сам концепт, то ли потому, что Койот не столько объяснял, сколько злился на те сложности, с которыми сталкивался в некоторых убежищах. Ниргал решил спросить об этом Сакса или Надю, когда они вернутся домой, и перестал слушать.

Поверхность, по которой они теперь передвигались, была усеяна кольцами кратеров, свежие перекрывали и погребали под собой старые.

– Это перекрытые структуры. Очень древние.

Множество кратеров вообще не имело выраженных краев, просто неглубокие плоские круглые дыры в земле.

– Что стало с ободами?

– Износились.

– Как?

– Энн говорит, это лед и ветер. Она утверждает, что с течением времени южные возвышенности уменьшились почти на километр.

– Так тут вообще ничего не останется!

– Появится что-то другое. Это старая земля.

Поверхность между кратерами, покрытая отдельными камнями, вся была неровной, сплошные впадины, подъемы, дыры, бугорки, канавки, углубления, возвышенности, холмы и долины, – нигде нет даже намека на плоскость, только на краях кратера и на случайных низких гребнях – и то, и другое Койот по возможности использовал как дорогу. Но путь, которым он следовал среди этого неровного ландшафта, был по-прежнему извилист, и Ниргал поверить не мог, что Койот знал его на память. Он сказал это вслух, и Койот рассмеялся.

– О чем ты говоришь? Мы потерялись!

Хотя не совсем и ненадолго. Струйка мохола показалась над горизонтом, и Койот направился туда.

– Я знал с самого начала, – бормотал он, – это мохол Вишняк, вертикальный ствол, около километра в поперечнике, зарывающийся прямо в коренную породу. У нас было четыре мохола по линии семьдесят пятой широты, и парочку из них забросили, там нет даже роботов. Ну а Вишняк, один из двух заброшенных, заняла группка богдановистов, которые и теперь живут там... – Он рассмеялся. – Отличная идея, ведь они могут углублять боковую стену вдоль спуска на дне и там, внизу, получать столько тепла, сколько им вздумается. Никто не догадается, что это не очередной выброс мохола... Так что они могут строить что угодно, даже добывать уран для стержней. Теперь это целый индустриальный город – одно из любимых моих мест, там можно хорошенько повеселиться!

Направив машину в один из небольших рвов, разрезающих землю, он затормозил и постучал по экрану, большой камень выкатился из боковой стены рва, открывая черный туннель. Койот заехал внутрь, и каменная дверь закрылась за ними. Ниргал полагал, что его уже ничто не может удивить, но теперь он с округлившимися глазами следил, как они спускаются по этому, казавшемуся бесконечным туннелю, едва не задевая шершавые стены.

– Они прорыли несколько подъездных туннелей, так что сам по себе мохол выглядит абсолютно нетронутым. Нам ехать еще порядка двадцати километров.

Через какое-то время Койот выключил фары. Машина выкатилась в тускнеющий яйцевидный купол ночи. Они оказались на обрывистой дороге, очевидно, закручивающейся спиралью вдоль стены мохола. Огоньки на панели управления сияли, словно крошечные фонарики, и, глядя на свое отражение в стекле, Ниргал видел, что дорога шире машины в четыре или пять раз. Разглядеть всю окрестность мохола не представлялось возможным, но судя по изгибу дороги, она была невероятной.

– Вы уверены, что можно поворачивать на такой скорости? – спросил он обеспокоенно.

– Я доверяю автопилоту, – раздраженно ответил Койот. – Дурная примета – говорить о таком.

Машина катилась вниз по дороге. Больше чем через час спуска панель управления издала звуковой сигнал, и машина свернула к изгибающейся каменной стене слева. Там был гараж, двери которого с шумом захлопнулись после того, как они заехали.

Внутри их приветствовала группа порядка двадцати человек, они провели гостей через ряд длинных комнат в зал, напоминающий пещеру. Помещения, которые богдановисты вырыли в стенах мохола, были огромными, гораздо больше комнат «Прометей». Как правило, подсобные помещения достигали высоты в десять метров и иногда тянулись до ста метров вглубь, тральная каверна могла соперничать по размерам с Зиготой, большие окна смотрели прямо в дыру. Глядя из окна по сторонам, Ниргал заметил, что снаружи стекло похоже на поверхность камня. Проницаемое покрытие было очень хитроумным, поскольку с наступлением утра пропускало внутрь максимум света. Из окон виднелись лишь противоположная стена мохола да выпуклый лоскут неба над ним, но и этого было достаточно, чтобы придать комнатам удивительное ощущение пространства и света, – это чувство, будто находишься под открытым небом, Ниргал никогда не испытывал в Зиготе.

В тот первый день Ниргала забрал маленький темнокожий человек по имени Хилали, он водил его по комнатам и прерывал работающих людей, чтобы представить им Ниргала. Все люди были довольно доброжелательны.

– Ты, должно быть, один из ребят Хироко, да? О, ты Ниргал! Очень рад с тобой познакомиться! Эй, Джон, Койот приехал, сегодня будет вечеринка!

И они показывали ему, чем занимаются, проводя в комнаты поменьше, туда, где под ярким светом располагались фермы и мануфактуры, которые, казалось, простирались в сердце скалы бесконечно. И везде было очень тепло, словно в купальне, так что Ниргал постоянно потел.

– Куда вы убираете весь вырытый камень? – спросил он Хилали. Одним из удобств проживания в куполе под полярной шапкой, по словам Хироко, было то, что вырытый сухой лед можно было просто растворить.

– Облицовываем им дорогу у основания мохола, – ответил Хилали, весьма довольный вопросом. Он, казалось, был доволен любыми вопросами Ниргала, как и все прочие. Люди в Вишняке вообще казались счастливыми, эдакая шумная толпа, которая всегда устраивает вечеринки в честь прибытия Койота – как понял Ниргал, это был лишь еще один из многих поводов повеселиться.

На наручную консоль Хилали поступил звонок от Койота, и он повел Ниргала в лабораторию, где с пальца мальчика взяли маленький кусочек кожи. Потом они медленно пошли обратно в большую пещеру и присоединились к толпе, выстроившейся у задних окон кухни.

Съев большую, щедро приправленную специями порцию бобов с картофелем, они присоединились к вечеринке в главной пещере. Большой оркестр неумелых барабанщиков, состав которых постоянно менялся, наигрывал ритмичные стаккато, и люди часами танцевали под них, останавливаясь время от времени, чтобы выпить отвратительного ликера под названием «каваява» или отойти к стене зала и поиграть в одну из многочисленных игр, устроенных там. Попробовав каваявы и проглотив таблетку омегендорфа, выданную Койотом, Ниргал пробежался под звуки барабанов, потом сел на небольшой, покрытый травой холм в центре пещеры, чувствуя, что уже слишком пьян, чтобы стоять на ногах. Койот пил не переставая, но не испытывал подобных проблем. Он дико танцевал, высоко вскидывая ноги и смеясь.

– Никогда тебе не испытать, что такое нормальная гравитация, мальчик! – кричал он Ниргалу. – Никогда!

Люди подходили знакомиться и иногда просили Ниргала продемонстрировать согревающее прикосновение. Несколько девочек его возраста прижимали ладони к своим щекам, порозовевшим от выпитого, а когда он согревал их, смеялись, округлив глаза от удивления, и предлагали погреть им что-нибудь еще. Вместо этого он вставал и танцевал с ними, чувствуя легкость и головокружение, или бегал небольшими кругами, чтобы высвободить перепол-

нявшую его энергию. Когда он, с гудящей головой, вернулся к холму, Койот подошел, махая рукой, и тяжело опустился рядом.

– Так здорово танцевать при здешней силе тяжести, никогда мне это не надоест. – Он бросил косою взгляд, его серые дреды разметались по всей голове, и Ниргал снова заметил, что его лицо кажется каким-то треснутым. Возможно, у него была сломана челюсть, так что теперь одна ее часть шире другой. Что-то вроде того. Ниргал нервно сглотнул.

Койот схватил его за плечо и сильно встряхнул.

– Похоже, что я твой отец, мальчик! – воскликнул он.

– Вы шутите! – Электрический разряд пробежал вдоль позвоночника Ниргала, он побледнел, когда оба они уставились друг на друга. Ниргал удивился, как белый мир может поразить зеленый, сотрясти его до основания, словно молния, пронзившая плоть. Они крепко обнялись.

– Я не шучу! – воскликнул Койот.

Они вновь уставились друг на друга.

– Неудивительно, что ты такой умный, – заметил Койот и весело засмеялся. – Ха-ха-ха! Ничего себе! Надеюсь, ты не возражаешь!

– Нет, конечно, – ответил Ниргал, ухмыляясь, но испытывая неловкость. Он знал Койота недостаточно хорошо, а о концепции отцовства имел понятия еще более смутные, чем о концепции материнства, так что даже не был полностью уверен, что чувствует. Генетическая наследственность, что это такое? У всех них были общие с кем-то гены, а гены эктогенов вообще были модифицированы – так им говорили.

Но Койот, хотя и проклиная Хироко на все лады, кажется, был доволен.

– Эта стерва и тиранка! Черт бы побрал ее матриархат – она сумасшедшая! Меня поражает то, что она делает! Хотя это в некоторой степени справедливо... Да, справедливо, потому что мы с Хироко представляли из себя кое-что тогда, в Англии, когда были еще молоды. В конце концов, именно поэтому я тут, на Марсе. Безбилетный пассажир в ее уборной, всю мою гребаную жизнь... – Он засмеялся и вновь хлопнул Ниргала по плечу. – Ну, мальчик, позже ты и сам узнаешь, что это значит.

Он ушел танцевать, оставив Ниргала размышлять о случившемся. Глядя, как кружится Койот, Ниргал лишь качал головой. Он не знал, что и думать, в ту минуту мыслительный процесс вообще был крайне труден. Лучше уж танцевать или пойти поискать купальню...

Но тут не было публичных купален. Он бегал кругами по танцполу, превращая бег в своего рода танец, а позже вернулся к тому же холмику, и группа местных собралась вокруг него и Койота.

– Это словно быть отцом Далай-ламы, да? Как это еще назвать?

– Иди ты к черту! Как я уже говорил, Энн рассказала, что они прекратили копать семидесятипятиградусные мохолы потому, что литосфера тут тоньше. – Койот важно кивнул. – Я хочу пойти к одному из выведенных из эксплуатации мохолов и вновь запустить роботов, посмотреть, пророют ли они достаточную дыру, чтобы получился вулкан.

Все засмеялись, но одна женщина покачала головой.

– Если ты так сделаешь, они спустятся вниз, чтобы проверить... Но если ты действительно собираешься сделать это, езжай на север, выбери один из шестидесятиградусных мохолов. Они тоже выведены из строя.

– Но, по словам Энн, литосфера там толще.

– Конечно, но и мохолы глубже.

– Хм-м, – промычал Койот.

И разговор зашел о более серьезных вещах, в основном о непереносимых вопросах дефицита и о развитии на севере. А через несколько дней они покинули Вишняк, используя дру-

гой, более длинный туннель, направляясь на север, и все предыдущие планы Койота пошли псу под хвост.

– Так я живу, мальчик, – только и сказал он.

На пятую ночь поездки по тесно сгрудившимся холмам юга Койот сбавил скорость и обогнул по краю большой старый кратер, опустившийся почти вровень с землей. С остатков древнего обода можно было увидеть, что песчаное дно кратера уродовала огромная темная дыра. Так, очевидно, выглядел с поверхности мохол. Тонкие морозные струйки поднимались на несколько сотен метров над дырой, возникая из ничего, словно по мановению волшебной палочки. Край мохола был скошен, образуя бетонированный спуск, который уходил вниз под углом примерно сорок пять градусов. Сложно было сказать, насколько большой была эта опоясывающая каемка: по сравнению с мохолом она казалась очень узкой, по внешнему ее краю тянулось высокое проволочное ограждение.

– Хм-м, – промычал Койот, вглядываясь в ветровое стекло. Он сдал назад по краю кратера и припарковался, затем скользнул в скафандр.

– Скоро вернусь, – заявил он и выпрыгнул в камерный шлюз.

Для Ниргала это была долгая, беспокойная ночь. Он едва ли спал, до самого утра пребывая во все усиливающейся агонии беспокойства, пока не увидел Койота, появившегося с внешней стороны шлюза как раз перед тем, как часы показали семь, предвещая восход солнца. Ниргал готов был уже пожаловаться на столь долгое отсутствие, но, когда Койот ступил внутрь и снял шлем, стало ясно, что он в дурном настроении. Пока они пережидали день, Койот был поглощен своим искином, советуясь о чем-то и яростно ругаясь, напрочь забыв о своем юном и голодном подопечном. Ниргал не растерялся и разогрел еду им обоим, затем вздремнул вполглаза и проснулся, когда машина, взревев мотором, двинулась дальше.

– Я собираюсь попробовать въехать внутрь через ворота, – сказал Койот. – У них тут серьезная система безопасности. Это займет еще одну ночь.

Он обогнул кратер, припарковавшись на противоположной стороне обода, и в сумерках снова вышел из машины. Его не было всю ночь, и опять Ниргал не мог заснуть. Он спрашивал себя, что будет делать, если Койот не вернется.

А тот на самом деле не вернулся с рассветом. Следующий день был, без сомнения, самым длинным днем в жизни Ниргала, и к вечеру он понятия не имел, что делать дальше. Попытаться спасти Койота? Ехать назад к Зиготе или Вишняку? Спуститься вниз в мохол и отдаться на милость той загадочной системе безопасности, которая поглотила Койота? Все это казалось невозможным.

Но через час после захода солнца Койот постучал по машине своим привычным «тук-тук-тук» и через минуту был уже внутри, лицо его искажала ярость. Он выпил литр воды, поморщился и выпятил губы.

– Давай убираться отсюда! – буркнул он.

Через пару часов молчаливой поездки Ниргал решил сменить тему или хотя бы продолжить ее.

– Койот, как ты думаешь, сколько нам еще придется прятаться?

– Не называй меня Койотом! Я не Койот. Койот, там, за холмами, уже может дышать воздухом и делать, что ему вздумается. Меня зовут Десмонд, ты понял?

– Да, – ответил Ниргал, испугавшись.

– Что касается того, долго ли нам еще прятаться, я думаю, вечно.

Они ехали назад на юг, к мохолу Рэлей, куда Койот, не похожий на Десмонда, планировал ехать с самого начала. Этот мохол был по-настоящему заброшен – темная дыра в горах, – а его горячие струи парили над ним, словно призрак монумента. Они въехали прямо в пустую, занесенную песком парковку в гараже на краю мохола, остановившись посреди небольшой флотилии роботов, окутанных брезентом и заметенных барханами.

– Так мне больше нравится, – пробормотал Койот. – Мы должны заглянуть внутрь. Давай натягивай скафандр.

Было странно стоять снаружи, под ветром, на краю такой невероятной пропасти. Они заглянули за невысокую, по грудь, стену и увидели скошенную забетонированную ленту, опоясывающую дыру, которая уходила под углом на пару сотен метров вниз. Чтобы увидеть настоящую шахту мохола, они должны были спуститься по изогнутой дороге в темноту. Койот стоял прямо на краю, и это заставляло Ниргала нервничать. Пытаясь заглянуть через край, Ниргал опустился на четвереньки – ни намека на дно, будто дыра вела в самый центр планеты.

– Двадцать километров, – сказал Койот по внутренней связи в гермошлеме. Он протянул руку над краем, Ниргал сделал то же и почувствовал ток воздуха вверх. – Ладно, давай посмотрим, сможем ли мы запустить роботов.

И они выбрались обратно на дорогу.

Большую часть дня Койот провел, изучая старые программы искина, и сейчас, закачав перекись водорода из их трейлера в одну из чудовищных машин на парковке, он подключился к их контрольной панели и работал с ней. Закончив, он остался доволен тем, что теперь роботы будут работать на дне мохола, как требуется, и они стали наблюдать, как пара роботов с колесами, чей диаметр превышал размеры их машины в четыре раза, катятся вниз по изогнутой дороге.

– Вот и хорошо, – произнес Койот, заметно повеселев. – Они будут использовать солнечные панели, чтобы самостоятельно производить перекись водорода и горючее для себя, будут работать медленно, но упрямо, пока, может быть, не наткнутся на что-нибудь горячее. Вполне возможно, мы только что запустили вулкан!

– А это хорошо?

Койот дико расхохотался.

– Я не знаю! Но никто раньше ничего подобного не делал, так что попробовать стоило.

Они вернулись к графику своего путешествия между убежищами, как скрытыми, так и открытыми, и Койот всюду повторял: «Мы запустили мохол Рэлей на прошлой неделе, вы еще не видели вулкана?»

Вулкана никто не видел. Рэлей, казалось, вел себя так же, как и раньше, его горячие струи оставались безмятежны.

– Наверно, это не сработало, – говорил Койот. – Или понадобится больше времени... С другой стороны, если бы мохол наполнился сейчас расплавленной лавой, откуда бы мы узнали об этом?

– Мы бы непременно узнали, – отвечали люди, а некоторые добавляли: – Зачем ты сделал такую глупость? Мог бы с тем же успехом вызвать представителей власти и попросить их спуститься, поискать нас тут.

Так что Койот прекратил поднимать эту тему. Они ехали дальше от убежища к убежищу: Мосс Хайд, Грэмши, Оверхэнс, Кристианополис... На каждой остановке Ниргала радостно приветствовали – часто люди знали о нем заранее, по слухам. Ниргал был удивлен разнообразием и числом убежищ, вместе формирующих странный мир, наполовину спрятанный, наполовину обнаженный. И если этот мир – лишь малая часть всей марсианской цивилизации, то на что похожи города севера? Это лежало за гранью его понимания, хотя ему казалось, что новые чудеса, возникающие одно за другим на протяжении всего путешествия, делают его взгляд на вещи шире. Нельзя удивляться бесконечно.

– Что ж, – говорил Койот (пока они ехали, он научил Ниргала водить), – мы, может быть, разбудили вулкан, а может быть, и нет. Но в любом случае это была новая идея. Вот что самое крутое здесь, мальчик, во всем этом марсианском проекте, – тут все новое.

Они направлялись на юг, и вскоре призрачная стена полярной шапки замаячила над горизонтом. Совсем скоро они вернутся домой.

Ниргал размышлял об убежищах, которые они посетили.

– Ты правда думаешь, что мы вынуждены будем прятаться вечно, Десмонд?

– Десмонд? Какой еще Десмонд? – Койот надул губы. – О, мальчик... Я не знаю... Никто не знает. Люди, которые прячутся здесь, были изгнаны в странные времена, когда их преследовали за образ жизни, и я не уверен, что в городах, которые строят на севере, все сохранилось по-старому. Боссам на Земле преподали урок, и, может быть, людям наверху теперь безопаснее. А может, они просто не починили еще лифт.

– Так другой революции не будет?

– Я не знаю.

– По крайней мере, до тех пор, пока не построят новый космический лифт?

– Я не знаю! Но лифт на подходе, и они ставят новые большие зеркала, иногда ночью, а порой даже днем, можно увидеть их блеск. Полагаю, может случиться все, что угодно. Но революции случаются редко, и большинство из них реакционны по сути. Видишь ли, у простых людей есть свои традиции, которые помогают им держаться, но они живут так близко к краю, что быстрые изменения могут вытолкнуть их наружу, и иногда это вопрос не политики, а выживания. Я сам в этом убедился, когда был в твоём возрасте. Люди, которых посылали сюда тогда, не бедствовали, но у них были свои традиции, и они были так же бесправны, как и нищие. А потом случился наплыв пятидесятых, и их традиции были сметены прочь. Так что они боролись за то, что имели. Правда состоит в том, что они проиграли. Ты не можешь сражаться с тем, что могущественнее тебя, особенно здесь, где оружие, обращенное против нас, слишком сильно, а наши убежища слишком хрупкие. Нам нужно было вооружиться получше или придумать что-то еще. Вот и случилось то, что случилось. Мы прячемся, а они наводняют Марс новыми людьми, которые на Земле привыкли к по-настоящему суровым условиям, так что местные трудности их не пугают. Они получили лечение и уже счастливы. Не так уж много людей стремится сюда, в убежища, так, как стремились мы до шестидесят первого года. Конечно, есть кое-кто, но их мало. Пока люди знают, чем занять себя, пока они сохраняют свои маленькие обычаи, они, понимаешь ли, и пальцем не шевельнут.

– Но... – начал Ниргал и запнулся.

Койот заметил выражение его лица и рассмеялся.

– Эй, кто знает? Очень скоро появится новый космический лифт на горе Павлина, и вполне может быть, что эти жадные ублюдки снова начнут тут гадить. И вы, молодые ребята, наверняка не захотите, чтобы Земля заводила тут свои порядки. Увидим, когда придет время. А пока будем развлекаться, верно? Будем поддерживать огонь.

Той ночью Койот остановил машину и велел Ниргалу одеваться. Они вышли наружу и встали на песке. Койот повернул его лицом к северу.

– Посмотри на небо.

Ниргал стоял и смотрел, и вдруг увидел, как там, над северным горизонтом, зажглась новая звезда, выросшая за какие-то секунды в длиннохвостую комету, летящую на восток. Когда она прошла половину пути по небосводу, ее пылающая голова разорвалась на части, и яркие фрагменты, белые на черном, полетели во всех направлениях.

– Один из ледяных астероидов! – воскликнул Ниргал.

Койот фыркнул.

– Тебя не удивить, да, мальчик? Ну, я скажу тебе кое-что, чего ты не знаешь. Это был ледяной астероид 2089С, ты заметил, как он взорвался в конце? Они специально так делают. Взрывая астероиды, когда те входят в атмосферу, они могут использовать их без угрозы для

поверхности. И это была моя идея! Я сам предложил им так делать, я внес анонимное предложение в искин Грега, когда был там и возился с их коммуникационной системой, а они подхватили идею. Теперь они будут делать это постоянно. Каждый сезон будут появляться один-два таких астероида, и они довольно быстро нарастят атмосферу. Погляди, как мерцают звезды. На Земле они мерцали так каждую ночь. Эх, мальчик... Однажды и тут они будут мерцать каждую ночь. Будет воздух, которым можно дышать, словно птица в небе. Может быть, так мы изменим порядок вещей в этом мире. Такие вещи непредсказуемы.

Ниргал закрыл глаза и увидел красные всполохи, оставленные на сетчатке ледяным метеором. Метеоры, словно фейрверки, дыры, просверленные прямо в мантию, вулканы... Он обернулся и увидел Койота, прыгающего по равнине, маленького и тонкого, его шлем смотрелся на нем странно, словно Койот был мутантом или шаманом, надевшим священную голову животного и исполняющим ритуальный танец на песке. Это, без сомнения, был Койот. Его отец!

Потом они совершили кругосветное путешествие, пусть даже это и было путешествие вокруг южного полушария. Полярная шапка поднималась и росла над горизонтом, пока они не очутились под сенью нависшего льда, который не казался уже таким высоким, как в начале их путешествия. Они обогнули лед, направляясь домой, и въехали в ангар, затем выбрались из машины, ставшей для Ниргала за последнюю пару недель такой родной, прошли через шлюзы и медленно спустились по длинному туннелю под купол – и вдруг очутились среди знакомых лиц, обнимающихся, ласковых и задающих вопросы. Ниргал робко съезжился от этого внимания, но он напрасно беспокоился: Койот рассказывал истории за них обоих, Ниргалу оставалось только смеяться и отрицать ответственность за все, что они натворили. Оглядываясь на свою семью, он видел теперь, насколько в действительности мал их мирок: диаметр купола составлял меньше пяти километров, а сам купол возвышался над озером всего на 250 метров. Маленький, маленький мир.

Когда с приветствиями было покончено, он вышел в предутреннее мерцание, чувствуя бодрящее пощипывание воздуха и глядя пристально на дома и бамбуковые рощи деревни, угнездившейся среди холмов и деревьев. Все казалось таким странным и маленьким. Потом он пошел на пляж, по направлению к дому Хироко, и чайки кружили над его головой, и он часто останавливался, просто чтобы рассмотреть что-нибудь. Он вдыхал пряный, пахнущий солью и водорослями воздух пляжа. Этот прекрасно знакомый запах пробуждал миллион воспоминаний разом, и Ниргал понимал, что он – дома.

Но дом изменился. Или изменился сам Ниргал. Между попыткой спасти Саймона и поездкой с Койотом он отдалился от остальных, удивительные приключения, которых он так жаждал, в итоге лишь выбросили его из круга друзей. Джеки и Дао вешались друг на друга сильнее, чем раньше, и играли роль щита между ним и всеми остальными юными сансеями. Очень скоро Ниргал понял, что ему на самом деле не хочется отличаться от остальных. Он хотел лишь влиться обратно в тесный круг своей стаи, снова быть единым целым с братьями и сестрами.

Но когда он приходил, они замолкали, и после такой невыносимо неловкой встречи Дао уводил их прочь. Ниргал был вынужден возвращаться к взрослым, которые все чаще оставляли его с собой после полудня, будто это было само собой разумеющимся делом. Возможно, они хотели смягчить тем самым неласковый прием сверстников, но это лишь отдаляло его от них еще больше. И ничего нельзя было исправить. Однажды, гуляя по пляжу в мрачном расположении духа при серых, оловянных сумерках догорающего полудня, он понял, что детство кончилось. Именно таким и было это чувство: он стал кем-то другим – не взрослым, не ребенком, одиноким существом, чужаком в своей стране. В этом грустном осознании была своя особая прелесть.

Однажды после ланча Джеки встала перед ним и Хироко, которая пришла в тот день, чтобы учить их, и потребовала, чтобы ее включили в полуденный урок.

– Почему ты учишь его, а не меня?

– Без причины, – невозмутимо ответила Хироко. – Если хочешь, оставайся. Доставай планшет, открывай «Тепловую инженерию», страница одна тысяча пятьдесят. Для примера мы смоделируем купол Зиготы. Скажите мне, где расположена самая теплая точка под куполом?

Ниргал и Джеки набросились на проблему вместе, и одновременно – соревнуясь. Он был так счастлив, что она была рядом, и с трудом смог вспомнить вопрос, а Джеки подняла руку прежде, чем он хотя бы собрался с мыслями. И она засмеялась над ним, немного презрительно и в то же время – несколько польщенно. Несмотря на все эти невероятные изменения в них обоих, в Джеки осталась способность к заразительному веселью, смеху, которого ему так болезненно не хватало...

– Вот вопрос на следующий раз, – сказала Хироко. – Все названия Марса в ареофании даны ему землянами. Примерно половина из них значит «огненная звезда» на тех языках, из которых они произошли, но все это имена, пришедшие извне. Вопрос: каково именование Марса для самого себя?

Несколько недель спустя Койот снова проезжал мимо, и это заставило Ниргала радоваться и нервничать одновременно. Койот посвятил утро обучению детей, но, к счастью, он относился к Ниргалу как и ко всем прочим.

– Земля в очень плохом состоянии, – говорил он, когда дети работали над вакуумными насосами и полными жидкого натрия баками из Риковеера, – и дела будут идти только хуже. Это делает их контроль над Марсом все более опасным для нас. Мы должны будем прятаться, пока не сможем полностью освободиться от них, отойти безопасно в сторону, пока они будут скатываться в безумие и хаос. Запомните мои слова, это пророчество истинное, как сама правда.

– Джон Бун говорил иначе, – заявила Джеки. Она много вечеров проводила, исследуя искин Джона Буна, и теперь вынула коробку из набедренного кармана. Уже через секунду быстрого поиска дружеский голос из коробки произнес: «Марс никогда не будет в полной безопасности, если опасность угрожает Земле».

Койот пронзительно захохотал.

– Да, Джон Бун был таким, не так ли? Но, заметь, он мертв, в то время как я все еще жив.

– Кто угодно может спрятаться, – ответила Джеки резко. – Но Джон Бун вышел вперед и повел остальных. Вот почему я – бунианка!

– Ты Бун и бунианка! – воскликнул Койот, дразня ее. – А бунианская алгебра не сильна в сложении. Но послушай, девочка, ты должна лучше понимать своего деда, если хочешь называть себя бунианкой. Ты не можешь возводить слова Джона Буна в догму и не врать себе по поводу того, кем он был. Я видел, как другие так называемые бунианцы поступали точно так же, и это смешит меня, если не приводит в бешенство. Потому что, если бы Джон Бун встретил тебя и поговорил с тобой хотя бы немного, в конце концов он стал бы джекистом. А если бы они встретились и поговорили с Дао, Бун стал бы даоистом, а может, даже маоистом. Вот таким он был. И, видишь ли, это было хорошо, потому что он тем самым возлагал на нас ответственность за то, что мы думаем. Он заставлял нас делать вклад, потому что без этого Бун не умел действовать. Он настаивал на том, что не просто каждый может делать, что нужно, а каждый должен.

– Включая всех людей Земли, – ответила Джеки.

– Не так сразу! – воскликнул Койот. – О, девочка, почему ты не бросишь своих мальчишек и не выйдешь за меня немедленно, я тебя поцелую крепче, чем вакуумный насос, давай же! – И он махнул насосом в ее сторону, а Джеки отбила его, оттолкнув, и побежала, просто потому что ей нравилась погоня. Теперь она бегала быстрее всех в Зиготе без исключения, даже Ниргал со всей его выдержкой не мог бегать так быстро, как она, и дети засмеялись над Койотом, когда он упустил ее. Он и сам был довольно быстрым для древнего. Он резко развернулся и побежал за ними, пока все не кончилось кучей-малой, под которой он оказался погребен, крича:

– О, моя нога! Вы за это получите, мальчишки, вы просто завидуете мне, потому что я уведу у вас вашу девочку! Ой! Стойте!

Такие шутки смущали Ниргала, и Хироко их тоже не одобряла. Она велела Койоту прекратить, но он лишь рассмеялся.

– Это ты ушла и создала для себя маленький кровосмесительный лагерь, – сказал он. – И что ты теперь собираешься делать, кастрировать их? – Он рассмеялся, увидев мрачное выражение на лице Хироко. – Тебе нужно выслать их поскорее отсюда, а то иного выхода не останется. Кстати, я мог бы забрать нескольких.

Хироко отпустила их с урока, и вскоре после этого Койот опять уехал. В следующий раз, когда Хироко вела урок, она забрала их всех в купальню. Они залезли в ванну после нее и расселись на скользкой плитке мелководья, отмокая в горячей, источающей пар воде, пока Хироко говорила. Ниргал сидел рядом с Джеки – длинноногий обнаженный мальчишка, так хорошо знакомый ему даже после всех драматических событий последнего года, – и понимал, что он не в силах взглянуть на нее.

Его древняя обнаженная мать говорила так:

– Вы знаете, как работает генетика. Я сама учила вас этому. И вы знаете, что многие из вас приходится друг другу сводными братьями и сестрами, дядьями и племянниками, двоюродными братьями и так далее. Я – мать или бабка многим из вас, так что вы не должны жениться друг на друге и иметь друг от друга детей. Вот такой простой генетический закон. – Она подняла ладонь, будто говоря: «Это наше общее тело». – Но все живущее преисполнено *viriditas*, – продолжала она, – зеленой силой, рвущейся наружу. И это нормально, что вы любите друг друга, особенно сейчас, когда тела ваши цветут. В этом нет ничего предосудительного, что бы ни говорил Койот. В любом случае, он просто шутит. Но в одном он прав: скоро вы повстречаете других людей вашего возраста, и они станут для вас супругами, партнерами, родителями ваших детей, они будут ближе вам, чем даже кровная родня, те, кого вы знаете и любите как себя. Все мы здесь – частичка вас, а истинная любовь всегда в других.

Ниргал смотрел в глаза матери пустым взглядом, в этот момент он заметил, что Джеки свела ноги вместе – он почувствовал мгновенное изменение температуры и то, как вода закружилась вокруг них. И ему показалось, что его мать в чем-то ошибается. Хотя тело Джеки было прекрасно знакомо ему, во многом она оставалась такой же далекой, как пламенеющая звезда, яркая и царствующая в небе. Она была царицей их маленькой группы, при желании она могла бы сокрушить его простым взглядом, чем и пользовалась частенько, несмотря на то что он всю свою жизнь провел, изучая ее настроения. И ему никто не нужен был, кроме нее. Он любил ее и знал это. Но она не любила его так, как он. «Хотя и Дао она тоже любила иначе», – подумал Ниргал. И это немного успокаивало. Теперь особенным взглядом она смотрела на Питера. Но Питер отсутствовал большую часть времени. Так что никого в Зиготе она не любила так, как Ниргал любил ее. Возможно, для нее все было так, как сказала Хироко: она просто знала Дао, Ниргала и всех остальных слишком хорошо. Они были для нее братьями и сестрами, и с генетикой это не имело ничего общего.

Однажды небеса обрушились по-настоящему. Вся вершина ледяного купола треснула под воздействием углекислого газа, обрушившись сквозь ячейки сети в озеро и рассыпавшись по всему пляжу и близлежащим дюнам. К счастью, это случилось рано утром, когда там никого не было, но в деревне первый треск и грохот прозвучал как гром, все бросились к окнам, наблюдая крушение: ледяные секции падали, словно бомбы, или летели, вращаясь, как брошенные тарелки, а потом вся поверхность озера взорвалась и захлестнула дюны. Обеспокоенные люди покидали комнаты. В шуме и панике Хироко и Майя отвели детей в школу, где была собственная воздушная система. Спустя несколько минут стало ясно, что сам купол устоит. Питер, Мишель и Надя побежали среди обломков, перепрыгивая и оглябая разбитые белые пластины вокруг озера, к РикOVERу, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Если бы с ним было что-то не так, для них троих это стало бы смертельной прогулкой и смертельной угрозой – для всех прочих. Из окна школы Ниргал видел дальний берег озера, загромаженный айсбергами. Воздух был переполнен кружащимися и орущими чайками. Три фигурки петляли по узкой высокой тропинке прямо у края купола, а потом исчезли внутри РикOVERа. Джеки со страха грызла костяшки пальцев. Скоро команда отрапортовала: все в порядке. Лед над реактором поддерживался очень плотной сетью, и она выдержала.

Пока они были в безопасности. Но в следующие несколько дней, проведенных в тревожном напряжении, расследование обрушения показало, что вся масса сухого льда над ними слегка просела, продавив слой водного льда и обрушив его сквозь ячейки сети. Очевидно, испарение на поверхности полярной шапки теперь, когда слой атмосферы утолщился и мир нагревался, происходило гораздо быстрее.

Целую неделю айсберги в озере постепенно таяли, но осколки, разбросанные по дюнам, никуда не делись и почти не таяли. Так что детей больше не пускали на пляж – не ясно было, насколько стабилен оставшийся слой льда.

На десятую ночь после обрушения они устроили собрание в столовой. Пришли все двести человек. Ниргал оглядел маленькое племя. Сансеи казались напуганными, нисеи смотрели дерзко, иссеи – потрясенно. Старики жили в Зиготе четырнадцать марсианских лет, и, без сомнения, им было уже сложно вспомнить какую-то другую жизнь. А для детей, которые никогда не бывали в других местах, это было и вовсе невозможно.

Не было нужды говорить, что они не сдались бы миру на поверхности. И все-таки купол приходил в негодность, а их было слишком много, чтобы переехать в какое-либо другое скрытое убежище. Разделение могло бы решить проблему, но это был безрадостный выход.

Им потребовался час, чтобы озвучить все это.

– Мы можем перебраться в Вишняк, – вымолвил Мишель. – Там много места, и они нам обрадуются.

Но это был дом богдановистов, совсем чужой. Эта мысль читалась на лицах старшего поколения. Ниргалу вдруг показалось, что они были напуганы сильнее прочих.

– Мы можем углубиться дальше под лед, – вырвалось у него.

Они уставились на него.

– Ты имеешь в виду, выплавить новый купол, – уточнила Хироко.

Ниргал пожал плечами. Высказав это, он понял, что идея ему не нравится.

Но Надя согласилась.

– Там шапка толще. Пройдет много времени, прежде чем она подтает настолько, чтобы потревожить нас. До тех пор все успеет измениться.

Наступила тишина, потом Хироко произнесла:

– Это хорошая идея. Мы останемся здесь, пока не будет выплавлен новый купол, чтобы можно было переехать. Это займет всего несколько месяцев.

– Шиката га най,¹¹ – саркастически сказала Майя. У них не было другого выбора. Хотя, конечно, другие выборы были. Но ей нравилась перспектива нового большого проекта, и Надя поддерживала ее в этом. Другие просто радовались тому, что появился вариант, при котором они останутся все вместе и будут по-прежнему спрятаны. Иссеи, как увидел внезапно Ниргал, очень боялись, что их найдут. Он сел на место, удивляясь этому факту и думая о тех открытых городах, в которых побывал вместе с Койотом.

Они использовали паровые брандспойты, работающие от РикOVERA, чтобы протопить еще один туннель в ангар, а затем следующий в глубь шапки, пока над ними не оказалось триста метров льда. Там они начали вытапливать новую куполообразную пещеру и рыть мелкое дно для нового озера. Большая часть углекислого газа была собрана и охлаждена до температуры на поверхности, а затем высвобождена. Остальное расщепили до кислорода и углерода и отправили на хранение для дальнейшего использования.

Затем они выкопали неглубоко залегающие побеги снежного бамбука, освободили их из земли и перевезли на грузовике в новую пещеру, шурша по дороге листьями. Затем пришел черед демонтированных зданий и всего остального.

Автоматический бульдозер и грузовики сновали туда-сюда денно и ночью, взрывая рыхлый песок старых дюн и перевозя его дальше, в новую пещеру, – в нем было слишком много биомассы, включая Саймона, чтобы оставлять его на прежнем месте. В общем, из Зиготы они забрали все, кроме пустой оболочки. Когда они закончили, от старой пещеры не осталось ничего, только пустой пузырь на вершине полярной шапки: песчаный лед сверху, ледяной песок – снизу, воздух внутри – обычная марсианская атмосфера, 170 миллибар почти чистого CO₂ при температуре 240⁰ по Кельвину. Разреженный яд.

Однажды Ниргал пошел с Питером обратно, чтобы посмотреть на старое место. Было неприятно видеть единственный свой дом опустошенным: лед сверху ломался, песок был весь перекопан, свежие дыры корневищ выглядели как ужасные раны, дно озера выскребли до дна, забрав даже водоросли. Пещера казалась тесной и запущенной, как логово отчаявшегося зверя. По словам Койота, в такой норе запросто схоронился бы какой-нибудь крот, чтобы спрятаться от хищников.

– Пойдем отсюда, – сказал Питер печально, и они вместе побрели по длинному, едва освещенному туннелю к новому куполу, ступая по новой бетонированной дороге, сделанной Надей и уже иссеченной отпечатками колес.

Новый купол они спланировали по другому образцу, в котором деревня лежала в стороне от туннельного шлюза, рядом с аварийным путем, бегущим подо льдом к выходу в верхней части Южного плато. Теплицы разместились ближе к лампам периметра, гребни дюн стали выше, чем раньше, а погодное оборудование поставили прямо рядом с РикOVERA. Было еще много небольших исправлений того же толка, делавших их новый дом не похожим на старый. И каждый день они были так заняты строительством, что ни у кого не оставалось времени подумать о переменах. После обрушения утренние классы в школе были отменены, дети стали чем-то вроде посменной рабочей бригады, направлявшейся туда, где требовалась помощь в каждый конкретный момент времени. Иногда приглядывающие за ними взрослые пытались превратить работу в урок: Хироко и Надя особенно преуспели в этом – но у них было не так много свободного времени, и оставалось лишь добавлять одно-два поясняющих предложения в инструкции, настолько простые, что едва ли они нуждались в этих дополнительных пояснениях. Дети скрепляли стенные модули гаечными ключами Аллена, носили туда-сюда между теплицами горшки и баки с водорослями и выполняли прочую подобную

---

¹¹ Нет иного выбора (*японск.*).

работу. Это была просто работа, а они – часть рабочей силы, которой не хватало даже для таких простых задач, несмотря на наличие многофункциональных роботов, похожих на ободранные вездеходы. И, бегая повсюду, выполняя поставленные задачи, Ниргал по большей части чувствовал, что он счастлив.

Но однажды, когда он вышел из школы и увидел обеденный зал вместо больших побегов Дома ребенка, он протрезвел. Его старый привычный мир рухнул, исчез навсегда. Так работало время. Острая боль пронзила его, а на глазах выступили слезы, остаток дня он провел в заторможенном и отрешенном состоянии, будто отставая от самого себя на пару шагов, наблюдая за всем происходящим без эмоций, отстраненно, совсем так, как после смерти Саймона, – изгнанный в белый мир всего за шаг до зеленого. И казалось, ничто уже не сможет вывести его из меланхолического состояния, он был почти уверен в этом. Дни его детства миновали, ушли вместе с Зиготой и уже не вернуться, как пройдет и исчезнет сегодняшний день, а новый купол точно так же растает однажды и обрушится под собственным весом. Ничто не длится вечно. И в чем смысл? Этот вопрос мучил его часами, отнимая вкус к жизни, и даже Хироко заметила, как он подавлен, и поинтересовалась, в чем дело. Тогда он спросил ее прямо. Это была ее сильная сторона: Хироко всегда можно было спросить о чем угодно, даже о вопросах бытия.

– Зачем мы все это делаем, Хироко? Когда, несмотря ни на что, все, в конце концов, становится белым?

Она устала на него по-птичьи, склонив голову набок. Ему казалось, что в этом наклоне головы проявляется ее привязанность к нему, но он не был в этом уверен. Чем старше он становился, тем меньше понимал ее, как, впрочем, и всех остальных.

– Печально, что старый купол разрушился, правда? – спросила она. – Но мы должны смотреть вперед. Это тоже *viriditas*, концентрация не на том, что мы создали, а на том, что мы создадим в будущем. Купол, словно цветок, увял и опал, но в нем заключались семена нового растения, которые проросли, и потом будут новые цветы и новые семена. Прошлое ушло. Думая о нем, ты лишь погружаешься в меланхолию. Когда-то я была японской девушкой с острова Хоккайдо! Да, такой же юной, как и ты! И я не могу передать, как теперь все это далеко от меня. Но вот мы тут, ты и я, окруженные этими растениями и людьми, и если ты уделишь им внимание, ты заставишь их расти и процветать, и тогда все вернется на свои места. Ты почувствуешь себя богом, и это все, что тебе нужно. Настоящий момент – все, что составляет нашу жизнь.

– А прежние времена?

Она рассмеялась.

– Ты растешь. Порой надо вспоминать прошлое. Оно было неплохим, не так ли? У тебя было счастливое детство, это благословение. Но и другие дни будут хорошими. Задержишься в текущем моменте и спроси себя, чего тебе не хватает? Койот говорит, он хочет взять тебя и Питера в новое путешествие. Может, тебе стоит поехать, опять выбраться под открытое небо, что скажешь?

Он приготовился к новой поездке с Койотом и продолжил работать над новой Зиготой, неформально переименованной в Гамету. Вечером в перевезенном обеденном зале взрослые долго обсуждали сложившуюся ситуацию. Сакс, Влад и Урсула вместе с некоторыми другими хотели выйти на поверхность. Они не могли должным образом выполнять свою работу в спрятанных убежищах и жаждали вернуться в полный поток медицинской науки, терраформирования, строительства.

– Вы ни за что не сможете скрыться, – говорила Хироко. – Никто не в силах изменить собственный геном.

– Нам не нужно менять геном, только записи, – отвечал Сакс. – Спенсер сделал это. Он вписал свои физические характеристики в новую идентификационную карту.

– Мы сделали ему небольшую косметическую процедуру, – добавил Влад.

– Верно, но она была минимальна из-за нашего возраста. Мы все уже выглядим иначе. В любом случае, если вы сделаете то же, что он, мы все сможем получить новые идентификационные карты.

– А Спенсер действительно подменил все записи? – спросила Майя.

Сакс пожал плечами.

– Он остался в Каире, и у него появилась возможность проникнуть в базы, использовавшиеся в целях безопасности. Этого оказалось достаточно. Я попробую проверить что-то подобное. Посмотрим, что на этот счет скажет Койот. Его вообще нет ни в каких базах, он должен знать, как у него это получилось.

– Он прятался с самого начала, – ответила Хироко. – Это другой случай.

– Да, но у него могут быть какие-то идеи.

– Мы можем стать «полусветом», – подчеркнула Надя, – и оставаться полностью вне записей. Думаю, нам стоит попробовать.

На следующую ночь они еще раз обговорили все это.

– Ну, небольшие изменения внешности все равно потребуются. Филлис вернулась, мы должны это помнить.

– До сих пор не могу поверить, что она выжила. У нее, должно быть, девять жизней.

– В любом случае нас слишком часто показывают в новостях. Мы должны быть осторожны.

День за днем работа над Гаметой близилась к завершению. Но Ниргалу все казалось неправильным, сколько бы он ни пытался концентрироваться. Его место было не здесь.

Когда один из путешественников сообщил, что Койот скоро вернется, Ниргал почувствовал, как участился его пульс: снова вернуться под звездное небо, ездить по ночам в машине Койота от одного убежища к другому...

Джеки пристально посмотрела на него, когда он заговорил с ней об этом. В тот полдень их распустили с дневной работы, она повела его в новые высокие дюны и поцеловала. Потом он пришел в себя, ответил на поцелуй, и они принялись страстно целоваться, стискивая ладони друг друга и краснея. Они опустили на колени в ложбине между двумя дюнами под тонким, бледным туманом, потом легли в коконе из одежды и целовались, прикасаясь друг к другу, стаскивая друг с друга штаны и создавая маленький конверт из собственного тепла, источая жар и растапливая лед в песке под одеждой. «Так, значит, вот как это бывает», – подумал Ниргал. Под струями черных волос Джеки частицы песка мерцали, как драгоценности, словно в них были спрятаны крошечные ледяные цветы. Сияние во всем.

Когда они закончили, то первым делом выбрались наверх, чтобы бросить взгляд с вершины дюны и убедиться, что никто не идет в их сторону, а потом вернулись к своему гнезду и накинули одежду, чтобы согреться. Тесно прижавшись друг к другу, они сладострастно целовались, уже не спеша. Джеки ткнула его пальцем в грудь и заявила:

– Теперь мы принадлежим друг другу.

Ниргал смог лишь счастливо кивнуть и поцеловать ее длинную шею, зарывшись лицом в ее волосы.

– Теперь ты принадлежишь мне, – сказала она.

Он искренне надеялся, что так оно и было. Он хотел именно этого, сколько себя помнил.

Но тем вечером в купальне Джеки плескалась на другой стороне бассейна, она поймала Дао и обняла его, плотно прижавшись к нему всем телом. Отплыв назад, она посмотрела на Ниргала отсутствующим взглядом, ее темные глаза превратились в две бездонные черные дыры. Ниргал застыл на мелководе, чувствуя, как закаменел его торс, словно приготовившись принять удар. Он все еще ощущал, как болят его яйца после секса с ней, но вот она стоит там, вешаясь на Дао, чего не делала уже несколько месяцев, и глядя на него глазами василиска.

Странное ощущение захлестнуло его: он понял, что запомнит этот момент на всю жизнь, прямо тут, в парной, удобной купальне, под соколиным взглядом величавой Майи, которую Джеки ненавидела лютой ненавистью и которая теперь пристально наблюдала за ними тремя, что-то подозревая. Все было именно так. Джеки и Ниргал, может, и принадлежали друг другу, и он-то уж точно принадлежал ей, но ее понятия о принадлежности не соответствовали его представлениям. Шок от осознания перехватил ему дыхание, он словно воспарил в своем понимании вещей. Он смотрел на нее, оцепеневший, раненый, чувствующий подступающую злость, – она еще сильнее прижималась к Дао, – и тут он все понял. Она собрала их обоих. Да, это логично. Именно так. И Рул, и Стив, и Франц, все они были равно преданы ей, может быть, это было лишь воспоминание о том, как она предводительствовала всей их компанией, а может быть, и нет. Однако она собрала их всех. И, очевидно, теперь, когда Ниргал стал для них своего рода чужаком, ей было комфортнее с Дао. Он оказался изгнанником в своем собственном доме и в сердце своей любимой. Если у нее было сердце!

Он не знал, было ли хоть что-то из этого правдой, но знал, как это выяснить. Хотя и не был уверен, что ему этого хочется. Он выбрался из купальни и ушел в мужскую раздевалку, чувствуя спиной взгляды Джеки и Майи.

В мужской раздевалке в одном из зеркал он поймал отражение незнакомого лица. Он остановился и понял, что это его собственное лицо, искаженное горем.

Он медленно приблизился к зеркалу, снова чувствуя странное ощущение пронзающего его момента. Он уставился на лицо в зеркале, все смотрел и смотрел: до него дошло, что он – не центр вселенной или ее единственное сознание, но точно такая же личность, как и прочие, на которую прочие смотрят со стороны, точно так, как он смотрит на них. И этот странный Ниргал-в-зеркале был завораживающим черноволосым и кареглазым мальчиком, сильным и интересным, почти копия Джеки, с густыми черными бровями и... *взглядом*. Он не хотел ничего этого знать. Но он чувствовал мощь, горящую в кончиках пальцев. Он вспомнил, как люди смотрели на него, и понял, что для Джеки он может представлять такого же рода опасную силу, какой она представлялась для него, – что объяснило бы ее общение с Дао как попытку держать его подальше, сохранять баланс, утверждать собственную силу. Показать, что они – подходящая пара, и соответствовать. И внезапно напряжение покинуло его тело, он содрогнулся, потом ухмыльнулся криво. Они и впрямь принадлежали друг другу. Но он до сих пор оставался самим собой.

Поэтому, когда Койот появился и пришел к Ниргалу, чтобы позвать его в новое путешествие, тот тотчас же согласился, очень благодарный за такую возможность. Было больно видеть вспышку ярости на лице Джеки, когда она услышала эту новость, но другая часть его радовалась собственной непохожести, способности убежать от нее... или хотя бы уйти на какое-то расстояние. Подходили они друг другу или нет, но ему это было нужно.

Несколько вечеров спустя они с Койотом, Питером и Мишелем поехали прочь от огромной массы полярной шапки в разбитые земли, черные под звездным покрывалом.

Ниргал смотрел назад на сияющий белый утес со смешанными чувствами, но главным среди них оставалось облегчение. Казалось, что там, позади, они зароятся еще глубже в лед и станут жить прямо под Южным полюсом, пока красный мирок крутится в космосе, забро-

шенный среди звезд. Он вдруг понял, что никогда больше не станет жить под куполом, никогда не вернется туда надолго. Это был не вопрос выбора, это был просто факт. Его судьба или предназначение. Он чувствовал это так же ясно, как ощущал бы камень в ладони. С этих пор он будет бездомным, если только вся планета не станет однажды его домом, каждый кратер и каньон будут известны ему, каждый камень и любой человек – все в зеленом мире и белом. Но это – он вспомнил бурю, увиденную с Откосов Прометея, – была задача, требующая не одной жизни. Ему придется учиться.

Часть вторая Посол

Астероиды с эллиптическими орбитами, пересекающимися внутри орбиты Марса, называют Амурами (если они пересекаются внутри земной орбиты – Троянами). В 2088 году Амур, известный как 2034В, пересек орбиту Марса где-то в восемнадцати миллионах километров позади планеты, и вскоре после этого с ним состыковалась группа автоматизированных посадочных модулей с Луны. 2034В представлял собой шершавый шар около пяти километров в диаметре, массой порядка пяти миллиардов тонн. Когда ракеты приземлились, астероид получил имя Нью-Кларк.

Изменения стали очевидны очень быстро. Часть машин погрузилась в пыльную поверхность астероида и начала сверлить, вкапываться, переходить с места на место, упорядочивать и транспортировать. Первым делом был установлен завод на ядерном топливе, и вскоре топливные стержни пришли в рабочее положение. Где-то в другом месте зажглись печи, и автокочегары приготовились подкидывать горючее. На других посадочных модулях открылись грузовые отсеки, и роботизированные механизмы рассыпались по поверхности, закрепившись в каменистом неровном ландшафте. Машины для прокладки тоннелей ввинчивались внутрь. Пыль улетала в космос вокруг астероида, а затем опадала и бесследно исчезала навсегда. Посадочные модули протягивали друг к другу трубы и шланги. Основу астероида составлял углеродосодержащий хондрит с изрядной долей замерзшей воды, скрытой в его трещинах и полостях, и через какое-то время несколько заводов в модулях начали производить самые разные углеродные материалы и некоторые композиты. Довольно скоро была выделена тяжелая вода, составлявшая одну шестистысячную часть всего льда на астероиде. Из тяжелой воды производили дейтерий. Одни составляющие делались из углеродных композитов, другие, сброшенные с новым полезным грузом, соединялись с изготовленными на заводах. Появлялись новые роботы, сделанные уже из самого Кларка. Так число механизмов росло, в то время как компьютеры на посадочных модулях руководили созданием целого индустриального комплекса.

Спустя многие годы процесс оставался довольно простым. Основной завод Нью-Кларка производил длинные нити углеродных нанотрубок. Нанотрубки состояли из атомов углерода, соединенных в цепи так, что связи, соединяющие их, были настолько сильными, насколько это было возможно при существующих технологиях. Нити достигали всего лишь нескольких десятков метров в длину, но были скручены в кластеры, концы которых перекрывали друг друга, а потом эти связки скручивались с другими, пока кабель не достигал девяти метров в диаметре. Заводы могли производить и скручивать нити с такой скоростью, что в час появлялось около четырехсот метров кабеля, а за день его длина достигала десяти километров, и так продолжалось час за часом, день за днем, год за годом.

Пока тонкая нить скрученной углеродной пряжи уходила в космос, роботы на другой стороне астероида конструировали электромагнитную катапульту – двигатель, который будет использовать дейтерий, добытый из воды астероида, чтобы выстреливать измельченным камнем, отправляя его прочь от астероида на скорости 200 километров в секунду. Вокруг астероида – в ожидании времени, когда их точно так же запустят в качестве реактивных стабилизаторов, – строились и наполнялись топливом меньшие двигатели и обычные ракеты. Другие заводы конструировали машины с большими колесами, способные ездить туда-сюда по растущему кабелю, и пока кабель продолжал тянуться с астероида, к нему крепились маленькие ракетные сопла и другая машинерия.

Когда электромагнитная катапульта выстрелила, астероид начал переходить на новую орбиту.

Прошли годы. Новая орбита астероида пересеклась с орбитой Марса, и астероид прошел в десяти тысячах километров от него, тогда группа ракет стартовала с астероида так, что он был захвачен гравитацией Марса на высокой эллиптической орбите. Сопла продолжали включаться и выключаться, регулируя движение. Кабель продолжал тянуться. Время шло.

Примерно через десять лет после того, как первые посадочные модули коснулись поверхности астероида, кабель достиг длины порядка тридцати тысяч километров. Масса астероида составляла около восьми миллиардов тонн, масса кабеля – примерно семь. Астероид двигался по эллиптической орбите с перигеем приблизительно в пятьдесят тысяч километров. Но к тому моменту все ракеты и электромагнитные катапульти на обеих сторонах Нью-Кларка, а также на самом кабеле пришли в действие: некоторые работали постоянно, но большинство – короткими периодами. В одном из грузовых отсеков был установлен самый мощный компьютер из когда-либо созданных, он координировал данные с сенсоров и определял, какая ракета и в какой момент времени должна работать. Кабель, к тому моменту направленный в противоположную от Марса сторону, начал разворачиваться по направлению к планете, словно изящная стрелка в часах ручной работы. Орбита астероида стала меньше и приобрела более правильную форму.

Впервые с момента приземления на Нью-Кларк прибыли новые ракеты, и роботы, доставленные с ними, начали строительство космического порта. Конец кабеля стал опускаться на Марс. Здесь вычисления, производимые компьютером, взлетели на почти метафизический уровень сложности, и гравитационный танец кабеля и астероида с планетой стал более точным, приходя в соответствие с постоянно замедляющейся мелодией, так, что чем ближе подходил кабель к своей должной позиции, тем медленнее и медленнее становилось его движение. Если бы кто-то мог наблюдать это представление на всем его протяжении, он мог бы принять его за некую эффектную демонстрацию парадокса Зенона, в которой гонщик приближается к финишной черте, всякий раз проходя по половине от пройденного расстояния... Но никто никогда не следил за этим зрелищем полностью, поскольку ни у кого из свидетелей не было подходящих для этого органов чувств. Пропорционально кабель был тоньше человеческого волоса – даже если бы его уменьшили до диаметра волосинки, в нем по-прежнему оставались бы сотни километров длины, так что невозможно было охватить его глазом целиком. Можно утверждать, что управлявший им компьютер имел о нем наиболее полное представление. Для наблюдателей с поверхности Марса, обитателей города Шеффилд, расположенного на горе Павлина, кабель сперва показался очень маленькой ракетой, которая спускалась с прикрепленной к ней очень тонкой лестницей. Что-то вроде яркой блесны и тонкой рыболовной лески, заброшенной богами из близлежащей вселенной. Глядя со дна этого океана, можно было увидеть, что кабель с болезненной неторопливостью опускался к массивному бетонному бункеру на востоке Шеффилда, и в конце концов большая часть людей перестала обращать внимание на черную вертикальную черту в верхних слоях атмосферы.

Но пришел день, когда конец кабеля – с соплами, работающими, чтобы удерживать его положение под порывами сильных ветров, – опустился через дыру в крыше бетонированного бункера и закрепился в предназначенном для него воротах. Теперь ниже ареосинхронной точки кабель притягивался к Марсу его собственной гравитацией, а часть, расположенная выше, пыталась следовать Нью-Кларку в его центробежном полете прочь от орбиты; и углеродные нити кабеля выдерживали напряжение, вся конструкция вращалась с той же скоростью, что и планета, возвышаясь над горой Павлина в колеблющейся виб-

рации, что позволяло ей уклоняться от Деймоса. Все это по-прежнему контролировалось компьютером Нью-Кларка и длинной батареей ракет, развернутой на углеродной нити.

Лифт был возведен заново. Некоторые капсулы поднимались по кабелю с одной стороны горы Павлина, некоторые – спускались от Нью-Кларка с другой, обеспечивая противовес и значительную экономию энергии, необходимой для операции. Космические корабли приближались к космопорту Нью-Кларка, откуда их выстреливали как из пращи. Стало намного легче покинуть гравитационный колодец Марса, и его сообщение с Землей и другими объектами Солнечной системы стало менее затратным. Казалось, будто вернулась на место однажды обрезанная пуповина.

Он жил идеально обыденной жизнью, когда его вытащили и послали на Марс.

Вызов пришел в виде факса, появившегося из его телефонного аппарата в квартире, которую Арт Рэндольф снял всего месяцем ранее, после того как его жена решила развестись по суду. Факс был коротким: «Дорогой Артур Рэндольф, Уильям Форт приглашает вас посетить частный семинар. Самолет вылетает из аэропорта Сан-Франциско в девять утра двадцать второго февраля 2101 года».

Арт с удивлением уставился на бумажку. Уильям Форт был основателем «Праксиса», транснациональной корпорации, которая несколько лет назад приобрела компанию Арта. Форт был очень стар, и теперь его пост главы был чем-то вроде почетной должности на неполный день. Но он до сих пор проводил частные семинары, которые пользовались дурной славой, несмотря на то, что о них мало что было известно. Поговаривали, что туда приглашают людей из всех дочерних компаний, что они собираются в Сан-Франциско, а потом летят в какое-то секретное место частным бортом. Никто не знал, что там происходило дальше. Люди, побывавшие на таких семинарах, обычно меняли место работы и, даже если оставались на прежней должности, держали рот на замке, что приводило всех в замешательство. Так что мероприятие было окутано тайной.

Арт был удивлен, что его пригласили, и одновременно чувствовал беспокойство, но по большей части был польщен. Перед слиянием он был соучредителем и техническим директором маленькой компании под названием «Дампмайнз», которая занималась разработкой и утилизацией старых свалок, выискивая ценные материалы, выброшенные в гораздо более расточительную эпоху. Слияние с «Праксисом» стало для них сюрпризом – очень приятным сюрпризом, поскольку все в «Дампмайнз» из сотрудников маленькой фирмы превратились в новых членов богатейшей организации мира: им стали платить из ее доходов, они получили возможность влиять на ее политику и были вольны использовать все ее ресурсы. Это было все равно что посвящение в рыцари.

Арт, конечно же, был польщен, как и его жена, хотя она тоже несколько беспокоилась. Ей предложили место в главном управлении «Мицубиси», и, по ее словам, крупные транснациональные синдикаты принадлежали иному миру. Работая в разных компаниях, они неотвратимо становились еще дальше друг от друга, чем раньше. Они больше не нужны были друг другу, чтобы получить процедуру омоложения, которую транснационалы предоставляли гораздо более охотно, чем государство. Она говаривала, что они, словно пассажиры на разных судах, отплывших из залива Сан-Франциско в противоположных направлениях. Фактически, лайнеры, уходящие в ночь.

Арту казалось, что они могли бы путешествовать с корабля на корабль, если бы его жена не была столь заинтересована в одном из пассажиров ее судна, вице-председателе «Мицубиси», отвечающем за развитие Восточно-Тихоокеанского сектора. Но Арта скоро затянула арбитражная программа «Праксиса»: он часто путешествовал, посещая мастер-классы или выступая третейским судьей между мелкими дочерними компаниями «Праксиса», занятыми переработкой ресурсов. Когда он возвращался в Сан-Франциско, Шэрон почти никогда не было дома. Их суда отходят на все большее расстояние друг от друга, гово-

рила она, а он был слишком деморализован, чтобы спорить, и съехал, как только она попросила. Можно сказать, его выбросили на улицу.

Теперь он почесывал темный небритый подбородок, перечитывая факс в четвертый раз. Он был крупным, крепко сложенным мужчиной, но имел привычку сутулиться. «Деревенщина», как называла его жена, хотя, например, секретарша в «Дампмайнз» использовала слово «медведь», которое нравилось ему больше. В нем действительно было что-то от нескладной и неуклюжей медвежьей наружности, а также неожиданная скорость и сила зверя. В команде университета Вашингтона он был защитником, не слишком быстрым, но очень пробивным. Повалить «мишку», так его прозвали, было очень сложно. И рискованно.

Он изучал инженерное дело, а потом работал на нефтяных месторождениях Ирана и Грузии, внедрив ряд инноваций для разработки незначительных сланцевых месторождений. За свою работу в университете Тегерана он получил степень магистра, а потом переехал в Калифорнию и присоединился к другу, который основал компанию, производящую снаряжение для глубоководного дайвинга. Оно использовалось при оффшорном бурении нефтяных скважин – производстве, уходящем на все большие глубины по мере того, как истощались доступные ресурсы. И опять Арт изобрел ряд улучшений как в оборудовании для погружений, так и в технологии глубоководного бурения. Но пара лет, проведенных в декомпрессионных камерах и на континентальном шельфе, стали последней каплей, и он продал свою долю партнеру и двинулся дальше. Он очень быстро менял сферы деятельности, работая то в строительной компании, занимавшейся конструированием при сверхнизких температурах, то в фирме, выпускавшей солнечные батареи, он даже строил стартовые площадки для ракет. Каждая работа была хороша, но по прошествии времени он понял, что по-настоящему его интересуют не технические, а человеческие проблемы. Он все больше и больше вмешивался в управление проектами, а потом его привлекли к арбитражу. Он любил выслушивать аргументы, а затем разрешать вопросы, к вящему удовольствию всех окружающих. Это была инженерия иного рода, более увлекательная, более сложная и приносящая большее удовлетворение, нежели возня с механическими объектами. Несколько фирм, с которыми он сотрудничал в эти годы, были частью транснациональных корпораций, и он был втянут не только в арбитражные споры между своей компанией и другими синдикатами, но также и в мало относящиеся к ним дела, требующие взгляда стороннего наблюдателя. Он называл это социальной инженерией, что весьма его увлекало.

Поэтому, открывая «Дампмайнз», он взял на себя техническое руководство и хорошенько поработал над «Супер-Рэтджис» – гигантскими роботизированными машинами, которые занимались раскопкой и сортировкой свалок. Но больше чем когда-либо раньше, он погружался в рабочие вопросы и все, что было с ними связано. Эта тенденция в его карьере лишь усилилась после того, как их поглотил «Праксис». И в дни, когда подобная работа удавалась ему, он всегда возвращался домой с чувством, что ему следовало бы стать судьей или дипломатом. Да, пожалуй, в душе он был дипломатом.

Тем позорнее был тот факт, что он так и не смог выторговать успешное разрешение вопроса с собственной супругой. И, без сомнения, Форту, или кто там пригласил его на семинар, было прекрасно известно о разводе. Возможно, они прослушивали его старую квартиру и знали о каждом неприятном разговоре, которые он вел с Шэрон в последний месяц совместной жизни и которые не красили ни его, ни ее. Все еще почесывая небритый подбородок, он поежился при одной мысли об этом, а потом пошел в ванную и включил портативный водонагреватель. Лицо в зеркале выглядело слегка растерянным. Небритый, разведенный мужчина пятидесяти лет, большую часть жизни занимавшийся совершенно не тем и только начавший идти к своему истинному призванию, – по его представлению, люди такого рода не должны получать факсы от Уильяма Форты.

Его жена, или лучше сказать «бывшая», тоже отнеслась к этому скептически.

– Произошла какая-то ошибка, – заявила она, когда Арт сообщил ей о факсе. Она звонила насчет одного из пропавших объективов ее камеры. Она подозревала, что его, съезжая, прихватил Арт.

– Я поищу его, – пообещал он и подошел к встроенному шкафу, чтобы взглянуть на пару своих, пока еще не распакованных, чемоданов. Он знал, что объектива там не было, но старательно перерыл оба. Шэрон узнала бы, попробуй он смухлевать. Пока он искал, беседа продолжилась, и ее голос отдавался в квартире жестяным эхом.

– Это лишь показывает, насколько этот Форт странный... Вы поедете в какую-нибудь Шангри-Ла, он будет вытирать ботинки салфетками «Клинекс» и говорить по-японски, а вы станете сортировать его мусор и учиться левитировать, и я никогда тебя больше не увижу... Ты нашел?

– Нет. Его здесь нет.

Разводясь, они разделили совместно нажитое имущество. Шэрон забрала себе квартиру, развлекательный центр, рабочий стол, планшет, камеры, растения, кровать и всю остальную мебель. Арту досталась тефлоновая сковородка. Не самое удачное из его судебных дел. Но это также значило, что искать объективы ему было просто негде.

Даже вздох Шэрон звучал как всеобъемлющее обвинение.

– Они научат тебя японскому, и мы больше тебя никогда не увидим. Чего Уильям Форт от тебя хочет?

– Консультации по вопросам брака и семьи? – предположил Арт.

К удивлению Арта, многие слухи о семинарах Форты оказались правдой. В международном аэропорту Сан-Франциско он сел на большой и мощный частный самолет с шестью другими мужчинами и женщинами, и после взлета окна самолета, очевидно, поляризованные с обеих сторон, стали черными, а дверь в кабину пилотов закрылась. Двое пассажиров занимались спортивным ориентированием, и когда самолет заложил пару мягких виражей вправо и влево, они сошлись на том, что их курс пролегает в диапазоне между юго-востоком и севером. Каждый из семи рассказал о себе – они все оказались техническими директорами или арбитрами в широкой сети компаний «Праксиса» и слетелись в Сан-Франциско со всего мира. Одни с нетерпением ждали знакомства с ведущим отшельнической образ жизни основателем транснационального объединения, другие были обеспокоены.

Их полет продолжался шесть часов, и спортивные ориентировщики сузили список возможных точек назначения до круга, включавшего в себя Джуно, Гавайи, Мехико и Детройт, хотя, как заметил Арт, если они летели на одном из новых самолетов класса «земля – космос», в этот круг могла бы входить половина Земли, а то и больше. Когда самолет приземлился, их провели по маленькому телескопическому трапу в большой автобус с затемненными окнами и барьером между пассажирами и водителем. Двери были заперты снаружи.

Они ехали около получаса. Затем автобус остановился, и их выпустил водитель, пожилой человек в шортах и футболке с рекламой Бали.

Все зажмурились от яркого солнечного света, но это явно был не Бали. Они оказались на маленькой асфальтированной парковочной площадке на дне узкой прибрежной долины, окруженной эвкалиптами. Океан – или очень большое озеро – лежал в миле на запад, виднелся лишь его узкий клин. Ручей, бежавший по равнине, стекал в пруд, раскинувшийся перед пляжем. Холмы, окружавшие долину, на юге были покрыты сухой травой, на севере – кактусами, выше поднимался сухой коричневый камень.

– Баха? – попробовал угадать один из ориентировщиков. – Эквадор? Австралия?

– Сан-Луис-Обиспо? – предположил Арт.

Водитель повел их вниз по узкой дороге к маленькому поселению, составленному из семи двухэтажных деревянных зданий, угнездившихся между прибрежных сосен на дне долины. Два здания у ручья были жилыми, и когда они бросили сумки и распределили между собой комнаты, водитель повел их в другое здание, где полдюжины довольно пожилых кухонных работников накормили их простым обедом из рагу и салата. Потом их снова отвели в жилые домики и предоставили самим себе.

Они собрались в центральном зале с дровяной печью. Снаружи было тепло, и печь не топили.

– Форту сто двенадцать лет, – сказал ориентировщик по имени Сэм, – и омоложение, судя по всему, не подействовало на его мозги.

– Оно и не должно, – ответил Макс, второй ориентировщик.

Они еще некоторое время обсуждали Форта. Каждый из них слышал, будто Уильям Форт был одним из выдающихся деятелей медицины, своего рода Луи Пастер их века, человек, победивший рак, как писали таблоиды. Он также избавил человечество от обычной простуды, основав «Праксис» в двадцать четыре года, чтобы торговать передовыми антибактериальными препаратами, и уже к двадцати семи стал мультимиллиардером. После он занялся превращением «Праксиса» в крупнейшее мировое транснациональное объединение. Восемьдесят лет подряд он упорно «распространял метастазы», как охарактеризовал это Сэм, а тем временем его личность преобразалась в нечто, напоминающее ультра-Говарда Хьюза¹², во всяком случае, ходили такие слухи. Он становился все более и более могущественным, пока, словно черная дыра, не исчез полностью за горизонтом событий собственного могущества.

– Надеюсь, он не слишком эксцентричен, – сказал Макс.

Другие члены их группы – Салли, Эми, Элизабет и Джордж – были настроены более оптимистично. Но все они испытывали беспокойство по поводу того, как необычно их встретили, а вернее, не встретили, – никто не пришел навестить их, пока они, озадаченные, не разошлись по своим комнатам.

Арт, как и всегда, спал хорошо и с рассветом проснулся от низкого уханья совы. Прямо под его окном журчал ручей. Стоял серый рассвет, воздух полнился обволакивающим сосны туманом. Откуда-то из недр здания донесся щелчок закрывшегося замка.

Он оделся и вышел. Все было насквозь мокрым. Ниже, на узких плоских террасах перед зданием, тянулись грядки с салатом и ряды яблонь, обрезанных и подвязанных так, что они больше походили на раскидистые кусты.

Когда Арт спустился к маленькой ферме над прудом, вещи вновь обрели цвет. Под большим дубом простиралась, словно ковер, лужайка. Арт подошел к дереву, будто его тянуло туда, тронул его грубую, потрескавшуюся кору. Затем он услышал голоса: по тропинке к пруду приближалась группа людей в черных гидрокостюмах с досками для серфинга и с длинными свернутыми крыльями дельтапланов. Когда они проходили мимо, он узнал людей, которых видел накануне на кухне, и водителя. Водитель помахал ему и пошел дальше. Арт направился к пруду. В соленом воздухе разносился низкий шум волн, в камышах плавали птицы.

Через какое-то время Арт вернулся по тропинке и в столовой комплекса нашел пожилых поваров, пекущих блинчики. После того как Арт и другие гости поели, вчерашний водитель провел их вверх по лестнице в большой зал заседаний. Они сели на диваны, составлен-

---

¹² Говард Хьюз (1905–1976) – американский предприниматель, инженер и режиссер, владелец крупнейших компаний США своего времени. Именно личность Хьюза послужила для кино и литературы прототипом образа таинственного и чудаковатого миллионера.

ные квадратом. Большие панорамные окна по всем четырем стенам пропускали достаточно серого утреннего света. Водитель уселся в кресло между двумя диванами.

– Я – Уильям Форт, – сказал он. – Рад видеть всех вас здесь.

При ближайшем рассмотрении он оказался странным стариком. Его лицо, словно следы вековых тревог, избородили морщины, но в тот момент на нем можно было прочесть лишь безмятежность и отрешенность. «Шимпанзе, – подумал Арт, – прошедший много лет в лаборатории, а теперь постигающий дзен». Или просто очень старый серфер и дельтапланирист – потрепанный, лысый, круглолицый, со вздернутым носом. А теперь переводящий взгляд с одного на другого. Сэм и Макс, которые не обращали на него внимания, пока он оставался водителем или поваром, чувствовали себя неловко, но он, кажется, не замечал этого.

– Единственный показатель того, – произнес он, – насколько мир полон людьми и насколько они активны, – это процент ассигнований в перечень продуктов, получаемых на основе фотосинтеза.

Сэм и Макс кивнули, как будто это было стандартным началом совещания.

– Могу я делать заметки? – спросил Арт.

– Пожалуйста, – ответил Форт и указал на кофейный столик, стоящий перед диванами. Там лежали блокноты и планшеты. – Позже я хотел бы поиграть в кое-какие игры, так что вот планшеты и блокноты, что вам удобнее.

Почти все взяли себе планшеты и некоторое время молчаливо возились, вынимая и запуская их. Пока они были заняты, Форт встал и начал ходить кругами вокруг диванов, поворачиваясь через каждые несколько предложений.

– Сейчас мы используем порядка восьмидесяти процентов чистой первичной продукции наземного фотосинтеза, – говорил он. – Ста процентов, вероятно, невозможно достигнуть. В перспективе емкость среды¹³, по нашим подсчетам, составляет лишь около тридцати процентов, так что, образно говоря, мы зажрались. Мы уничтожаем наш естественный капитал, как будто где-то есть доступный резерв, и почти исчерпали некоторые наши активы, такие как нефть, дерево, почва, металлы, пресная вода, рыба и животные. Это затрудняет дальнейшее развитие экономики.

«Затрудняет! – записал Арт. – Экспансия?»

– Мы должны продвигаться дальше, – продолжил Форт, бросив пронзительный взгляд на Арта, пытавшегося непринужденно закрыть свой планшет ладонью. – Продолжающаяся экспансия – фундаментальный принцип экономики. Более того, это один из фундаментальных принципов самой вселенной. Потому что все на свете – это экономика. Физика – космическая экономика, биология – клеточная, гуманитарные науки относятся к социальной экономике, психология – к ментальной, и так далее.

Слушатели печально закивали.

– Так что все на свете расширяется. Но подобный процесс не может вступать в противоречие с законом сохранения массы и энергии. Как бы эффективно ни было производство, невозможно на выходе получить больше, чем на входе.

Арт внес в пометки: «Выход больше начального вложения – все экономика – естественный капитал – зажрались».

– В ответ на сложившуюся ситуацию здесь, в «Праксисе», группа людей работает над тем, что мы назвали экономикой полного мира.

---

¹³ Предельная нагрузка биологического вида на среду обитания (емкость среды) – это максимальный размер популяции вида, который среда может безусловно стабильно поддерживать, обеспечивать пищей, укрытием, водой и другими необходимыми благами.

– А почему не переполненного мира? – спросил Арт.

Форт, кажется, его не услышал.

– Как сказал Дали, два капитала: созданный человеком и созданный природой – не взаимозаменяемы. Это очевидно, но поскольку многие экономисты до сих пор утверждают обратное, я вынужден подчеркнуть это. Простой пример: построив больше лесопилок, вы не получите больше леса. Строя дом, вы можете варьировать число электропил и плотников, а значит, они взаимозаменяемы, но вы не можете строить, имея на руках лишь половину необходимой древесины, и не важно, сколько пил и плотников у вас есть. Попробуйте, и у вас получится дом из воздуха. Именно в таком доме мы сейчас и живем.

Арт покачал головой и взглянул на страницу своего планшета, куда снова внес заметки. «*Ресурсы и капиталы не взаимозаменяемы – электропилы/плотники – дом из воздуха*».

– Прошу прощения, – спросил Сэм, – вы сказали: природный капитал?

Форт резко дернулся, повернулся, чтобы взглянуть на Сэма.

– Да?

– Я думал, капитал по определению создается человеком. Производное средств производства, так нас учили.

– Верно. Но в капиталистическом мире слово «капитал» получает все более и более широкое использование. Люди говорят, например, о человеческом капитале – это совокупность образования и опыта работы. Определение человеческого капитала отличается от классического в том отношении, что вы не можете унаследовать его, он может быть только взят в аренду, но не может быть куплен или продан.

– Если только не принимать в расчет рабство, – добавил Арт.

Форт нахмурился.

– Концепция *природного капитала* на самом деле больше похожа на традиционное определение, чем концепция человеческого капитала. Им можно владеть, его можно завещать, делить на возобновляемый и не возобновляемый, отчуждаемый и не отчуждаемый.

– Но если все – капитал того или иного рода, – сказала Эми, – можно понять, почему люди считают, что один капитал может быть взаимозаменяем другим. Если человеческий капитал будет усовершенствован так, чтобы использовать меньше природного капитала, не будет ли это взаимозамещением?

Форт покачал головой.

– Это вопрос эффективности. Капитал – это количество на входе, а эффективность – отношение количества на входе к количеству на выходе. Вне зависимости от эффективности вы не можете сделать что-то из ничего.

– Новые энергетические ресурсы... – предложил Макс.

– Но мы не можем производить почву из электричества. Энергия синтеза и самовоспроизводящиеся машины дали нам невероятную мощь, но нам нужны основные ресурсы, чтобы было к чему эту мощь прикладывать. И тут мы упираемся в предел, замены которому не может быть.

Форт уставился на них все с тем же обезьяньим спокойствием, которое он сохранял с самого начала. Арт бросил взгляд на экран планшета. «*Природный капитал – человеческий капитал – традиционный капитал – энергия против материи – электрическая почва – пожалуйста, никакой замены*». Он скривился и перешел на следующую страницу.

– К несчастью, – продолжил Форт, – большинство экономистов по-прежнему работает в экономической модели пустого мира.

– Модель экономики полного мира кажется очевидной, – сказала Салли. – Это просто здравый смысл. Почему большинство экономистов ее игнорируют?

Форт пожал плечами и молча сделал еще один круг по комнате. Арт уже устал вертеть головой.

– Мы понимаем мир через парадигмы. Переход от модели пустого мира к модели полного мира – это смена парадигмы. Макс Планк однажды сказал, что новая парадигма приходит не тогда, когда удастся убедить ее противников, а когда ее противники вдруг умирают.

– А они пока живы, – заметил Арт.

Форт кивнул.

– Омоложение продлевает жизни людей. И многие из них занимают значительные должности.

Салли посмотрела на него с неприязнью.

– Значит, им просто следует пересмотреть свои взгляды, не так ли?

Форт уставился на нее.

– Прямо сейчас мы этим и займемся. По крайней мере, в теории. Я хочу, чтобы вы изобрели экономические стратегии полного мира. Это игра, в которую я играю. Если вы подключите планшеты к столу, я смогу скинуть вам начальные данные.

И все они склонились и подключились к столу.

Первая игра, в которую захотел сыграть с ними Форт, включала в себя вычисление максимального числа экологически устойчивого¹⁴ населения Земли.

– Разве это не зависит от различных факторов, вроде стиля жизни? – спросил Сэм.

– Мы будем учитывать все факторы.

Он не шутил. Они прошли от сценариев, в которых каждый акр пахотной земли возделывался с максимальной эффективностью, до сценариев, включающих возврат к охоте и собирательству, от всемирного общества потребления до жестких ограничений. Планшеты ставили начальные условия, после чего игроки разыгрывали их, скучающе или нервно, нетерпеливо или сосредоточенно, используя формулы, взятые со стола, или собственные наработки.

Игра заняла их вплоть до ланча, и потом они играли весь оставшийся день. Арту нравилось играть, они с Эми всякий раз завершали намного раньше остальных. Их максимальное число экологически устойчивого населения варьировалось от ста миллионов (модель «бессмертный тигр», как назвал ее Форт) до тридцати миллиардов (модель «муравьиная ферма»).

– Это большой диапазон, – заметил Сэм.

Форт кивнул и терпеливо взглянул на них.

– Но если вы посмотрите лишь на модели с наиболее реалистичными условиями, – сказал Арт, – то, как правило, получите цифру между тремя и восемью миллиардами.

– А сейчас население составляет порядка двенадцати миллиардов, – произнес Форт. – Так что мы не укладываемся. Что нам с этим делать? В конце концов, у нас есть предприятия, которыми надо управлять. Бизнес не остановится потому лишь, что людей слишком много. Экономика полного мира не означает конца обычной экономики, это просто конец того производства, которое мы знаем. Я хочу, чтобы «Праксис» оставался на гребне волны. Кстати, сейчас отлив, я собираюсь вернуться на пляж. Буду рад, если вы присоединитесь ко мне. Завтра мы будем играть в игру под названием «Переполнение».

С этим он вышел из комнаты, предоставив их самим себе. Они вернулись в свои спальни, а когда времени до ужина оставалось совсем немного, прошли в обеденный зал. Форта там не было, но их встретили несколько его коллег, которых они помнили по прошлому дню. Этим вечером к ним присоединилась толпа парней и девушек, все стройные, румяные и пышущие здоровьем. Они казались членами туристического клуба или командой пловцов, и девушек среди них было больше. Брови Сэма и Макса взлетали вверх и опускались вниз в простейшей азбуке Морзе, передающей: «Ага-ага!» Молодые люди, не обращая

---

¹⁴ Не наносящего вред окружающей среде.

на это внимания, накрыли стол и вернулись на кухню. Арт ел быстро, спрашивая себя, правы ли Сэм и Макс в своих предположениях. Затем он отнес свою тарелку на кухню и принялся помогать у посудомоечной машины, попутно спросив у одной из девушек:

– Как вы сюда попали?

– Это что-то вроде студенческой программы, – ответила она. Ее звали Джойс. – Мы все новички, присоединившиеся к «Праксису» в прошлом году, и нас выбрали для поездки сюда на занятия.

– Вы сегодня случайно не работали над моделью экономики полного мира?

– Нет, мы играли в волейбол.

Арт вышел из здания, жалея, что его не отобрали для студенческой программы. Ему стало интересно, есть ли здесь джакузи с видом на океан. Что ж, это вполне реально. Вода в океане оказалась холодной, а если все крутилось вокруг экономики, то и роскошь можно было бы расценивать как инвестицию для поддержания кадровой инфраструктуры.

Вернувшись в дом, его товарищи проговорили весь оставшийся вечер.

– Ненавижу такие вещи, – заявил Сэм.

– Мы попались, – мрачно добавил Макс, – ты или присоединяешься к культуре, или теряешь работу.

Остальные не были настроены столь пессимистично.

– Может быть, ему просто одиноко, – предположила Эми.

Макс и Сэм закатили глаза, а потом бросили взгляд в сторону кухни.

– Может, он всегда хотел быть учителем, – поддержала Салли.

– Может, он хочет, чтобы «Праксис» рос на десять процентов в год, – сказал Джордж, – полный этот мир или пустой.

Сэм и Макс кивнули, но Элизабет выглядела раздраженной.

– Может быть, он хочет спасти мир! – воскликнула она.

– Верно, – сказал Сэм, и Макс с Джорджем хохотнули.

– Может быть, эта комната прослушивается, – заметил Арт, и разговоры отсекло как гильотиной.

Последующие дни были очень похожи на первый. Они сидели в конференц-зале, Форт кружил вокруг них и рассуждал целое утро, иногда логично, иногда нет. Однажды они три часа провели, разговаривая о феодализме – этом политическом выражении стремления приматов к доминированию; о том, что на самом деле феодализм никогда не заканчивался и что транснациональный капитализм стал его расширенной версией, после чего мировая аристократия вынуждена была искать способы сдерживать рост капитала в пределах установленной феодальной системы. В другой раз они говорили о теории калорийной ценности, называемой эко-экономикой, очевидно, впервые разработанной первопоселенцами Марса. Услышав об этом, Сэм и Макс закатили глаза, тогда как Форт все бубнил про уравнения Танеева и Токаревой, черкая неразборчиво на установленной в углу доске.

Но через несколько дней после их приезда с юга пришли большие волны, Форт отменил собрания и проводил все время, занимаясь серфингом или паря над водой в костюме, состоящем из обтягивающего трико и широких крыльев, вроде подвижного аналога дельтаплана, – повинувшись малейшему движению мускулов, крылья принимали различные конфигурации, необходимые для полета. Большинство юных стипендиатов присоединилось к нему в небе, они парили вокруг, словно Икары, а потом пикировали и мягко скользили на воздушной подушке, пока новая вздымающаяся волна не подбрасывала их выше. Они рассекали воздух совсем как пеликаны, которые, можно сказать, и изобрели этот спорт.

Арт вышел и с наслаждением покатался на бодиборде, вода была холодной, хотя и не настолько, чтобы ему потребовался гидрокостюм. Он держался там, где серфила Джойс,

болтая с ней между заплывами, и выяснил, что пожилые повара были хорошими друзьями Форта, ветеранами первых лет восхождения «Праксиса» к славе. Юные стипендиаты прозвали их «восемнадцать бессмертных». Некоторые из этих восемнадцати постоянно жили в лагере, другие то и дело заезжали, поддерживая отношения. Они обсуждали текущие проблемы, советовались насчет руководящей политики «Праксиса», проводили занятия и семинары, а также играли на волнах. Те же, кто не испытывал восторгов от воды, работали в саду.

Арт тщательно осмотрел сад, когда они взбирались обратно к поселению. Работавшие там люди двигались, будто в замедленной съемке, постоянно переговариваясь друг с другом. На тот момент главной для них задачей было обратить обрезанные яблони.

Когда южное волнение стихло, Форт возобновил работу с группой Арта. Однажды темой для обсуждения стали бизнес-возможности полного мира, и Арт начал понимать, почему выбрали именно его и шестерых его коллег: Эми и Джордж занимались контрацепцией, Сэм и Макс – индустриальным дизайном, Салли и Элизабет – сельхозтехнологиями, а он сам – переработкой ресурсов. Все они уже сталкивались с предпринимательством полного мира, и в своих дневных играх неплохо демонстрировали способность придумывать новые его типы.

В другой день Форт предложил игру, в которой они должны были решать проблему полного мира через возвращение к пустому. По условиям задачи, им требовалось выпустить разносчика чумы, который убил бы всех, кто не получал геронтологического лечения. Каковы были бы «за» и «против» такого решения?

Ошеломленная группа взялась за свои планшеты. Элизабет заявила, что не станет играть в игру, основанную на такой монструозной идее.

– Это ужасная идея, – согласился Форт. – Но это не делает ее невозможной. Видите ли, я знаю кое-что. Слышу разговоры определенного уровня. Между лидерами крупных транснационалов, например, ведутся споры. Приводятся аргументы. Можно услышать самые разные идеи, выдвигаемые вполне серьезно, включая и такие, как эта. Все сожалеют о таком сценарии и меняют тему разговора. Но никто не заявляет, что это технически невозможно. А некоторые, похоже, думают, что такой сценарий способен решить определенные неразрешимые проблемы.

Группа печально обдумала эту мысль. Арт предположил, что при таком развитии событий рабочих рук в сельском хозяйстве станет не хватать.

Форт смотрел из окна на океан.

– Вот фундаментальная проблема любой катастрофы, – задумчиво проговорил он. – Едва она возникает, уже никто не может с уверенностью сказать, когда это прекратится. Давайте продолжим.

И, подавленные, они продолжили. Разыгрывая сокращение населения, они, в виду только что предложенной им альтернативы, подошли к проблеме со всем тщанием. Каждый из них побывал в роли Императора мира, как выразился Форт, и подробно изложил свой план.

Когда пришла очередь Арта, он сказал:

– Я бы дал каждому выжившему право стать родителем ребенка на три четверти.

Все, включая Форта, рассмеялись, но Арт упорно продолжал. Он объяснил, что каждой паре родителей дали бы право выносить одного ребенка и еще половину. После рождения первенца они могли бы продать свое право на половину или договориться о покупке второй половины у другой пары и родить второго ребенка. Цены на половины будут колебаться по классической схеме спроса и предложения. Социальные последствия будут позитивны: люди, желающие еще одного ребенка, будут вынуждены ради этого отказываться от чего-то, в то время как те, кому хватает и одного ребенка, будут иметь источник дохода, чтобы его поддержать. Когда население сократится в достаточной мере, Император мира может

изменить право на рождение до одного ребенка на человека, что будет близко к демографической стабильности. Но с процедурами омоложения в данных условиях лимит на три четверти должен сохраниться надолго.

Закончив излагать свое предложение, Арт поднял взгляд от записей на своем планшете. Все смотрели на него.

– Три четверти ребенка, – повторил Форт с ухмылкой, и все снова захохотали. – Мне это нравится. – Смех прекратился. – Это наконец установит денежную ценность человеческой жизни на открытом рынке. До сих пор все работы в этой области были в лучшем случае небрежны. Что-то вроде пожизненных доходов и расходов. – Он вздохнул и покачал головой. – В действительности, экономисты берут большую часть цифр с потолка. Ценность, на самом деле, не результат экономических исчислений. Нет, совсем нет. Давайте посмотрим, сможем ли мы вычислить, сколько будет стоить половина ребенка. Я уверен, начнутся спекуляции, появятся посредники, а затем и целый рыночный аппарат.

Так что оставшуюся часть дня они играли в «Три четверти», дойдя вплоть до сырьевого рынка и получив множество сюжетов для мыльных опер. Когда они закончили, Форт пригласил их на пляж на барбекю.

Вернувшись в свои комнаты, они надели куртки и спустились по тропинке через долину в яркий закат. На пляже под дюной был разведен большой костер, за которым присматривали несколько юных стипендиатов. Когда они подошли и расселись на одеялах вокруг костра, дюжина или около того из «восемнадцати бессмертных» приземлились, пробежав по песку, и медленно сложили свои крылья, а потом отстегнули их от костюмов и откинули с глаз мокрые волосы, обсуждая друг с другом ветер. Они помогли друг другу раздеться и остались в одних купальных костюмах, дрожа и покрываясь гусиной кожей. Столетние летуны тянули к огню жилистые руки, женщины выглядели такими же мускулистыми, как и мужчины, их лица были иссечены морщинами, будто они миллион лет шурились на солнце и смеялись у костра. Арт наблюдал, как Форт шутит со своими старыми друзьями, как просто они вытирают друг друга полотенцами. Тайная жизнь богатых и знаменитых! Они ели хот-доги и пили пиво. Потом летуны ушли за дюны и вернулись, уже одетые в брюки и свитера, довольные тем, что могут постоять у костра еще немного, расчесывая влажные волосы друг друга. Сгустились сумерки, вечерний бриз веял солью и холодом. Оранжевое пламя танцевало под порывами ветра, тени играли на обезьяноподобном лице Форты. Как заметил ранее Сэм, он выглядел максимум на восемьдесят.

Теперь он сидел с семьей своими гостями, которые держались друг друга, и, вглядываясь в угли, принялся говорить снова. Люди на другой стороне костра не прекратили свои разговоры, но гости Форты склонились ближе, чтобы слышать его в шуме ветра, волн и потрескивающего дерева. Без своих планшетов на коленях они казались немного потерянными.

– Нельзя заставить людей делать что-то, – сказал Форт. – Суть в том, чтобы изменить себя. Тогда люди увидят и смогут выбирать. В экологии существует принцип основателя. Популяция на острове начинается с малого числа поселенцев, так что в родительской популяции число генов ограничено. Это первый шаг к видообразованию. Теперь я думаю, нам нужны новые виды, с экономической точки зрения, конечно же. А «Праксис» сам по себе – это остров. И то, как мы его развиваем, можно сравнить с преобразованием генов, данных нам в начале. Мы не обязаны соблюдать установившиеся к настоящему моменту правила. Мы можем создавать новые виды. Не феодальные. У нас коллективное право собственности и коллективное принятие решений, политика конструктивных действий. Мы работаем в направлении корпоративной структуры, схожей с государственной структурой, установившейся в Болонье. Это своего рода демократический коммунистический остров, превосходя-

происходит за его спиной. А в разговорах у посудомоечной машины часто проскальзывали нотки, с какими братья и сестры обсуждают, что им делать с недееспособными родителями.

Как бы там ни было, это был тест. Однажды ночью Арт пошел на кухню, чтобы выпить перед сном стакан молока, и, минуя маленькую комнатку рядом с обеденным залом, увидел, как несколько человек, старых и молодых, смотрели видеозапись их с Фортом утренних упражнений. Арт вернулся в свою комнату в глубоких раздумьях.

На следующее утро Форт по своему обыкновению кружил по конференц-залу.

– Новые возможности для роста больше не появляются.

Сэм и Макс быстро переглянулись.

– Это то, к чему приводит мышление полного мира. Мы должны определить новые растущие рынки и выйти на них. Теперь вспомните, что природный капитал может быть разделен на отчуждаемый и неотчуждаемый. Неотчуждаемый капитал – субстрат, из которого появляется весь отчуждаемый капитал. Учитывая его нехватку и преимущества, которые он дает, имеет смысл, опираясь на обычную теорию спроса и предложения, установить его цену как бесконечную. Я заинтересован во всем, что имеет теоретически бесконечную стоимость. Вот она – очевидная сфера инвестиций. По сути, это инвестиции в инфраструктуру, но на самом базовом, биофизическом уровне. Инфра-инфраструктура, так сказать, или биоинфраструктура. И это то, чем, по моему мнению, стоит заняться «Праксису». Мы приобретаем и перестраиваем любую биоинфраструктуру, которая была исчерпана и уничтожена. Это долгосрочные инвестиции, но прибыль будет фантастической.

– А разве большинство биоинфраструктур не находятся в государственной собственности? – спросил Арт.

– Находятся, и это означает необходимость тесного сотрудничества с государствами. Годовой валовой продукт «Праксиса» больше, чем таковой у большинства стран. Все, что нам нужно, – находить страны с маленьким ВВП¹⁵ и плохим ИБС.

– ИБС? – переспросил Арт.

– Индекс будущего страны. Это альтернативное измерение ВВП, принимающее в расчет долги, политическую стабильность, состояние окружающей среды и все такое прочее. Полезный инструмент двойного контроля ВВП, он помогает вычислить страны, которым могла бы пригодиться наша помощь. Мы их находим, идем к ним и предлагаем большие инвестиции капитала плюс политическое руководство, безопасность, все, что им нужно. Взамен мы берем под опеку их биоинфраструктуру. Мы также получаем доступ к их рабочей силе. Это очевидное партнерство. Думаю, это станет следующим шагом.

– Какая роль отводится нам во всем этом? – спросил Сэм, обводя рукой группу.

Форт переводил взгляд с одного на другого.

– Я думаю дать каждому из вас свое назначение. Я хочу, чтобы вы хранили его в тайне. В любом случае, вы разъедетесь отсюда по одному в разные места. Вы будете заниматься дипломатической работой как посредники «Праксиса», а также станете выполнять особые задания, связанные с инвестициями в биоинфраструктуру. Я изложу детали в частной беседе. А теперь давайте пообедаем, после чего я встречусь с каждым из вас.

«Дипломатическая работа!» – записал Арт в своем планшете.

Он провел день, бродя по садам и разглядывая выращенные на шпалерах яблочные кусты. Очевидно, в списке личных встреч Форта Арт стоял далеко не первым, но ему было все равно. День выдался облачный, цветы в саду были мокрыми и яркими. Похоже, будет сложно вернуться в его студию под автострадой в Сан-Хосе... Интересно, что делает Шэрон,

---

¹⁵ Валовой национальный продукт.

думает ли она о нем? Без сомнения, она отправилась в плавание со своим вице-председателем.

Солнце почти садилось, и он как раз собирался вернуться в свою комнату, чтобы переодеться к ужину, когда на центральной дорожке показался Форт.

– А, вот вы где, – сказал он. – Давайте пройдем вниз, к дубу.

Они сели у могучих корней дерева. Солнце пробивалось сквозь низкие облака, и все окрашивалось в розовые цвета.

– Вы живете в красивом месте, – заметил Арт.

Форт, казалось, не слышал его. Он смотрел в подсвеченные тучи, клубящиеся над головой.

После нескольких минут созерцания он сказал:

– Мы хотим, чтобы вы приобрели Марс.

– Приобрел Марс, – повторил Арт.

– Да. В том смысле, о котором я говорил этим утром. Все эти национальные и транснациональные партнерства – вещь преходящая, без сомнений. Старая традиция плавать под выгодным флагом неприлична, но мы должны придерживаться ее, чтобы получить больший контроль над нашими инвестициями. Мы проделали это на Шри-Ланке и добились такого успеха, что нашему примеру последовали все крупные транснационалы, принявшись собирать под свои флаги все нуждающиеся в поддержке страны.

– Но Марс не страна.

– Нет. И это проблема. Когда разбился первый лифт, экономика Марса обрушилась. Теперь установлен новый лифт, и на подходе большие события. Я хочу, чтобы «Праксис» был на гребне волны. Конечно, все прочие большие инвесторы тоже будут конкурировать за эту позицию. Теперь, когда новый лифт готов, борьба лишь усилится.

– Кто управляет лифтом?

– Консорциум, возглавляемый «Субараси».

– А это не проблема?

– Это выводит их вперед. Но они не понимают Марса. Они думают, это просто новый источник металлов. Они не видят возможностей.

– Возможностей для...

– Для развития! Марс – не пустой мир, Рэндольф. В экономическом понимании, это практически несуществующий мир. Видите ли, его биоинфраструктуру еще только предстоит сконструировать. Я имею в виду, что можно просто извлечь металлы и двигаться дальше, что наверняка и собираются сделать «Субараси» и им подобные. Но это все равно что относиться к Марсу как к еще одному большому астероиду. А это глупо, поскольку его цена как базы для дальнейших действий, как планеты, намного превосходит стоимость его металлов. Все его полезные ископаемые разом оцениваются примерно в двести триллионов долларов, но цена терраформированного Марса лежит далеко за этими пределами. Это около трети валового продукта всей Земли, и если хотите знать мое мнение, это все равно не точная оценка его значения. Марс – это биоинфраструктурная инвестиция как раз того рода, о котором я говорил. Именно то, что нужно «Праксису».

– Но приобрести... – замялся Арт. – Что под этим имеется в виду?

– Не что. Кто.

– Кто?

– Подполье.

– Подполье!

Форт дал ему время, чтобы все обдумать. Телевидение, таблоиды и Сеть были переполнены историями о выживших после 2061 года, прячущихся в подземных убежищах дикого южного полушария под предводительством Джона Буна и Хироко Ай, прокладывающих

повсюду туннели, контактирующих с пришельцами, умершими знаменитостями и живыми мировыми лидерами... Арт уставился на Форту, вполне *bona fide*¹⁶ живого мирового лидера, потрясенный внезапным пониманием, что конкретно эта пеллюсидарная¹⁷ фантазия могла иметь под собой все основания.

– Они на самом деле существуют?

Форт кивнул.

– Да. Я не контактирую с ними напрямую, как вы понимаете, и не знаю, сколько их. Но я уверен, что некоторые из первой сотни все еще живы. Вы знакомы с теорией Танеева – Токаревой, той, о которой я говорил в ваш первый день занятий? Так вот, эти двое и Урсула Кол жили в Ахероне, севернее горы Олимп, вместе со всей биомедицинской командой. Во время войны их исследовательский комплекс был уничтожен, но там не нашли тел. Примерно шесть лет назад я отправил людей из «Праксиса», чтобы восстановить объект. Когда все было завершено, мы назвали его Институт Ахерона и оставили пустым. Там все подключено к сети и готово к работе, но не происходит ничего, кроме маленькой ежегодной конференции по эко-экономике. А в последний год, после того как конференция закончилась, уборщики нашли несколько страниц факса, на одной из которых был оставлен комментарий. Ни подписи, ни источника. Но эта разработка могла быть написана лишь Танеевым или Токаревой, или кем-то, кто хорошо знаком с их работами. Я думаю, это был маленький привет.

«Очень маленький привет», – подумал Арт.

Форт, похоже, читал его мысли.

– Только что я получил большой привет. Я не знаю, кто это, они были очень осторожны, но они там...

Арт сглотнул. Если это правда, то это интереснейшая новость.

– И вы хотите, чтобы я...

– Я хочу, чтобы вы полетели на Марс. У нас есть проект, под прикрытием которого вы станете работать, – утилизация кабеля упавшего лифта. Пока вы будете заняты этим, я постараюсь свести вас с тем, кто пытался выйти со мной на контакт. Вам не придется ничего инициировать, только ответить на их первый шаг. Но, послушайте, я не хочу, чтобы они с самого начала знали, что именно вы пытаетесь сделать. Я хочу, чтобы вы начали работать на них. Выясните, кто они, насколько далеко простирается их поле деятельности, чего они хотят. И как мы можем договориться с ними.

– И я буду своего рода...

– Дипломатом.

– То есть шпионом.

Форт пожал плечами.

– Все зависит от того, на чьей вы стороне. Проект должен оставаться в секрете. Я веду дела с лидерами других транснациональных корпораций, а они напуганы. Их ответ на потенциальные угрозы существующему миропорядку может быть очень жестким. А некоторые из них считают «Праксис» угрозой. Так что для «Праксиса» проведенное здесь время – действительно великолепное секретное оружие, и ваше расследование может стать его частью. Если вы присоединитесь, то присоединитесь именно к засекреченному «Праксису». Как вы думаете, вам это по силам?

– Я не знаю.

Форт рассмеялся.

– Вот почему я выбрал вас для миссии, Рэндольф. Вы кажетесь простым.

---

¹⁶ *Bona fide* (лат.) – букв. «по доброй вере»; честно, добросовестно.

¹⁷ Пеллюсидар – мир, расположенный внутри земной коры. Цикл книг о нем придумал и написал Эдгар Райс Берроуз.

«Я и есть простой», – чуть было не ответил Арт, но вовремя прикусил язык. Вместо этого он спросил:

– Почему именно я?

Форт пристально посмотрел на него.

– Когда мы приобретаем новую компанию, мы изучаем ее работников. Я читал ваше дело и сразу подумал, что у вас есть задатки дипломата.

– Или шпиона.

– Это различные стороны одной работы.

Арт нахмурился.

– Вы прослушивали мою старую квартиру?

– Увы, нет! – Форт снова рассмеялся. – Личного дела вполне достаточно.

Арт вспомнил, как поздно ночью наблюдал их заседание около кухни.

– Достаточно личного дела и наших встреч наверху, – добавил Форт, – чтобы узнать вас.

Арт задумался. Никто из «бессмертных» не согласился на эту работу, и, наверно, никто из стипендиатов тоже. Еще бы – эта работа уводила на Марс, а потом в некий невидимый мир, о котором никто не знал, и, может быть, неспроста. Вероятно, кому-то такая работа и могла показаться привлекательной, но только кому-то, кто лишился якоря и теперь ищет нового поля деятельности, кому-то со способностями к дипломатии...

В общем, это и впрямь было неким собеседованием на должность, которой еще не существовало. Исполнительный директор по вопросам приобретения Марса. Марсианский крот. Шпион в доме Ареса. Посол в подземельях Марса. Марсианский посол. «Ничего себе», – подумал он.

– Так что вы скажете?

– Я согласен, – ответил Арт.

Уильям Форт не валял дурака – он был серьезным предпринимателем. Как только Арт согласился принять назначение на Марс, его жизнь закрутилась, как видео на быстрой перемотке. Ночью его отправили обратно закрытым автобусом, а потом – закрытым самолетом. Все это время он оставался один, и когда поплелся на выход, то обнаружил себя в Сан-Франциско.

Он отправился в офис «Дампмайнз» и обошел всех друзей и знакомых. «Да, – повторял он снова и снова, – я нашел работу на Марсе. Переработка части старого лифтового кабеля. Это временно. Платят хорошо. Я вернусь».

Тем же днем он вернулся домой и собрался, что заняло десять минут. Затем он встал, осматриваясь, посреди пустой квартиры. На плите стояла сковородка, единственный символ его прежней жизни. Он потянулся к ней через забитые до отказа и застегнутые чемоданы, подумав, что все же сумеет втиснуть ее внутрь и что ее стоит забрать с собой. Потом перешагнул через них, прошел и сел в единственное кресло со сковородой в руке.

Спустя некоторое время он позвонил Шэррон, отчасти надеясь, что услышит автоответчик, но она была дома.

– Я лечу на Марс, – прохрипел он.

Она ему не поверила, а когда поверила, разозлилась: это трусливое дезертирство, он просто бежит от нее. «Но ведь ты бросила меня», – попытался сказать Арт, но она отключилась. Он оставил сковороду на столе и спустил свои чемоданы вниз, к тротуару. Через дорогу привычная толпа окружала государственный госпиталь, занимавшийся антивозрастной терапией. Люди, чья очередь предположительно близилась, устроили кемпинг на парковке, чтобы быть уверенными, что ничего не пойдет вдруг наперекосяк. Терапия была гарантирована законом всем гражданам США, но ожидание в государственных учреждениях было таким долгим, что порой многие задавались вопросом, доживут ли они до своей очереди. Увидев это, Арт покачал головой и махнул велорикше.

Свою последнюю неделю на Земле он провел в мотеле на мысе Канаверал. Это было печальное расставание. Канаверал оставался закрытой территорией, занятой преимущественно военной полицией и обслуживающим персоналом, который крайне отрицательно относился к «покойникам» – так они называли ожидающих отправления. Ежедневная феерия взлета оставляла у всех либо чувство тревоги, либо возмущение, но определенно оглушала каждого. Днем люди бродили по округе со звоном в ушах, то и дело переспрашивая: «Что? Что? Что?» Чтобы нейтрализовать проблему, большинство местных носили беруши. Они швыряли тарелки на ваш столик, разговаривая при этом с кем-то на кухне, а потом вдруг кидали взгляд на часы, вынимали беруши из кармана и втыкали их в уши. «Бум!» – очередной стартовавший ракетоноситель «Энергия» с двумя челноками, закрепленными на нем, заставляли весь мир дрожать как желе. Прижав к ушам ладони, «покойники» ломались на улицу, чтобы еще раз взглянуть на то, что их ожидает. Они задирали головы, уставившись на библейские столпы дыма и светящуюся точку, идущую по дуге над Атлантикой. Местные же оставались на месте, жуя резинку и ожидая окончания вынужденного перерыва в работе. Лишь однажды они выказали интерес, когда утром пришла новость, что в день запуска, во время высокого прилива, незваные гости подплыли к забору, огораживающему территорию, и проникли внутрь, и служба безопасности гналась за ними вплоть до пусковой площадки. Говорили, что некоторые из них сгорели дотла при старте, этого оказалось достаточно, чтобы местные вышли посмотреть, не будет ли столп дыма и пламени выглядеть как-то по-другому.

Наконец одним воскресным утром пришла очередь Арта. Он встал и, словно во сне, оделся в выданный ему, не подходящий по размеру комбинезон. Он сел в автобус вместе с другим мужчиной, который выглядел таким же заторможенным, и их повезли к стартовой площадке, где провели идентификацию по сетчатке глаз, отпечаткам пальцев, голосу и внешнему виду. Затем, не дав даже подумать о том, что все это значит, его провели в лифт, а потом коротким туннелем вниз, в крохотную комнату, где оказалось восемь кресел, напоминающих кресла дантиста и занятых людьми с расширившимися от страха глазами. Его усадили и пристегнули, дверь закрылась, и под полом раздался вибрирующий рев. Арта вжало в кресло, а потом наступила невесомость. Он был на орбите.

Через некоторое время пилот отстегнулся, то же сделали и пассажиры, и все приблизились к двум маленьким иллюминаторам, чтобы выглянуть наружу. Черный космос, голубой мир, прямо как на картинках, но с поразительно высоким разрешением, свойственным лишь реальности. Арт уставился вниз, на Западную Африку, и его волной захлестнула тошнота.

Когда после бесконечного периода морской болезни, которая длилась приблизительно три дня земного времени, к нему начал возвращаться аппетит, мимо них лихо пролетел один из непрерывно курсирующих между планетами шаттлов. Сделав оборот вокруг Венеры и выполнив маневр торможения на орбите Земля – Луна, теперь он двигался достаточно медленно, чтобы маленькие транспортники смогли догнать его. Во время своего недомогания Арт и другие пассажиры были переправлены на один из этих транспортников, который в подходящий момент отстрелили вдогонку за шаттлом. Ускорение было даже сильнее, чем при старте с мыса Канаверал, и когда все окончилось, Арт снова чувствовал слабость, головокружение и тошноту. Невесомость могла бы добить его. Он стонал при одной мысли о ней. Но, к счастью, в этом шаттле было кольцо, крутящееся со скоростью, придававшей некоторым помещениям гравитацию, которую называли марсианской. Арту предоставили койку в центре здоровья, занимающем одно из таких помещений, там он и остался. Он не мог толком ходить из-за своеобразной легкости марсианской гравитации. Он подпрыгивал, пошатывался и внутренне все так же чувствовал недомогание и дискомфорт. Но тошнота уже не

мучила его, как раньше, за что он был благодарен, хотя и испытывал по-прежнему не самые приятные ощущения.

Этот шаттл был странным. Из-за частых аэродинамических торможений в верхних слоях атмосферы Земли, Венеры и Марса он представлял собой по форме что-то вроде рыбы-молота. Кольцо вращающихся комнат было расположено в задней его части, прямо перед двигателями и стыковочными модулями транспортников. Колесо вертелось, и люди в нем ходили головой к центру корабля, ногами – к звездам под полом.

Примерно через неделю путешествия Арт решил дать невесомости еще один шанс, поскольку во вращающемся кольце не было иллюминаторов. Он прошел в один из переходных отсеков, чтобы выйти из вращающегося кольца в невращающуюся часть корабля. Переходный отсек располагался в кольце меньшего диаметра, которое вращалось вместе с большим кольцом, но иногда останавливалось, чтобы синхронизироваться с остальным кораблем. Отсеки выглядели в точности как кабины грузового лифта с дверями по обе стороны. Когда ты входил в одну и нажимал на нужную кнопку, они замедлялись за несколько оборотов до полной остановки, и вторая дверь открывалась, пропуская в другую часть корабля.

Так Арт и поступил. Когда кабина стала замедляться, он начал терять вес, и в ответ его желудок подкатил к горлу. К тому времени, как открылась вторая дверь, он вспотел насквозь и каким-то образом очутился на потолке, где больно ударился кистью, пытаясь затормозить, чтобы не врезаться головой. Боль вступила в борьбу с тошнотой, которая, к сожалению, выигрывала. Ему потребовалось оттолкнуться от стен пару раз, чтобы добраться до контрольной панели и нажать клавишу, которая вернула бы его туда, где он мог нормально двигаться, в гравитационное кольцо. Когда дальняя дверь закрылась, он медленно приземлился обратно на пол, а через минуту марсианская гравитация вернулась, и первая дверь снова открылась. С чувством благодарности он выскочил наружу, больше не испытывая никаких мучений, кроме ноющей вывихнутой кисти. Он подумал, что тошнота куда как хуже боли, во всяком случае – до определенного уровня. Ему придется наблюдать пространство снаружи с экранов мониторов.

В этом он был не одинок. Почти все пассажиры и весь экипаж большую часть времени проводили внутри гравитационного кольца, и потому там было довольно тесно, как в переполненном отеле, где постояльцы частенько проводят часок-другой в баре-ресторане. Арт читал учетные записи многочисленных курсирующих челноков, и это напоминало ему летучий Монте-Карло с его постоянными обитателями, богатыми и скучающими, – такая обстановка царилла во многих популярных видеосериалах. Корабль Арта, «Ганеша», был не таким. Очевидно, он носился по внутреннему периметру Солнечной системы довольно долго, и всегда – набитый под завязку. Внутри он изнашивался, в пределах кольца казался очень маленьким, гораздо меньше, чем те корабли, о которых рассказывали в историческом шоу об «Аресе». Первая сотня жила в пространстве, раз в пять большем, чем пространство внутри гравитационного кольца «Ганеши», тогда как на последнем было пятьсот пассажиров.

Время полета, тем не менее, составляло всего три месяца. Так что Арт успокоился и принялся смотреть телевизор, концентрируясь на документальных фильмах о Марсе. Он обедал в ресторане, который был убран в стиле больших океанских лайнеров эпохи двадцатых годов XIX века, немного играл в казино, оформленном под Лас-Вегас семидесятых. Но большую часть времени спал и смотрел телевизор, два этих занятия перетекали одно в другое, так что он видел очень правдоподобные сны о Марсе, в то время как от документальных фильмов веяло крайне сюрреалистичной логикой. Он просмотрел знаменитую запись дебатов Рассела – Клейборн, и в ту ночь безуспешно спорил с Энн Клейборн, которая, как и в

записях, выглядела, будто фермерская жена из «Американской готики»¹⁸, только костлявей и суровой. Другая запись, сделанная дроном, тоже сильно его потрясла. Дрон падал вдоль обрыва одного из отрогов долины Маринер. Он падал почти минуту, прежде чем замедлился и низко полетел над мешаниной камня и льда в ложе долины. В последующие недели Арту постоянно снилось, будто он сам падает, но каждый раз он просыпался до столкновения с землей. Похоже, часть его бессознательного чувствовала ошибочность принятого решения. Он пожимал плечами, ел и упражнялся в ходьбе. Он ждал. Ошибка это или нет, он уже здесь.

Форт передал ему шифровальную систему и велел отсылать отчеты регулярно, но в полете не о чем было докладывать. Однако Арт добросовестно слал ежемесячные отчеты, каждый раз одни и те же: «Мы в пути. Кажется, все хорошо». Ни на один из них не пришел ответ.

А потом Марс раздулся, словно апельсин, брошенный в телеэкраны, и вскоре они очутились в своих противоперегрузочных креслах, опрокинутых крайне резким аэродинамическим торможением, затем их снова вдавило уже в кресла транспортника, – Арт проходил через все эти сплюсывающие торможения со стойкостью ветерана, – и после недели на орбите, все так же вращаясь, они причалили к Нью-Кларку. Притяжение Нью-Кларка было очень маленьким, оно едва удерживало человека на полу, а Марс теперь располагался у них над головой. К Арту вернулась его морская болезнь, к тому же ему пришлось ждать своей очереди на поездку на лифте два дня.

Капсулы лифтов были похожи на длинные вытянутые отели, они переправляли плотно набитый, живой груз вниз, на планету, за пять дней. Ни о какой гравитации и говорить не приходилось, разве что в последние два дня она становилась сильнее и сильнее, пока лифт замедлялся, осторожно спускаясь в приемный комплекс, называемый «Гнездо» и расположенный к западу от Шеффилда на горе Павлина. Сила притяжения здесь была примерно такой же, что и в кольце «Ганеши», но неделя морской болезни окончательно измучила Арта, и, когда капсулы лифтов открылись и их повели куда-то вроде терминала аэропорта, он обнаружил, что едва способен идти, и удивился, как тошнота может отбить всякую охоту жить. С того дня, как он получил факс от Уильяма Форта, прошло четыре месяца.

Из «Гнезда» в Шеффилд они ехали на метро, но Арт был в таком состоянии, что едва ли мог любоваться видами, даже если бы они и были. Опустошенный и страдающий от головокружения, он пропрыгал на кончиках пальцев вниз по коридору, следуя за кем-то из «Праксиса», и с благодарностью рухнул на постель в маленькой комнатке. Марсианская гравитация ощущалась благословенно стабильной, пока он лежал, а через некоторое время он уснул.

Когда он проснулся, то не сразу сообразил, где находится. Полностью дезориентированный, он оглядел маленькую комнату, удивляясь, куда делась Шэрон и почему их спальня стала такой крошечной. Потом Арт вспомнил: он на Марсе.

Он застонал и сел, чувствуя жар и одновременно отстраненность от собственного тела. Все слегка пульсировало, хотя освещение в комнате вроде бы функционировало нормально. Стену напротив двери закрывали шторы, и он встал, подошел и распахнул их одним движением.

– Эй! – завопил он, отпрыгнув назад. Он проснулся во второй раз, по крайней мере, чувство было именно таким.

Перед ним открылся вид, словно из иллюминатора самолета. Бесконечное пустое пространство, небо цвета кровоподтека, солнце как пузырь лавы, а далеко внизу раскинулась каменистая равнина – плоская и круглая, лежащая на дне огромного круглого оврага, предельно круглого, просто замечательно круглого, учитывая его естественное происхождение.

¹⁸ Картина американского художника Гранта Вуда (1891–1942).

Было сложно понять, как далеко находится его противоположный край. Детали кратера были прекрасно видны, но постройки на другом краю обода выглядели совсем крошечными. Они были похожи на обсерваторию размером с булавочную головку.

Это, понял Арт, кальдера горы Павлина. Они приземлились у Шеффилда, так что сомнений тут быть не может. Следовательно, до этой обсерватории около шестидесяти километров, припомнил он из документальных фильмов, и пять километров до дна. И все это – совершенно пустое, каменистое, нетронутое, первобытное – вулканическая порода, такая голая, словно остыла неделю назад, здесь не было никаких следов человека – никакого терраформирования. Полвека назад Джон Бун, должно быть, видел все то же самое. И все это было таким... чужим. И холодным. Арт заглядывал в жерла Этны и Везувия, когда был на каникулах в Италии, и те два кратера были огромными по земным меркам, но в этой штуке, в этой дыре... могла затеряться тысяча таких же.

Он задернул занавески, не спеша, оделся и вздохнул. Похоже, внеземной кратер сулил ему крупные неприятности.

Дружелюбный гид из «Праксиса» по имени Адриенна, достаточно высокая, чтобы быть уроженкой Марса, но говорившая с сильным австралийским акцентом, забрала его и еще дюжину новичков, чтобы провести по городу. Оказалось, что их комнаты расположены на самом нижнем уровне, хотя это должно было вскоре измениться. Шеффилд в эти дни углублялся все дальше, чтобы предоставить максимально большое число комнат с видом на кратер, который так поразил Арта.

Лифт поднял их почти на пятьдесят уровней и выпустил в вестибюль новенького, как с иголки, офисного здания. Они прошли через большие крутящиеся двери и, очутившись на широком, засаженном травой бульваре, зашагали мимо облицованных полированным камнем приземистых зданий с большими окнами. Здания были разделены друг от друга узкими зелеными улочками и огромным количеством новостроек, многие из них еще находились в разной степени завершенности. Город обещал стать прекрасным местом, дома высотой преимущественно в три-четыре этажа становились тем выше, чем дальше они продвигались на юг, прочь от края кратера. Зеленые улицы были наводнены народом, случайный маленький трамвайчик бежал по узким путям, проложенным прямо в траве. Ощущалась общая атмосфера суеты и возбуждения, без сомнения, вызванная появлением нового лифта. Это был процветающий город.

Для начала Адриенна отвела их по бульвару к краю кальдеры. Она провела семерых новоприбывших через небольшой, изгибающийся парк к почти невидимому куполу, закрывающему город. Прозрачный материал держался на месте благодаря таким же прозрачным геодезическим распоркам, надежно закрепленным в доходящей до груди стене периметра.

– Купол тут должен быть прочнее обычного, – сказала им Адриенна, – поскольку на вершине горы Павлина атмосфера снаружи все еще крайне разрежена. Она всегда будет разреженнее, чем внизу, примерно в десять раз.

Они подошли к смотровой площадке у стены и, глянув под ноги, увидели сквозь прозрачный настил дно кальдеры, лежащее в пяти километрах ниже. Люди вскрикивали в приятном испуге, Арт же с трудом передвигался по прозрачному полу. Он начал осознавать ширину кальдеры: северный ее окоем был так же далек, как гора Тамалпаис и холмы Напы от аэропорта Сан-Хосе. Не то чтобы чрезмерное расстояние. Но вот глубина... глубина составляла свыше пяти километров или примерно *двадцать тысяч футов*.

– Приличная дыра! – усмехнулась Адриенна.

Стационарные телескопы и демонстрационные таблички с картами позволили им представить прежний вид Шеффилда, лежащего теперь на дне кальдеры. Арт ошибался

насчет ее нетронутой, первобытной природы – небольшая кучка у осыпавшегося утеса с какими-то блестящими точками оказалась руинами первоначального города.

С большим энтузиазмом Адриенна описала разрушение города в 2061 году. Упавший лифт, разумеется, уничтожил пригород к востоку от «гнезда» в первые же минуты. Но затем лифтовый кабель начал оборачиваться вокруг планеты, и второй сильный удар поразил южную часть города, обнаружив скрытый разлом в базальтовом ободе. Примерно треть города оказалась на опасной стороне этого разлома и упала с высоты в пять километров на дно кальдеры. Оставшиеся две трети были раздавлены. К счастью, жители в большинстве своем были эвакуированы в течение двадцати четырех часов, в промежутки между разрывом с Кларком и вторым ударом провода, так что людские потери стали минимальны, но Шеффилд был полностью разрушен.

Адриенна рассказала, что много лет с тех пор это место, как и многие другие города после волнений 61-го года, оставалось покинутым, словно потерпевший крушение корабль. Большинство городов так и осталось лежать в руинах, но поскольку местоположение Шеффилда оставалось идеальным для установки космического лифта, то когда «Субараси» начали внепланетное создание второго в конце 2080-х годов, очень быстро началось и наземное строительство. Детальное археологическое исследование не нашло других разломов в южной части обода, так что реконструкцию можно было вести на том же месте, что и раньше. Тяжелая техника расчистила обломки старого города, сбросив большую их часть за край и оставив только большую восточную секцию вокруг старого «гнезда» – своего рода монумент катастрофы, а также центральный объект туристического потока, который в последующие годы вплоть до восстановления лифта стал важной частью дохода в городской бюджет.

Данный законсервированный кусочек истории стал следующим пунктом в маршруте Адриенны. Они проехали на трамвае до ворот в восточной стене купола, а затем прошли через прозрачную трубу под меньший купол, укрывавший проклятые руины, бетонную грудку старого «гнезда» и нижнюю часть упавшего лифта. Они зашагали по огражденной тропинке, очищенной от обломков, с любопытством разглядывая фундамент и перекрученные трубы, – все это было похоже на последствия ковровых бомбардировок.

Наконец они остановились перед торцом троса, и Арт начал рассматривать его с профессиональным интересом. Огромный цилиндр из черных карбоновых нитей, казалось, почти не повредился при падении, хотя следовало признать, что он врезался в поверхность Марса с наименьшей силой. Один конец провода был вдавлен в большой цементный бункер «гнезда», как объяснила Адриенна, а потом его протащило на пару километров дальше, пока лифт катился вниз по восточному склону горы Павлина. Не слишком серьезное испытание для материала, созданного, чтобы противостоять колебаниям астероида, расположенного за ареосинхронной орбитой.

И вот он лежал, как будто ожидая, что его выпрямят и установят обратно на место: цилиндр с двухэтажное здание высотой, инкрустированный стальными рельсами, обручами и тому подобным. Купол закрывал лишь около сотни метров конструкции, далее ничем не укрытый провод тянулся на восток по скругленному плато кратера, пока не исчезал за внешним его краем, который ограничивал их горизонт – за ним они уже не видели поверхности Марса. Зато за пределами города они видели как никогда ясно, какой огромной была гора Павлина – даже обод вулкана был необычайно широк, этакий пончик плоской земли, наверное, километров тридцать шириной от обрывистого внутреннего края кратера к плавному спуску края внешнего. С того места, где они стояли, не было видно ни клочка марсианской поверхности, так что казалось, будто они находятся высоко над замкнутым в круг миром под бледно-лиловым небом.

Прямо к югу от них лежал титанический бетонный бункер другого «гнезда», кабель нового лифта одиноко поднимался из него, словно в каком-нибудь индийском фокусе с верев-

кой, тонкий, черный и прямой – четкая линия, прочерченная с небес и различимая лишь до высоты нескольких небоскребов. На фоне окружающих обломков и необъятной скалистой вершины вулкана он выглядел хрупким, как одна углеродная нанонить, а не связка из миллиардов таких нитей и самая прочная конструкция из когда-либо созданных.

– Как странно, – пробормотал Арт, чувствуя опустошенность и беспокойство.

После прогулки по руинам Адриенна привела их в кафе на центральной площади нового города, где они пообедали. Здесь все выглядело точно так же, как в центре любого фешенебельного района любого города: это мог быть Хьюстон, или Тбилиси, или Оттава, какой-нибудь из кварталов, где множество шумных строек обозначает цветущее процветание. Когда они возвращались в свои комнаты, метро показалось таким же привычным, а залы на этажах «Праксиса» ничем не отличались от вестибюлей хороших отелей. Все было настолько знакомо, что Арт снова испытал шок, войдя в комнату и увидев потрясающую панораму кальдеры – непреложное свидетельство Марса, огромное и каменное, словно затягивающее его сквозь окно. По факту, если бы оконное стекло вдруг разбилось от сильного взрыва, его бы мгновенно вышвырнуло в это пространство – событие маловероятное, но возникший образ заставил его почувствовать себя неуютно. Арт задернул шторы.

С тех пор он больше не трогал их и старался держаться подальше от окна. По утрам он одевался и быстро покидал комнату, направляясь на вводные лекции, которые вела Адриенна. К их группе присоединились еще около двадцати новичков. Арт пообедал с некоторыми из них, после чего проводил остаток дня, осматривая город и всерьез работая над своей походкой. Однажды ночью он послал Форту зашифрованный рапорт: «На Марсе, прохожу курс вводных лекций. Шеффилд – приятный город. В моей комнате есть окно». Ответа не было.

Как-то раз Адриенна привела их в одно из зданий «Праксиса», целый комплекс которых располагался как в самом Шеффилде, так и выше, на восточном краю, где они встретились с людьми из Транснационального Марсианского Подразделения. Представительство «Праксиса» на Марсе было гораздо больше такового в Америке. Во время своих полуденных прогулок Арт пытался оценить относительную силу транснационалов – просто по вывескам на зданиях. Там присутствовали все крупнейшие имена: «Армскор», «Субараси», «Ороко», «Мицубиси», «Севен Свидз», «Шеллалко», «Гентин» и так далее – каждая компания занимала комплекс зданий или даже целый квартал. Очевидно, все они были здесь из-за нового лифта, который снова сделал Шеффилд самым важным городом на планете. Они вливали в город деньги, строя свои подразделения под поверхностью Марса и возводя целые пригороды под куполами. В этом строительстве богатство транснациональных корпораций становилось очевидным, кроме того, подумалось Арту, оно проявлялось и в том, как передвигаются люди. Многие прохожие прыгали по улицам так же неуклюже, как и он: прилетевшие сюда бизнесмены, или горные инженеры, или кто-то вроде того, – все нахмуренные и сконцентрированные на процессе ходьбы. Не сложно было вычленив в толпе и высоких юных уроженцев Марса с их кошачьей грацией, но в Шеффилде они встречались редко, и Арт невольно задумывался, как обстоит дело на всем остальном Марсе.

Что касается архитектуры, пространство под куполом стоило баснословно дорого: возведенные здания были громоздкими, часто кубической формы, и занимали все отведенное под них место, вплотную подбираясь к улице, а то и к куполу. Строители планировали создать лишь сеть из десяти треугольных площадей и широких бульваров, а также разбить изгибающийся вдоль края кальдеры парк, вместо того чтобы превращать город в бесконечное скопище толстых небоскребов, облицованных полированным камнем всех оттенков красного. Это был город, построенный для бизнеса.

Арту казалось, что «Праксис» собирается отхватить неплохой кусок этого бизнеса. «Субараси» был главным конструктором лифта, а также нескольких лифтовых капсул и части системы безопасности. Все эти ассигнования, как выяснил Арт, были сделаны комиссией, носившей название Временное Правительство Организации Объединенных Наций, которая должна была быть частью ООН, но на самом деле контролировалась транснационалами. «Праксис» в составе этой комиссии вел себя так же агрессивно, как и все прочие. Уильям Форт, возможно, и был заинтересован в биоинфраструктуре, но и обычная инфраструктура лежала отнюдь не за пределами поля деятельности «Праксиса». Его подразделения строили системы водоснабжения, железные дороги, города в каньонах, ветрогенераторы и ареотермальные заводы. Последние два направления рассматривались как основные, поскольку орбитальные солнечные коллекторы и атомная станция на Земле Ксанфа выходили из строя слишком часто, не говоря уже о реакторах на быстрых нейтронах старого поколения. Но местные энергетические ресурсы оставались специализацией дочерней компании «Праксиса» – «Сила Земли», этим они и занимались, усердно работая в малонаселенных районах.

Местное подразделение «Праксиса» по утилизации, марсианский эквивалент «Дампайнз», называлось «Уроборос» и, как и «Сила Земли», было довольно маленьким. По правде говоря, люди из «Уробороса» сразу сообщили Арту, когда он встретился с ними однажды утром, что на Марсе отходов совсем не так уж много. Почти все проходило вторичную переработку и использовалось в создании сельскохозяйственных почв, так что свалка каждого поселения представляла собой, скорее, склад для разнообразных материалов, ожидающих особой переработки. Поэтому «Уроборос» делал деньги на том, что находил и собирал мусор и отходы, работать с которыми по тем или иным причинам было сложно: токсичные, брошенные или просто неудобные, – а потом искал способы их переработки.

Команда «Уробороса» в Шеффилде занимала целый этаж подземного небоскреба «Праксиса». Компания раскапывала старый город еще до того, как руины были бесцеремонно сброшены за край кальдеры. Человек по имени Зафир, возглавлявший проект по переработке упавшего троса, вместе с Адриенной сопровождал Арта на железнодорожную станцию, где они сели на местный поезд и совершили короткую поездку на восточный край обода, к линии пригородных куполов. Под одним из куполов располагались склады «Уробороса», и прямо перед ним, среди многих других машин, стоял воистину гигантский подвижной завод по переработке, названный «Чудовище». Рядом с ним «Супер-Рэтджис» выглядел как компактное авто. Это было скорее здание, а не машина, практически полностью роботизированное. Другое «Чудовище» уже работало, перерабатывая трос в западной части Фарсиды, – Арт планировал выдвинуться туда, чтобы проинспектировать его на месте. Так что Зафир и пара техников показали ему экспериментальную машину внутри и снаружи, закончив обзор в просторном отсеке на вершине, где были предусмотрены жилые комнаты для возможных посетителей.

Зафир с энтузиазмом рассказывал о находках на западе плато Фарсиды.

– Конечно, основной доход мы получаем за восстановление углеродных нитей и алмазного геля геликоидальных трубок, – говорил он. – Также мы неплохо справляемся с брекчиевидными уникальными преобразованиями в том полушарии, где завершилось падение. Но вас наверняка заинтересуют фуллерены. – Зафир был экспертом в крошечных углеродных геодезических сферах, называющихся бакминстерфуллеренами, и с энтузиазмом пел им дифирамбы. – Температура и давление в зоне падения в западной Фарсиде оказались схожи с теми, что используют при производстве фуллеренов методом холодного синтеза. Теперь на стокилометровом отрезке углерод в нижней части кабеля состоит почти полностью из фуллеренов. Преимущественно шестидесятиатомных, но есть и тридцатиатомные, и несколько разновидностей супермолекулярных.

Некоторые из супермолекулярных комплексов образовались, когда атомы других элементов были заперты в углеродных структурах. И эти «заполненные фуллерены» могли бы пригодиться при производстве композитных материалов, но изготавливать в лабораториях их чрезмерно дорого, поскольку для этого требовалось много энергии. Так что это была хорошая находка.

– Ваша ионная хроматография понадобится, чтобы рассортировать весь набор супермолекулярных комплексов, – добавил Зафир.

– Ясно, – сказал Арт.

Он занимался ионной хроматографией, когда делал анализы в Грузии, – более удобного предложения, чтобы послать его в малонаселенные районы Марса, и быть не могло. Так что следующие несколько дней Зафир и другие техники учили Арта обращаться с «Чудовищем», а после этих занятий они вместе ужинали в маленьком ресторане под пригородным куполом на восточном краю кальдеры. И каждый раз после заката они любовались великолепными видами на Шеффилд – тридцатикилометровую дугу, сияющую в сумерках, словно лампа, приколоченная к черной бездне.

Пока они ели и пили, разговор редко касался дел, связанных с проектом Арта, и, думая об этом, он решил, что его коллеги проявляют осознанную вежливость. «Чудовище» было полностью самоуправляемым, и хотя в процессе сортировки найденных «заполненных фуллеренов» оставалось еще много требующих решения проблем, на Марсе должны были быть операторы ионного хроматографа, которые могли бы справиться с работой. Не было никаких очевидных причин посылать на это дело Арта, значит, в его прибытии крылось нечто большее. Впрочем, группа избегала говорить об этом, избавляя Арта от необходимости лгать, растерянно пожимать плечами, или открыто заявлять о секретности миссии.

Любая из этих уловок заставила бы Арта чувствовать себя неловко, так что он с благодарностью принимал их тактичность. Тем не менее, разговоры всегда велись на некоторой дистанции. Вне вводных лекций он редко видел других новоприбывших из «Праксиса», а больше никого в городе или где-либо еще на планете он не знал. Поэтому ему было одиноко, дни проходили в растущем ощущении беспокойства и даже подавленности. Он так и не распахивал шторы на окне и ел в ресторанах, расположенных подальше от края. Все начало его слегка утомлять, словно во время путешествия на «Ганеше», которое, как он понял, было жалким времяпрепровождением. Иногда ему приходилось бороться с неотступной мыслью, что прилетать сюда было ошибкой.

После последней вводной лекции, на приеме в главном здании «Праксиса», он выпил больше, чем ему было свойственно, и сделал несколько вдохов из высокой канистры с закистью азота. Вдыхание расслабляющих веществ было у местных в обычае, довольно распространенном. Как ему объяснили, у рабочих марсианских предприятий и в некоторых общественных мужских туалетах можно было купить небольшие баллончики с разным газом. Определенно, закисть азота добавила еще немного опьянения к бокалу шампанского. Это было хорошее сочетание, словно арахис к пиву или мороженое к шарлотке.

Затем, хаотично прыгая, он вышел на улицы Шеффилда и ощутил, как азотистое шампанское оказывает на него своего рода антигравитационный эффект, который наравне с марсианской силой тяжести заставлял его чувствовать необыкновенную легкость. По факту, на Марсе он весил порядка сорока килограммов, но, прогуливаясь, ощущал в себе не больше пяти. Очень странное, даже неприятное ощущение. Словно ходьба по скользкому льду.

Он едва не натолкнулся на высокого молодого человека: черноволосый юнец, стройный, как птица, и такой же изящный, быстро увернулся, а затем уравновесил его, положив ладонь на плечо, все – одним мягким непрерывным движением.

Парень посмотрел ему в глаза.

– Вы Артур Рэндольф?

– Да, – ответил удивленный Арт. – Это я. А вы кто?

– Я тот, кто контактировал с Уильямом Фортом, – ответил парень.

Арт пошатнулся, с трудом устояв на ногах. Молодой человек придерживал его в вертикальном положении с мягким нажимом, его ладонь на плече Арта была очень горячей. Он смотрел прямо и просто, по-дружески. Ему лет двадцать пять, рассудил Арт, может быть, меньше – привлекательный парень с темной кожей, четко очерченными скулами, большими черными бровями и широко посаженными глазами, в которых было что-то азиатское. И умный взгляд, полный любопытства и какой-то трудно определимой притягательности.

Арт сразу же поверил ему, хотя не видел для этого причин. Это было просто чувство.

– Зови меня Арт, – сказал он.

– А я Ниргал, – ответил парень. – Давайте пройдем в Обзорный парк.

Арт последовал за ним вниз по заросшему травой бульвару к парку у края обода. Они пошли по дорожке возле городской стены. Ниргал выручал Арта на пьяных поворотах, просто стискивая его плечо и разворачивая в нужную сторону. В его хватке чувствовалось покалывание, как от электрических разрядов, а ладонь была такой горячей, будто у парня был жар, хотя его темные глаза оставались ясными.

– Зачем вы здесь? – спросил Ниргал, его голос и прямой взгляд придали вопросу дополнительную глубину. Арт ненадолго задумался.

– Помочь, – ответил он.

– Так вы присоединитесь к нам?

И снова что-то в сказанном несло дополнительный смысл, сделав вопрос основополагающим.

Арт ответил:

– Да. В любой момент, когда пожелаете.

На лице Ниргала мелькнула довольная усмешка, которую он не сразу смог подавить.

– Очень хорошо. Послушайте, я все сделаю по-своему. Ясно? Есть люди, которым это не понравится. Я хочу, чтобы вы проскользнули в нашу среду будто случайно. Вас это устраивает?

– Да, вполне, – Арт смущенно покачал головой. – В любом случае, я именно так все и планировал.

Ниргал остановился у смотровой площадки и пожал Арту руку. Его взгляд, такой открытый и решительный, создавал контакт иного рода.

– Хорошо. Спасибо. Тогда продолжайте заниматься своими делами. Отправляйтесь на свой проект переработки, и там вас подберут. Потом мы с вами еще встретимся.

И он ушел, направившись через парк к остановке трамвая длинными изящными скачками, которые, видимо, были свойственны всей местной молодежи. Арт уставился ему вслед, пытаясь воскресить все детали встречи и осознать, что же сделало ее такой насыщенной. Пожалуй, дело в выражении его лица: вместо той неосознанной напряженности, которую он видел порой на лицах молодых людей, в нем была какая-то насмешливая сила. Арт вспомнил неожиданную ухмылку, промелькнувшую, когда он пообещал, что присоединится к ним, и сам ухмыльнулся.

Вернувшись в свою комнату, он прошел прямо к окну и распахнул шторы. Затем сел за стол, включил свой планшет и ввел в строку поиска «Ниргал». Человека с таким именем не существовало. Зато был городок Ниргал, расположенный между равниной Аргир и долиной Маринер. «Один из лучших на планете образцов прорезанных водой каналов», – гласила длинная и запутанная надпись. Само это имя было вавилонским названием Марса.

Арт снова подошел к окну и, вжавшись носом в стекло, уставился прямо в жерло вулкана, разглядывая каменное сердце этого монстра. Горизонтальные полосы изогнутой стены, широкая круглая равнина далеко внизу, острый край, где она врезается в отвесные скалы, –

бесконечные оттенки бордового, ржавого, черного, коричневого, оранжевого, желтого, красного – неизменно красного, всех его вариаций... Он впервые впитал в себя все это без содрогания. Пока он смотрел в эту огромную скважину к сердцу планеты, к нему пришло новое чувство, заменившее страх, он вздрогнул и запрыгал на месте в безумном танце. Он может выдержать этот вид. Он может выдержать гравитацию. Он встретил марсианина, члена подполья, юнца со странным обаянием, и, вероятно, увидит его снова, увидит их всех... Он на *Марсе*.

Несколько дней спустя его вездеход продвигался по западному склону горы Павлина. Узкая дорога тянулась вдоль полосы крошащегося вулканического щебня с подобием зубчатой железной дороги, бегущей вниз. Он выслал последнее закодированное сообщение Форту о том, что отправляется в путь, и впервые за все путешествие получил ответ: «Доброго пути».

Первый час поездки, как ему говорили, обещал подарить самые зрелищные виды: за перевалом через западный край кальдеры открывался внешний склон огромного вулкана. Это случилось километрах в шестидесяти к западу от Шеффилда. Добравшись до юго-западного края широкого плато, Арт уставился вниз. Горизонт вдруг очутился очень далеко под ним, а еще дальше – чуть выгнутая, подернутая дымкой белая полоса, словно Земля, какой она видится из иллюминатора космического корабля, что имело смысл, поскольку гора Павлина возвышалась над равниной Амазония примерно на восемьдесят пять тысяч футов. Это действительно был потрясающий вид, самое веское из всех возможных напоминаний о колоссальных размерах вулканов Фарсиды! Кроме того, отсюда открывалась прекрасная панорама горы Арсия, самого южного из трех выстроившихся в одну линию вулканов на Фарсиде, нависающего слева над горизонтом, словно соседний мир. А вон то черное облако за дальним горизонтом на северо-западе вполне могло быть горой Олимп!

Словом, хотя в первый день Арт все время катился вниз, дух его витал высоко.

– Тото, мы больше не в Канзасе! Найдем волшебника на Марсе!

Дорога тянулась параллельно линии, прочерченной упавшим тросом. Западную часть Фарсиды он поразил с огромной силой – не с такой, конечно, как во время последнего оборота, но достаточной, чтобы создать интересные для исследования супермолекулярные комплексы. «Чудовище», к которому направлялся Арт, уже собрало кабель на этом участке, не оставив ничего, кроме старомодных рельсов с зубчатой рейкой посередине. «Чудовище» прокладывало путь, создавая его из углерода, извлеченного из троса, а потом с помощью других его частей и магния, взятого прямо из почвы, делало маленькие автономные вагонетки, передвигавшиеся по зубчатому рельсу и доставлявшие переработанный груз обратно, вверх по склону горы Павлина, в отделения «Уробороса» в Шеффилде. «Какая аккуратная», – подумал Арт, глядя, как маленькая автоматизированная вагонетка проехала мимо в противоположном направлении. Черная и приземистая, вагонетка приводилась в движение простым мотором, ее груз в основном составляли углеродные нанонити, покрытые сверху большим алмазным блоком. Арт слышал о таком в Шеффилде и, увидев теперь, не удивился. Алмаз извлекали из двойных спиралей, усиливавших провод, и на самом деле эти блоки были гораздо дешевле, чем углеродная нанонить, сложенная под ними, – в общем-то, они служили чем-то вроде забавной крышки, но выглядели при этом весьма впечатляюще.

На второй день поездки Арт разменял огромный конус горы Павлина на типичную холмистую местность Фарсиды. Земля здесь была щедрее усыпана камнями и метеоритными кратерами, чем на склоне вулкана, и в придачу укрыта наносами снега и песка, смешанных, казалось, поровну. Это был обледенелый склон западной Фарсиды, область, куда часто приходящие шторма сбрасывали массы никогда не таявшего снега, который лишь скапливался годами, утрамбовываясь все плотнее. До сих пор нагорье состояло из измельченного снега,

называемого фирном, но через несколько лет нижние слои снега под давлением должны были превратиться в лед и стать склонами ледников.

Но пока еще склоны были обозначены валунами, выглядывающими из снега, и кольцами кратеров, в большинстве своем – меньше километра в диаметре, так что, если бы не укрывший их снег, можно было бы подумать, что удар произошел лишь накануне.

Арт уже за несколько километров заметил «Чудовище», перерабатывающее трос. Сначала над западным горизонтом замаячила его верхушка, а в течение следующего часа показалось и туловище. На огромном пустом склоне он выглядел гораздо меньше своего близнеца в Шеффилде, но когда Арт подъехал к нему вплотную, стало ясно, что размерами он не уступит городскому кварталу. С нижней его стороны имелась даже квадратная дыра, которая выглядела как обычный въезд на парковку. Арт повел свой вездеход прямо в эту дыру – «Чудовище» передвигалось со скоростью три километра в день, так что особого труда это не представляло. Очутившись внутри, он проехал по извилистому пандусу, а потом через короткий туннель – в шлюз. Затем Арт связался по радиации с искином «Чудовища», и двери за его вездеходом закрылись, а уже через минуту он поднимался на лифте на обзорную палубу.

Скоро выяснилось, что жизнь внутри «Чудовища» не предполагает обилия развлечений. Переговорив с офисом в Шеффилде, Арт спустился в лабораторию и взглянул на ионный хроматограф, а потом вернулся обратно в вездеход, чтобы немного осмотреться. Зафир заверил его, что при работе с «Чудовищем» все всегда обстояло именно так: вездеходы крутились поблизости, словно рыбы-лоцманы вокруг большого кита, и хотя с обзорной палубы открывался чудесный вид, большинство людей проводили почти весь день, разъезжая по округе.

Так Арт и поступил. Отрезок троса перед «Чудовищем» ясно давал понять, что здесь он ударил намного сильнее, чем позади, где его падение только начиналось. Он был погребен, наверное, на треть своего диаметра, цилиндр сплющило, а по краям бежали длинные трещины, обнажавшие внутреннюю структуру – множество скрученных углеродных нанонитей. Это был самый прочный из известных науке материалов, хотя, пожалуй, материал, из которого был сплетен трос нового лифта, был еще прочней.

«Чудовище», превосходя трос высотой раза в четыре, оседлало обломки: обуглившийся черный полуцилиндр исчезал в дыре в торце машины, откуда доносились ворчание и низкая, почти инфразвуковая вибрация. Ежедневно в одно и то же время, около двух часов дня, в задней части «Чудовища» открывалась дверь над непрерывно выползающими рельсами, и одна из покрытых алмазом вагонеток, сверкая в солнечном свете, выкатывалась и скользила прочь, к горе Павлина. Эти вагонетки скрывались за высоким восточным горизонтом примерно через десять минут после того, как были исторгнуты своим создателем.

Полуболевшись ежедневным отправлением, Арт направлял свою вездеходную рыбу-лоцмана на исследование кратеров и больших, отдельно стоящих булыжников, а в действительности – на поиски Ниргала или на его ожидание. После нескольких таких дней у него появилась привычка надевать скафандр и в полдень на несколько часов выходить наружу. Он прогуливался рядом с кабелем или рыбой-лоцманом, порой выбираясь дальше в окрестности.

Ландшафт казался странным не только из-за миллионов равномерно разбросанных черных камней, но и благодаря жесткому покрывалу из снега, слепленного в фантастические формы ветром-пескоструйщиком: кряжи, стволы, дупла, каплевидные хвосты за каждым голым камнем и так далее – заструга, так назывались эти образования. Было забавно бродить среди этих экстравагантных аэродинамических статуй из красноватого снега.

Так проходил день за днем. «Чудовище» медленно переползало на запад. Арт обнаружил, что продуваемые всеми ветрами голые вершины скал часто были окрашены крохот-

ными снежинками, оказавшимися чешуйками быстрорастущего лишайника, который действительно рос очень быстро, по крайней мере, для лишайника. Арт подобрал пару камней в качестве образцов и отнес их в «Чудовище», где с интересом прочитал про лишайники. Очевидно, это были искусственно созданные криптоэндолиты, обычно обитающие в скалах, на этой широте они жили как раз на грани приемлемых для них условий. В статье утверждалось, что свыше девяноста восьми процентов их энергии уходит просто на поддержание жизни и менее двух тратится на воспроизводство. По сравнению с земными видами, на основе которых их создали, это был значительный прогресс.

Прошла еще пара дней, затем недель, но что он мог сделать? Арт продолжал собирать лишайники. Один из найденных им криптоэндолитов, как утверждал планшет, принадлежал к первому виду, выжившему на поверхности Марса и сконструированному еще членами первой сотни. Арт разбил на части несколько камней, чтобы рассмотреть их получше, и нашел колонии лишайников, растущих на сантиметровом внешнем слое камня: прямо на поверхности желтая полоска, под ней голубая, потом зеленая. После этого открытия он часто оставался во время прогулок, чтобы опуститься на колени и прислонить лицевую панель к цветным камням, выглядывающим из слоя снега, удивляясь жестким чешуйкам и их насыщенным пастельным цветам: желтым, оливковым, цвета хаки, цвета листвы, черным, серым.

Однажды днем он повел рыбу-лоцмана далеко на север от «Чудовища» и выбрался наружу, чтобы побродить по окрестностям, собирая образцы. Когда он вернулся, то обнаружил, что дверь шлюза на боку вездехода не открывается.

– Что еще такое? – воскликнул он.

Прошло столько времени, и он уже забыл, что может случиться нечто непредвиденное. Очевидно, случайность приняла форму некой электронной неисправности. Если, конечно, это была именно случайность, а не... что-то другое. Он послал вызов по интеркому, испробовал все известные ему коды на панели у двери шлюза, но ничто не возымело эффект. И поскольку он не мог попасть в вездеход, то не мог активировать аварийные системы. Интерком в его шлеме имел весьма ограниченный радиус действия: фактически, в пределах поля зрения, что здесь, под горой Павлина, съеживалось до нескольких километров во всех направлениях. «Чудовище» находилось далеко за горизонтом, и хотя он мог бы пойти в ту сторону, на пути будет отрезок, когда вне горизонта окажутся сразу и «Чудовище», и рыба-лоцман, и он останется один в скафандре с ограниченным запасом кислорода...

Внезапно пейзаж с затвердевшими снежными гребнями приобрел чуждый, зловещий вид, мрачный даже в ярком свете солнца.

– Ну, ну, – пробормотал Арт, усиленно думая. В конце концов, он тут для того, чтобы его подобрала люди из подполья. Ниргал говорил, что это будет выглядеть как случайность. Конечно, не обязательно именно эта случайность, но, как бы там ни было, паника тут не поможет. Лучше всего принять рабочую гипотезу, что проблема реальна, и отталкиваться от этого. Он может пойти пешком к «Чудовищу» или попробовать забраться внутрь вездехода.

Арт обдумывал ситуацию, барабанил по панели рядом с дверью шлюза, словно чемпион по скоростному набору, когда его хлопнули по плечу.

– Эй!.. – вскрикнул он, резко обернувшись.

Их было двое, в скафандрах и старых, поцарапанных шлемах. Женщина с ястребиным лицом, смотревшая так, будто вот-вот клюнет, и худощавый негр с серыми дредами, сбившимися к одному краю шлема, словно веревочная фоторамка из приморского ресторана.

Именно этот человек похлопал Арта по плечу. Потом он поднял три пальца и указал на консоль на своем запястье. Без сомнения, частота интеркома, которую они использовали. Арт переключился.

– Эй! – вновь прокричал он, почувствовав большее облегчение, чем следовало бы, учитывая, что все это, вероятно, было подстроено Ниргалом, и на самом деле он был вне опасности. – Я не могу попасть в свою машину. Не подбросите меня?

Они уставились на него.

Смех мужчины прозвучал жутко.

– Добро пожаловать на Марс, – сказал он.

Часть третья

Дальний пробег

Энн Клейборн ехала вниз по отрогу Женева, останавливаясь через каждые несколько поворотов серпантина, чтобы выйти и взять образцы дорожной выемки. Трансмаринерское шоссе, заброшенное после 2061 года, исчезло под грязной рекой льда и камней, покрывающих дно каньона Копрат. Дорога стала археологической реликвией, тупиком.

Но Энн изучала отрог Женева. Он представлял собой отдаленный язык гораздо более длинной лавовой дайки¹⁹, большая часть которой была погребена под плато на юге. Эта дайка была одной из нескольких: близлежащая гряда Мелас, гряда Фелис на востоке, гряда Солис на западе, все они шли перпендикулярно каньонам долины Маринер, и все были неясного происхождения. Когда южная стена каньона Мелас осела под воздействием трещин и эрозии, обнажился твердый камень одной дайки – это и был отрог Женева. Позднее он обеспечил швейцарцам идеальный уклон, чтобы проложить дорогу к стене каньона, а теперь обеспечил Энн прекрасными образцами обнаженной дайки. Возможно, эта и все остальные дайки были сформированы из концентрической сетки трещин, образовавшейся при подъеме Фарсиды. Но они могли быть и гораздо старше – остатки модели долин и хребтов древнейшей эпохи, когда планета еще расширялась под воздействием внутреннего жара. Определение возраста базальта в основании дайки, так или иначе, помогло бы ответить на этот вопрос.

Энн медленно вела свой марсоход вниз по покрытой льдом дороге. Передвижение марсохода можно было заметить из космоса, но ее это не волновало. В прошлом году она исколесила южное полушарие, не предпринимая особых предосторожностей, кроме разве что тех случаев, когда приближалась к одному из скрытых убежищ Койота для того, чтобы пополнить припасы. И ничего не происходило.

Доехав до подножия отрога, она остановилась неподалеку от реки льда и камня, заполнившей дно каньона. Затем она выбралась из машины и геологическим молотком отколола образец с нижнего края последней выемки. Думая лишь о базальте, она повернулась спиной к огромному леднику. Прямо перед ней к солнцу поднималась дайка – идеальный пандус, ведущий на вершину скалы: около трех километров над Энн и еще пятьдесят южнее. По обеим сторонам отрога громадный южный обрыв каньона Мелас скручивался в гигантский бассейн, а потом вновь поднимался меньшими выступами: небольшой точкой на горизонте слева и массивным утесом в шестидесяти километрах справа, Энн назвала его мыс Солис.

Энн давным-давно предсказывала, что за любым повышением влажности в атмосфере последует стремительный рост эрозии, и теперь по обеим сторонам отрога она видела свидетельства своей правоты. Впадина между отрогом Женева и мысом Солис всегда была глубокой, но несколько недавних оползней указывали, как быстро она стала расти. Тем не менее, даже самые новые сколы, равно как и остальные наслоения утеса, были покрыты льдом. Словно каньоны Брайс и Сион после снегопада: слои красного, чередующиеся с белым.

В паре километров к западу от отрога Женева, параллельно ему, по дну каньона тянулся низкий черный кряж. Заинтересованная Энн пошла туда. При ближайшем рассмотрении низкий кряж оказался высотой всего по грудь и действительно состоял из того же базальта, что и отрог. Она вынула свой молоток и ударила, чтобы взять образец.

---

¹⁹ Дайка – трещина, заполненная магматическим расплавом.

Краем глаза она заметила движение и мигом вскочила на ноги. Мыс Солис потерял свой нос, у его подножия вздымалось красное облако.

Оползень! Энн запустила таймер на запястье, молниеносно опустила прибор ночного видения на забрало гермошлема и выкрутила фокус, пока мыс не стал четко различим. Новый черный слой, обнажившийся после разлома, шел почти вертикально. Возможно, это охлаждающий канал дайки, если, конечно, там проходит дайка. Камень выглядел как базальт. И, похоже, разлом тянулся по всей длине утеса – целых четыре километра.

Обрыв исчез в поднимающемся облаке пыли, расширившемся грибовидно, будто там взорвали атомную бомбу. За четко различимым «бум» последовал не то слабый рев, не то отдаленный гром. Энн снова бросила взгляд на запястье: немногим меньше четырех минут. Скорость звука на Марсе составляла 252 метра в секунду, так что дистанция в шестьдесят километров подтвердилась. Она наблюдала оползень практически с первой секунды.

Чуть дальше точно так же обрушилась еще часть скалы, без сомнения, потревоженная ударной волной. Но по сравнению с первым оползнем, насчитывавшим миллионы кубических метров камня, это выглядело маленьким камнепадом. На самом деле ей невероятно повезло увидеть один из больших оползней – большинство ареологов и геологов вынуждены были довольствоваться взрывами или компьютерными симуляциями. Провели бы они пару недель в долине Маринер, и их проблемы были бы решены.

Вот у края ледника появилась, скользя по земле, низкая темная масса с перекатывающимся над ней облаком пыли – как в покадровой съемке приближающегося грозового фронта со звуковыми и прочими эффектами. Оползень проделал очень длинный путь от самого края мыса. Энн вдруг с изумлением поняла, что стала свидетельницей странного феномена – дальнепробежного оползня, одной из нерешенных геологических загадок. Подавляющее большинство оползней, двигаясь горизонтально, проходили расстояние в два раза меньше своего размера, но некоторые гиганты словно бросали вызов закону трения, преодолевая расстояния, в десять, а иногда даже в двадцать и тридцать раз превышающие их вертикальный срез. Их называли дальнепробежными оползнями, и никто не знал, почему так происходит. Оползень с мыса Солис составлял четыре километра и должен был пройти не больше восьми. Но он был уже почти у основания Меласа и двигался вниз по каньону прямо к Энн. Если он пройдет еще пятнадцать своих размеров, то проедет прямо по ней и врежется в отрог Женева.

Она сфокусировала прибор ночного видения, чтобы четче видеть передний край оползня, который казался просто темной мешаниной под опадающим пыльным облаком. Поднимая руки к шлему, она ощутила, как они трясутся, но больше не почувствовала ничего. Ни страха, ни сожалений – ничего, кроме облегчения. Все, наконец, кончится, и это будет не ее вина. Никто не сможет ее обвинить. Она всегда говорила, что ее убьет терраформирование. Энн коротко рассмеялась, а потом прищурилась, пристально вглядываясь в край оползня. Согласно последней общепринятой гипотезе, объясняющей подобного рода оползни, камень съезжал вниз на заключенной под ним воздушной подушке, но после того, как долгое скольжение было зафиксировано на Луне и Марсе, эту теорию поставили под сомнение, и Энн соглашалась с теми, кто утверждал, что пойманный оползнем воздух очень быстро уйдет вверх. Тем не менее, вряд ли тут обходилось без какого-то скользящего материала, и другие гипотезы предлагали слои расплавленного камня, раскалившегося от трения оползня, акустические волны, вызванные его шумом, или просто крайне энергичное движение частиц на его дне. Но ни одна из них не была полностью доказана. Сейчас Энн была близка как никогда к разгадке этого феномена.

Укрытая пыльным облаком, приближающаяся масса не подтверждала ни одну из гипотез. Она определенно не светилась как расплавленная лава, и хотя издавала много шума, невозможно было понять, был ли этот шум достаточным, чтобы заставить опол-

зень двигаться на собственных звуковых волнах. Как бы там ни было, он приближался, и неважно каким образом. Вероятно, у нее появился шанс лично исследовать проблему, правда, ее последний вклад в геологию будет утрачен в момент открытия.

Она взглянула на запястье, удивившись тому, что прошло уже двадцать минут. Все знали, что оползни движутся быстро: скорость оползня Блэкхоук в Мохаве достигала 120 километров в час, хотя он съезжал по склону с очень небольшим уклоном. Впрочем, гряда Мелас имела еще меньший уклон, и передний край оползня приближался очень быстро. Шум становился все сильнее, будто прямо над головой разразилась гроза. Облако пыли уже скрывало полуденное солнце.

Энн повернулась и взглянула на ледник долины Маринер. Несколько раз во время прорыва водоносного слоя, заполнявшего великий каньон, она едва не погибла там. Фрэнк Чалмерс был убит таким прорывом и погребен где-то во льдах далеко отсюда. Его смерть стала следствием ее ошибки, и чувство вины никогда ее не покидало. Ее минутная невнимательность обернулась катастрофой, такой ошибкой, которую уже не исправить.

А потом умер Саймон, погребенный под лавиной своих белых кровавых тельце. Теперь настала ее очередь. Облегчение было таким острым, что причиняло боль.

Она посмотрела на сход оползня. Камни, различимые у его основания, казалось, прыгали, а не катились друг через друга, словно разбившаяся волна. Очевидно, они действительно двигались по какой-то скользкой поверхности. Геологи находили практически нетронутые участки на вершине оползней, которые проходили много километров, так что это было лишь подтверждением уже известных фактов. Но смотрелось все это действительно необычно, даже сюрреалистически: низкий земляной вал,двигающийся по поверхности не перекачиваясь, словно по мановению волшебной палочки. Земля под ногами завибрировала, и Энн вдруг поняла, что руки ее сжаты в кулаки. Она подумала о Саймоне, который сражался со смертью даже в свои последние часы, и шумно выдохнула. Казалось неправильным стоять тут, так радостно приветствуя конец. Она знала, что он бы это не одобрил. Словно отдавая дань его памяти, она отошла за лавовую дайку и опустилась на колени. Шероховатое зерно базальта оставалось тусклым в коричневом свете. Энн почувствовала сильную вибрацию и посмотрела наверх, в небо. Она сделала все, что могла, никто не ставит ее в вину. Да и в любом случае рассуждать так – глупо: никто никогда не узнает, что она тут делала, даже Саймон. Он умер. А Саймон внутри нее никогда не перестанет ее изводить, что бы она ни делала. Так что пришло время отдохнуть и быть благодарной. Облако пыли перекаатилось через низкую дайку, ударил резкий порыв ветра...

Бум! Ее опрокинуло навзничь ударной волной, подхватило и потянуло по дну каньона, бросило, закидало камнями. Она поднялась на четвереньки в темном облаке, вокруг клубилась пыль, грохотали камни, заполняющие все вокруг, а земля тряслась, словно дикий зверь...

Вдруг все стихло. Она по-прежнему стояла на четвереньках, чувствуя сквозь перчатки и наколенники холодный камень. Порывы ветра медленно разгоняли пыль. Энн и сама была покрыта пылью и маленькими осколками камня.

Дрожь всем телом, она встала. Ладони и колени болели, а одна коленная чашечка занемела от холода. Кисть левой руки была растянута. Она шагнула к дайке, заглянула за край. Оползень остановился примерно в тридцати метрах от нее. Земля в этом промежутке была заполнена обломками камней, но сам оползень представлял собой черную стену измельченного базальта высотой в двадцать – двадцать пять метров, опрокинутую назад под углом примерно в сорок пять градусов. Если бы Энн осталась стоять на дайке, ее бы смело ветром насмерть.

– Будь ты проклят, – сказала она Саймону.

Северная граница оползня врезалась в ледник Меласа, растопив лед и смешавшись с ним в кипящем желобе камней и грязи. Пыль мешала рассмотреть детали. Энн перешла

через дайку и направилась к основанию оползня. Камни внизу все еще были горячими. Казалось, они повреждены не больше, чем камни наверху. Энн глядела на новую черную стену, в ушах у нее звенело. «Так нечестно», – подумала она.

«Нечестно».

Она пошла назад, к отрогу Женева, чувствуя слабость и оцепенение. Ее машина все так же стояла в тупиковом ответвлении дороги, запыленная, но, очевидно, целая. Очень долго Энн не могла прикоснуться к ней. Она смотрела назад, на длинную дымящуюся массу оползня – черный ледник рядом с белым. Наконец, она открыла шлюз и нырнула внутрь. У нее не было выбора.

Энн каждый день понемногу продвигалась вперед, потом выходила из машины и шагала по поверхности планеты, упорно, как робот. Она просто выполняла свою работу.

По обе стороны возвышенности Фарсиды располагались впадины. С восточной стороны лежала равнина Амазония, низкая долина, глубоко вдающаяся в южные взгорья. На востоке – озеро Хриса, впадина, бежавшая от равнины Аргир через Жемчужный залив и равнину Хриса, самая глубокая точка. Озеро было примерно на два километра ниже окружающих земель и всей хаотической поверхности Марса, там располагались самые древние трещины.

Энн вела машину на восток вдоль южного окоема долины Маринер, пока не очутилась между долиной Ниргал и хаосом Золотой Рог. Она остановилась пополнить запасы в убежище под названием Дольмен Тор, куда Мишель и Касэй отвезли их во время побега в 2061 году. Вид маленького убежища не встревожил ее, она едва его помнила. Все ее воспоминания постепенно стирались, и Энн это устраивало. На самом деле она осознанно работала над этим, концентрируясь на настоящем так сильно, что даже оно ускользало от нее. Каждый момент становился вспышкой света в тумане, словно образы, проявляющиеся в ее голове.

Конечно, озеро появилось раньше хаоса и раньше трещин, которые, без сомнения, и возникли именно благодаря водоему. Возвышенность Фарсиды служила бесконечным источником дегазации горячего центра планеты: все радиальные и концентрические изломы вокруг источали горячие испарения. Вода в рыхлом реголите бежала вниз, во впадины по обе стороны возвышенности. Возможно, сами эти впадины были прямым следствием образования возвышенности: вещество литосферы прогнулось по краям, когда его изнутри толкало вверх. А может быть, под впадинами истончилась мантия, тогда как под возвышенностью она пошла складками. Стандартные модели теплообмена подтверждали эту теорию: в конце концов, подъем шлейфа должен был где-то закончиться спуском, его края обязаны были загнуться и прижать расположенную ниже литосферу.

Вода же в рыхлом реголите как обычно бежала вниз, наполняя впадины, пока водоносные слои не прорвало и поверхность над ними не треснула. Так образовались каналы и хаос. Эта рабочая модель была сильной и правдоподобной, объясняющей многие особенности.

День за днем Энн ехала, искала подтверждения, объясняющие теплообмен в мантии, образовавший озеро Хриса, бродила по поверхности планеты, проверяя старые сейсмографы и собирая образцы. Стало сложно продвигаться дальше на север: поднятие пласта в 2061 году практически заблокировало путь, оставив лишь узкий участок между восточным концом большого ледника Маринера и западной частью меньшего ледника, заполнившего долину Арес. Этот участок был единственной возможностью пересечь экватор не по льду восточнее Лабиринта Ночи, который лежал в шести тысячах километрах отсюда. Поэтому здесь сделали дорогу и лыжную трассу, а также установили довольно большой купол на краю кратера Галилей. К югу от Галилея самая узкая часть участка составляла всего четыре километра в ширину: годная для передвижения равнина, лежащая между восточным рукавом хаоса Гидасп и западной частью хаоса Арам. Было сложно двигаться через эту зону,

не упуская из виду дорогу, так что Энн осторожно вела машину по краю хаоса Арам, глядя вниз, на беспорядочный пейзаж.

К северу от Галилея стало проще, а потом она выехала за пределы участка, на равнину Хриса. Это был центр впадины с гравитационным потенциалом -0.65 : самое легкое место на планете, легче даже Эллады и равнины Исиды.

Как-то раз она въехала на вершину одиноко стоящего холма и увидела в центре Хриса ледяное море. Длинный ледник бежал от долины Симуд и вливался в низшую точку Хриса, покрывая землю вплоть до горизонта на севере, северо-востоке и северо-западе. Она медленно повела машину, огибая западное, а потом северное побережья. Ледяное море насчитывало порядка двухсот километров в диаметре.

Однажды ближе к вечеру она остановилась на почти стершемся краю кратера и посмотрела на обширное пространство колотого льда. В 2061 году произошло активное обнажение пород. В те дни у повстанцев было много интересной археологической работы: искать водоносные слои и направлять взрывы или расплавления в реакторах туда, где гидростатическое давление было наивысшим. И похоже, они использовали множество ее открытий.

Все это было в прошлом. Здесь и сейчас есть лишь ледяное море. Старые сейсмографы, которые подобрала Энн, имели записи недавних подземных толчков на севере, где проявлялась небольшая сейсмическая активность. Возможно, таяние северной полярной шапки провоцировало движение сжатой литосферы вверх, запуская целую серию марсотрясений. Волнения, записанные сейсмографами, были короткими и прерывистыми, больше похожими на взрывы, чем на настоящие марсотрясения. Энн еще много вечеров подряд заинтригованно изучала экран бортового компьютера.

День за днем она ехала и бродила по поверхности. Она миновала ледяное море и поехала дальше на север, к Ацидалийской равнине.

Великие равнины северного полушария обычно описывались как плоские, и по сравнению с хаосами или северными взгорьями они такими и были. Но они не были плоскими как футбольное поле или поверхность стола – совсем нет. Повсюду на волнистом пространстве виднелись торосы и низины, хребты разрушающейся породы, складки оползшего мягкого грунта, огромные поля булыжников, отдельно стоящие скалистые вершины, карстовые воронки... Вид был внеземной. На Земле почва заполнила бы впадины, ветер, вода и растительная жизнь сгладили бы голые вершины холмов. Потом все это было бы погребено, или стерто до основания ледяными пластинами, или, наоборот, приподнято вследствие тектонической активности; все бы регулярно менялось и перестраивалось с течением времени, но всегда сглаживалось бы погодой, флорой и фауной. А эти древние гофрированные равнины, продырявленные метеоритами, не менялись миллиарды лет. Причем это были одни из самых юных поверхностей Марса.

Ехать по такой шероховатости было сложно, а вот заблудиться во время прогулок ничего не стоило, учитывая, что марсоход выглядел как один из множества разбросанных повсюду булыжников. Тем более если внимание рассеивалось. Не раз Энн приходилось искать марсоход по радиосигналу, а не по внешнему виду, иногда она подходила к нему вплотную, не узнавая, и лишь потом приходила в себя и забиралась внутрь с трясущимися после каких-то забытых уже мыслей руками.

Лучшие проездные пути лежали вдоль низких гребней обнаженной породы. Если бы эти высокие базальтовые дороги можно было соединить друг с другом, стало бы намного проще. Но они часто были разбиты поперечными разломами: узкие поначалу трещинки становились потом глубже и шире, и чем дальше, тем их становилось больше. Они раскрывались, словно ломти нарезанного хлеба, пока не превращались в открытые разломы, наполненные каменными обломками и частицами, и дайка снова становилась частью усеянного булыжниками поля.

Она продвигалась дальше на север, к Великой Северной равнине. Ацидалийская равнина, Северная равнина... древние названия звучали так странно. Энн всеми силами пыталась не думать, но в долгие часы за рулем это порой было невозможно. В такие минуты было безопаснее читать, чем пытаться и дальше держать разум опустошенным. Иногда она наугад листала библиотеку искина. Чаще всего кончалось все тем, что она таращилась на ареологические карты, и однажды вечером, на закате, во время такого разглядывания, она проникла в суть марсианских названий.

Оказалось, что большую их часть придумал Джованни Скиапарелли. На своих картах, построенных с помощью телескопа, он обозначил свыше сотни видимых объектов, большинство из которых были так же иллюзорны, как и марсианские каналы. Но когда во второй половине двадцатого века астрономы уточняли карту видимых неоспоримых объектов, которые можно было сфотографировать, большинство названий, данных Скиапарелли, оставили. Это была дань той силе разума, которой он обладал, дань памяти, пусть даже при отсутствии полного соответствия. Он был классическим ученым, последователем библейской астрономии, и среди данных им названий было много латинских и греческих, отсылок и к Библии, и к Гомеру, все сразу. Тем не менее, у него было хорошее чутье на имена. Доказательством его таланта стал контраст между его картами Марса и множеством других, которые конкурировали друг с другом в девятнадцатом веке. Карта англичанина по имени Проктор, к примеру, опиралась на зарисовки преподобного Уильяма Доуса, и поэтому на его карте, которая даже близко не походила на стандартную карту видимого с Земли Марса, был континент Доуса, океан Доуса, пролив Доуса, море Доуса и разветвленный залив Доуса, а также Просторное море, океан Де Ла Рю и море Пива. Хотя надо признать, последнее было названо в честь немца со схожей фамилией, который нарисовал карту Марса еще хуже, чем это сделал Проктор. В сравнении с ними Скиапарелли был гением.

Но весьма непоследовательным. Было что-то не то, что-то опасное в этом смешении отсылок. Все объекты на Меркурии были названы именами великих художников, объекты на Венере – в честь знаменитых женщин, которые однажды прилетят и будут разъезжать по тамошней земле, чувствуя, что живут в логичном мире. И только на Марсе собралась ужасающая мешанина призраков прошлого. Возможно, это и являлось причиной катастрофической путаницы на поверхности планеты: озеро Солнца, Золотая долина, Красное море, гора Павлина, озеро Феникса, Киммерия, Аркадия, Жемчужный залив, Гордиев Узел, Стикс, Аид, Утопия...

В темных дюнах Великой Северной равнины ее припасы подошли к концу. Сейсмографы фиксировали ежедневные толчки на востоке, и Энн ехала туда. Во время пеших прогулок она изучала темно-красные песчаные дюны, их наслоения вскрывали климат прошлого, словно годовые кольца на дереве. Но снег и сильные ветры сметали хребты дюн. Западные ветры могли быть невероятно сильными, настолько, что подхватывали слои крупнозернистого песка и бросали их в машину. Песок всегда оседает дюнами, таков простой физический факт, но дюны Марса медленно набирали темп в своем шествии по всему миру, и записи, сделанные ими в прежние годы, постепенно уничтожались.

Энн гнала последнюю мысль прочь из головы и изучала феномен, как если бы в его ход не вмешивались никакие искусственные силы. Она концентрировалась на своей работе, очищала геологический молоток и брала пробы камня. Прошлое дробилось по кусочку. Оставь его позади. Не думай о нем. Но она не раз резко просыпалась, видя надвигающийся на нее дальнепробежный оползень. И окончательно вставала, потная и дрожащая, встречая раскаленный рассвет: солнце пылало, словно кусок серы.

Койот оставил ей карту своих тайников на севере, и теперь она приближалась к одному из них, скрытому в куче камней высотой с дом. Она пополнила запасы, оставив короткую благодарственную записку. Согласно последнему маршруту, переданному ей Койотом, он должен был появиться здесь уже скоро, но пока тут не наблюдалось и следа его присутствия, так что не было смысла ждать. Она поехала дальше.

Она ехала и шла пешком. Но ничего не могла с собой поделывать: воспоминание об оползне преследовало ее. Ее мучило не столько то, что она прошла на волосок от смерти, – что, без сомнения, случалось много раз и раньше, причем большинство случаев она даже не заметила, – а то, насколько случаен был ее последний раз. Он был бессмысленен и неуместен, чистое совпадение. Акцентированное равновесие при его отсутствии. Следствие, которому не было причин, незаслуженное милосердие. Она много времени проводила под открытым небом, постоянно подвергаясь воздействию радиации, но от рака умер Саймон. Это она уснула за рулем, но погиб Фрэнк. Просто по воле случая – случайная жизнь и случайная смерть.

Трудно было поверить, что в подобной вселенной может действовать естественный отбор. Под ее ногами, во впадинах между дюнами, на песчинках размножались архебактерии, но атмосфера быстро насыщалась кислородом, и все они умрут, кроме тех, которым повезет оказаться под землей, подальше от кислорода, – хотя они сами его выделяли, он был для них ядовит. Естественный отбор или случайность? Вот ты стоишь, вдыхая смесь газов, пока смерть несется на тебя, а в итоге ты либо покрыт булыжниками и мертв, либо покрыт пылью и жив. И ничего из сделанного тобой не повлияет на исход этого или-или. Ничего из сделанного тобой не имеет значения. Однажды днем, бессистемно читая с экрана искина, чтобы развлечься до ужина, она узнала, что царская полиция хотела казнить Достоевского, но спустя несколько часов ожидания в очереди его отвели обратно в камеру. Закончив читать об этом случае, Энн еще долго сидела на водительском сиденье, положив ноги на приборную панель и вглядываясь в экран. Еще один аляповатый закат лился на нее сквозь окна марсохода, солнце казалось причудливо-большим и ярким в утолщающемся слое атмосферы. Приговор отменили, как заявлял автор в простом всеведении биографа. Эпилептик, склонный к насилию и отчаянию. Он не смог примириться с этим. Вечно злой. Боязливый. Одержимый.

Энн покачала головой и рассмеялась, разозлившись на писателя-идиота, который просто ничего не понял. Конечно же, он не смог примириться с этим. Это бессмысленно. Это опыт, примириться с которым нельзя.

На следующий день на горизонте показалась башня. Энн остановила марсоход и уставилась на нее через телескоп. Позади башни стояли клубы пыли. Сотрясения, которые регистрировал сейсмограф, были теперь очень сильны и несколько сместились к северу. Она даже почувствовала один сама, – учитывая амортизационные механизмы машины, это значило, что они действительно были очень сильными. И, по-видимому, имели какое-то отношение к башне.

Энн выбралась из машины. Вечерело, небо выгибалось огромной аркой яростных цветов, солнце низко висело в туманной дымке на западе. Свет будет падать из-за спины, и увидеть ее будет очень сложно. Она прокралась между дюн, взобралась на одну из вершин и проползла последние метры, после чего взглянула из-за гребня на башню, высившуюся теперь всего в километре к востоку. Увидев, как близко основание башни, Энн вжала подбородок в песок, вклинившись между осколками лавы размером с гермошлем.

Там находилось что-то вроде мобильной сверлильной установки, только очень большой. Массивное основание было окаймлено гигантскими гусеницами вроде тех, которые

используются для транспортировки больших ракет по территории космопорта. Сверлильная башня поднималась от этого колосса больше чем на шестьдесят метров, а основание и нижняя часть установки, очевидно, содержали помещения для техников, оборудование и припасы.

За этой штукой, чуть дальше к северу, виднелось море льда. Рядом со сверлильной установкой прямо изо льда поднимались хребты больших барханов: сначала ухабистый пляж, дальше – сотня изогнутых полумесяцем островов. Но через пару километров дюны исчезали, оставался только лед.

Лед этот был чистым, без примесей – полупрозрачный багрянец под закатным небом, – чище любого льда, какой она видела на поверхности Марса, и гладкий, не потрескавшийся, как все ледники. Поднимавшийся от него легкий пар тут же уносило ветром к востоку. А на льду, словно муравьи, катались люди в прогулочниках и гермошлемах.

Все стало ясно в тот момент, когда она увидела лед. Давным-давно она сама подтвердила гипотезу большого удара, которая рассматривала дихотомию между полушариями. Низкая, гладкая северная полусфера являлась гигантским ударным кратером, результатом едва ли представимого столкновения Марса с громадным планетоидом в доисторические времена. Камень планетоида, который не испарился при столкновении, стал частью Марса. Кстати, в научной литературе приводилось множество аргументов в пользу того, что периодические подвижки в коре, вызывавшие образование возвышенности Фарсиды, стали поздним следствием возмущений, вызванных столкновением. Энн сомневалась в этом, но было очевидно, что большое столкновение состоялось, оно сгладило поверхность всего северного полушария, понизив ее примерно на четыре километра по отношению к южному. Впечатляющий удар, пусть и произошедший невероятно давно. Удар сопоставимой силы, скорее всего, породил из Земли Луну. Однако некоторые не соглашались с теорией удара, утверждая, что если бы с Марсом произошло подобное, у него был бы спутник, сопоставимый по размерам с Луной.

Но теперь, пока Энн лежала, распластавшись, и рассматривала гигантскую сверлильную установку, она поняла, что северное полушарие было даже ниже, чем это казалось поначалу, поскольку его скалистое основание лежало удивительно глубоко, в пяти километрах под поверхностью дюн. Удар проник на эту глубину, а затем впадина была снова заполнена: смесью выбросов от столкновения, принесенными с ветром песком и осколками камня, остатками новых столкновений, эрозионными массами, соскальзывавшими вниз по уклону Большого Уступа, и водой. Именно водой, искавшей, как всегда, самую низкую точку. Влагой из ежегодного морозного покрывала и из древних прорывов водоносного слоя, – влагой, которая испарялась из покореженного скального основания и растапливалась с вершины полярной шапки, – вся она, очевидно, стекала в данную глубокую область и собиралась, формируя воистину колоссальный подземный резервуар. Лед и жидкий бассейн, опоясывавшие планету, лежали подо всей территорией к северу от шестидесятой широты, кроме (какая ирония!) островка скального основания, на котором как раз и возвышалась полярная шапка.

Энн сама много лет назад открыла это подземное море, и по ее прикидкам, около 60–70 % воды на Марсе было сконцентрировано именно здесь. Это был, фактически, Северный океан, о котором говорили некоторые терраформаторы, глубоко скрытый и преимущественно замороженный, смешанный с рыхлыми поверхностными образованиями и плотными мелкими частицами. Океан вечной мерзлоты, – немного жидкости сохранилось лишь внизу, у самого скального основания, – был заперт здесь навсегда, так, по крайней мере, ей казалось. Сколько бы тепла терраформаторы ни передавали поверхности планеты, океан вечной мерзлоты не мог таять быстрее, чем на метр в тысячелетие. И даже когда он растает, то все равно останется под землей, такова уж суть гравитации.

Итак, перед ней была бурильная установка. Они добывали воду. Напрямую разрабатывали водоносные слои, плавил океан вечной мерзлоты взрывами, может, даже ядерными взрывами, а потом собирали жидкость и выкачивали ее на поверхность. Вес рыхлого реголита должен был помогать проталкивать жидкость вверх по трубам. Вес воды на поверхности помогал еще сильнее. Если существуют другие бурильные установки, подобные этой, они смогут выкачать на поверхность невообразимое количество воды. В конечном итоге у них получится мелкое море. Оно застынет и на некоторое время снова станет ледяным морем, но при прогреве атмосферы, солнечном свете, действии бактерий и усиливающихся ветрах опять растает. Тогда появится Северный океан. Старая Северная равнина, с ее окутывающими весь мир черно-красными дюнами, станет дном. Она будет затоплена.

В сумерках, неуклюже ступая, Энн вернулась к марсоходу. Еле управилась со шлюзом, с трудом сняла шлем. Забравшись внутрь, она села перед микроволновкой и не двигалась больше часа. В ее голове мелькали разные образы: муравьи, горящие под увеличительным стеклом, муравейник, тонущий в грязевой запруде... Она полагала, что уже ничто не может тронуть ее в предсмертном существовании, которое она вела, но ее руки дрожали, и она с отвращением смотрела на рис и семгу, остывающие в микроволновке. Красный Марс умер. Ее желудок сжался в комок. В случайном потоке вселенской непредсказуемости ничто не имело значения. И все же, все же...

Она поехала прочь, не придумав, что еще ей делать. Она возвращалась на юг, поднимаясь по пологим склонам равнины Хриса и его ледяного моря. Рано или поздно здесь будет залив океана. Энн сконцентрировалась на своей работе или, по крайней мере, попыталась. Она заставляла себя не видеть ничего, кроме камней, и думать, как камень.

Однажды она выехала на равнину, покрытую черными булыжниками. Местность была более гладкой, чем обычно, горизонт – в привычных пяти километрах от нее, – картина, знакомая по Андерхиллу и остальным низменностям. Маленький мир, заполненный черными булыжниками, похожими на окаменелые мячи из разных игр, только черные, и все – граненые в той или иной степени. Это были вентифакты²⁰.

Энн выбралась из машины и прогулялась вокруг, осматриваясь. Камни притягивали ее, и она ушла далеко на запад.

Фронт низких облаков катился над горизонтом, Энн чувствовала порывы ветра. В преждевременной темноте вдруг заштормившего полудня каменистое поле обрело причудливую красоту. Она стояла в струе тусклого воздуха, несущегося меж двумя полями комковатой черноты.

Это был базальт, отшлифованный ветрами с одной, обнаженной стороны так, что сторона стала плоской. Возможно, этот процесс занял миллионы лет. А потом ветер сдул слой подложки, или редкое марсотрясение потревожило участок, и камни сместились, обнажив другую свою сторону. И все началось сначала. Новая грань будет медленно полироваться неустанным скребком из абразивов размером с микрон, пока равновесие камней не нарушится еще раз или пока не упадет метеорит. И тогда все повторится опять. Каждый камень на поле переворачивался примерно раз в миллион лет, а потом лежал спокойно под ветром день за днем, год за годом. Тут были камни с одной гранью, с тремя, с четырьмя, с пятью и так далее, вплоть до совершенных форм шестигранников, октаэдров, додекаэдров. Вентифакты. Энн поднимала их один за другим, размышляя, сколько лет заключено в их плоских

---

²⁰ Вентифакты (от *лат.* *ventus* – ветер и *factum* – действие) – доказательство воздействия ветра на различные твердые компоненты среды (истертая галька, отполированные зерна песка).

сторонах, и спрашивая себя, может ли и ее разум быть так же сглажен, чтобы целые участки стерло до основания временем.

Пошел снег. Сначала кружащиеся снежинки, потом – мягкие хлопья, стекающие с неба вместе с ветром. Было относительно тепло, и снег был мокрым, затем он стал слякотным, а позже превратился в мерзкую смесь мокрого снега и града, закручиваемого порывами сильного ветра. По мере того, как буря разрасталась, снег становился очень грязным. Очевидно, его уже долго мотало между землей и небом, и он вбирал в себя мелкие частицы пыли и смога, затем влага кристаллизовалась и уходила наверх с очередным порывом ветра в грозовую тучу, чтобы снова упасть вниз, и так – пока снег не стал практически черным. Черный снег. С неба падала застывшая грязь, заполняя дыры и пробелы между вентиляторами, покрывая их сверху, скатываясь с их граней, словно сильный ветер вызвал сход миллиона маленьких лавин. Энн бесцельно шла, пошатываясь, пока не подвернула лодыжку и не остановилась. Она дышала с трудом, в каждой затянутой в перчатку ладони было стиснуто по камню. Она поняла, что оползень до сих пор не окончил свой дальний пробег. И грязный снег сыпался из черного воздуха, погребая под собой равнину.

Но ничто не вечно: ни камень, ни отчаяние.

Энн вернулась в машину, сама не зная, как и зачем. Она понемногу ехала каждый день и неосознанно вернулась к тайнику Койота. Целую неделю она бродила по окрестным дюнам, с трудом заставляя себя есть.

А потом она услышала:

– Энн, ы ешь ешь?

Она поняла только слово «Энн». Шокированная вернувшейся к ней глосолаллией²¹, она прижала обе руки к микрофону и попыталась говорить. Но смогла издать лишь какой-то сдавленный звук.

– Энн, ы ешь ешь?

Это был вопрос.

– Энн, – выдавила она.

Десять минут спустя он уже был у нее в машине и тянулся, чтобы обнять ее.

– Как давно ты здесь?

– Не... недавно.

Они сели. Энн попыталась собраться. Это все равно что думать, только думать громко. Несомненно, она все еще думала словами.

Койот все говорил, может быть, чуть-чуть медленнее, чем обычно, и пристально смотрел на нее.

Она спросила его про буровую установку.

– А, я как раз гадал, не наткнешься ли ты на одну из них.

– Сколько их там?

– Пятьдесят.

Койот увидел выражение ее лица и коротко кивнул. Он набросился на еду, и она вдруг поняла, что он пришел к пустому тайнику.

– Они вкладывают крупные деньги в эти проекты. Новый лифт, бурильные установки, азот с Титана... громадное зеркало между нами и солнцем, чтобы направлять на нас больше света. Ты об этом слышала?

Она пыталась собраться с силами. Пятьдесят. О боже...

---

²¹ Речь, состоящая из бессмысленных слов и словосочетаний, имеющая некоторые признаки осмысленной речи (темп, ритм, структура слога, относительная частота встречаемости звуков); речь со множеством неологизмов и неправильным построением фраз. Наблюдается у людей в состоянии транса, во время сна, при некоторых психических заболеваниях.

Это привело ее в бешенство. Прежде она злилась на планету за то, что та не отпустила ее. За то, что напугала, но не подкрепила угрозу делом. Но теперь ее наполнила злость другого рода. Глядя, как Койот ест, и думая о затоплении Северной равнины, она почувствовала, как гнев сжимается внутри нее, словно первичная материя, сжимающаяся до тех пор, пока не взорвется, воспламенив все вокруг. Это была до боли горячая ярость. И вместе с тем – старое знакомое чувство: злость на тех, кто занимался терраформированием. Старая выгоревшая эмоция, ставшая в последние годы сверхновой, теперь уплотнялась, чтобы снова рвануть. Энн не хотела этого, действительно не хотела. Но, черт возьми, планета плавилась у нее под ногами. Распадалась. Была низведена до грязи в изыскательском предприятии Земного картеля.

Нужно было что-то делать.

И Энн на самом деле намеревалась сделать кое-что, хотя бы для того, чтобы заполнить часы, которые ей остались, пока какая-нибудь милосердная случайность не освободит ее. Кое-что, чтобы занять ее предсмертные часы. Месть зомби – почему бы и нет? Склонного к насилию, склонного к отчаянию...

– Кто их строит? – спросила она.

– Я знаю, что их заводы расположены в Мареотисе и Брэдбери-Пойнт. – Койот снова набросился на еду, потом поднял взгляд. – Тебе это не нравится.

– Нет.

– Хочешь остановить их?

Она не ответила.

Койот, кажется, все понял:

– Я не говорю об остановке терраформирования в целом. Но есть кое-что, что стоит попробовать. Взорвать заводы.

– Они просто выстроят их заново.

– Кто знает, но это замедлит их. А за это время может случиться что-нибудь более значительное в планетарных масштабах.

– Красные, ты имеешь в виду.

– Да. Думаю, люди будут называть их Красными.

Энн покачала головой.

– Я им не нужна.

– Нет. Но, может быть, они нужны тебе, а? Ты для них герой, знаешь ли. Ты значишь для них больше, чем просто еще один человек.

Разум Энн снова ускользнул. Красные – она никогда не верила в них, никогда не думала, что такое сопротивление хоть что-то даст. Но теперь... что ж, даже если это не сработает, все будет лучше, чем ничего. Палку им в глаз!

А если это сработает...

– Дай мне подумать.

Они еще долго проговорили о разных вещах. Внезапно на Энн навалилась усталость, что было странно, ведь она столько времени провела, ничего не делая. Разговор ее истощал, она отвыкла от разговоров. А разговаривать с Койотом было трудно.

– Тебе надо пойти поспать, – сказал он, прерывая свой монолог. – Выглядишь уставшей. Руку... – Он помог ей перебраться на кровать, и Энн легла, не раздеваясь. Койот подоткнул одеяло. – Ты устала. Мне кажется, тебе нужно пройти еще один курс омоложения, старушка.

– Я больше не буду проходить их.

– Нет! Ну, ты меня удивляешь. А теперь спи. Спи.

Она поехала с Койотом обратно на юг, и вечером за ужином он рассказал ей о Красных. Как и само подполье, это была скорее вольная группа, нежели четко организованное движение. Энн знала кое-кого из основателей: Ивану, Джина и Рауля из фермерской команды, которые не соглашались с ареофанией Хироко и ее понятием *viriditas*; Касэя, Дао и еще нескольких эктогенов из Зиготы; некоторых последователей Аркадия, спустившихся с Фобоса, которые потом конфликтовали с Аркадием по вопросу влияния терраформирования на революцию. Множество богдановистов, включая Стива и Марианну, стали Красными в годы, следовавшие за 2061-м, как и последователи биолога Шнеллинга. Нельзя было не упомянуть и радикально настроенных японцев – нисеев и сансеев из Сабиси. А еще были арабы, которые желали, чтобы Марс остался арабским, и бежавшие заключенные из Королева... Целая куча радикалов. «Совсем не мой случай», – подумала Энн, вспомнив, что ее протест против терраформирования базировался на рациональном научном основании. Или, по крайней мере, на доказуемой этической и эстетической точке зрения. В ней вновь вспыхнула злость, и она покачала головой, испытывая отвращение к самой себе.

Кто она такая, чтобы судить этику Красных? Они хотя бы выражают свое недовольство, не боясь критиковать вслух. Может быть, это помогает им чувствовать себя лучше, даже если они ничего не достигли. А может, они и достигли чего-то, по крайней мере, за прошлые годы, до того как терраформирование вошло в новую фазу транснационального гигантизма.

Койот утверждал, что Красные значительно замедлили терраформирование. Некоторые даже вели записи, пытаясь подсчитать их достижения. По его словам, среди Красных росло движение, призванное смириться с реальностью и признать, что терраформирования не избежать, но настаивающее на необходимости разработать документы в защиту наиболее щадящих его вариантов.

– Есть парочка конкретных идей насчет атмосферы, состоящей преимущественно из углекислого газа, теплой, но сухой, она будет поддерживать растительную жизнь, а люди смогут ходить в масках, не переключая планету на земную модель. Очень интересно. Еще предлагают модель так называемой «экопоэзис», или ареобиосферы. Мир, в котором низменности остаются холодными, тем не менее приспособленными для выживания человека, в то время как более высокие места выходят за пределы слоя атмосферы и сохраняют свое естественное состояние, ну, или близкое к нему. Кальдеры четырех больших вулканов в таком мире останутся в своем первоизданном виде, по крайней мере, так говорят.

Энн сомневалась, что большинство этих предложений достижимы или имеют предсказуемые последствия. Однако объяснения Койота ее заинтриговали. Он активно поддерживал все усилия Красных и с самого начала много им помогал: и поддержкой из подземных убежищ, и установлением связей между ними. Он помогал им также строить собственные убежища, которые большей частью были спрятаны неподалеку от Большого Уступа, откуда проще было следить за терраформирующей программой. Да, Койот был Красным, по крайней мере, симпатизировал им.

– На самом деле я никто. Старый анархист. Полагаю, ты можешь звать меня теперь бунианцем, поскольку я верю в объединение всех и вся, что может освободить Марс. Иногда я думаю даже, что пригодная для жизни человека планета лишь ускорит революцию. Но только иногда. В любом случае, Красные – это большой партизанский отряд. И я разделяю их точку зрения, что мы тут не за тем, чтобы, знаешь ли, *воссоздать Канаду*, упаси бог! Вот почему я им помогаю. Я умею прятаться, и мне это нравится.

Энн кивнула.

– Так ты хочешь присоединиться к ним? Или хотя бы встретиться?

– Я подумаю об этом.

Ее заикленность на камнях пошатнулась. Она уже не могла не замечать, сколько признаков жизни появилось на земле. На десятых и двадцатых южных широтах лед вышедших на поверхность ледников таял на солнце, и холодная вода стекала вниз по холмам, разрезая землю новыми простейшими бассейнами и превращая осыпи склонов в то, что экологи называют каменной арктической пустыней. Эти скалистые клочки земли стали первыми островками жизни после того, как лед отступил, – жизнь на них была представлена простейшими водорослями, лишайниками и мхом. Песчаные реголиты, насыщенные текущей сквозь них водой и микробактериями, преобразовывались в каменные пустыни с пугающей скоростью, и хрупкие формы рельефа быстро разрушались. Большая часть остаточного грунта на Марсе была сухой настолько, что при соприкосновении с водой возникали мощные химические реакции, высвобождалось много перекиси водорода, кристаллизовалась соль. В сущности, грунт рассыпался, утекал песчаной грязью, оседая ниже, на свободных террасах, называемых солифлюкционными, и в новых морозных протокаменистых пустынях. Прежние формы исчезали. Поверхность планеты плавилась. После долгого дня поездки по меняющемуся ландшафту Энн сказала Койоту: «Возможно, я поговорю с ними».

Но сначала они вернулись в Зиготу, или Гамету, где у Койота были какие-то дела. Энн осталась в комнате Питера, поскольку самого его не было, а комнату, которую она раньше делила с Саймоном, отвели под другие нужды. В любом случае там бы она не остановилась. Комната Питера была расположена над комнатой Хармахиса: круглый бамбуковый сегмент, в котором имелись стол, кресло, серповидный матрас на полу и окно с видом на озеро. В Гамете все было прежним, но другим, и несмотря на годы, проведенные в Зиготе, она не чувствовала с ней связи. Ей было трудно вспомнить, какой была когда-то Зигота. Энн и не хотела вспоминать, она усердно пыталась забыть. Как только к ней являлся образ из прошлого, она вскакивала и бралась за что-нибудь, требующее концентрации: изучала образцы камней и данные сейсмографов, или готовила сложные блюда, или выходила поиграть с детьми, пока образы не тускнели, а прошлое не исчезало. Со временем можно научиться уклоняться от прошлого почти идеально.

Однажды вечером Койот просунул голову в дверь комнаты.

– Ты знала, что Питер тоже Красный?

– Что?

– Да, но работает сам по себе. По большей части в космосе. Я думаю, он загорелся космосом после того, как прокатился на лифте.

– О боже! – вырвалось у нее.

Это было еще одно случайное происшествие. По всем законам Питер должен был умереть при падении лифта. Каков был шанс, что рядом найдется космический корабль, который подберет его, оставшегося в одиночестве на ареосинхронной орбите? Нет, это было нелепо. Только случайности и существовали.

И все-таки Энн разозлилась.

Она уснула, думая об этом, и в своем беспокойном сне увидела, как идет с Саймоном по самой живописной части каньона Кандор. Это была их первая совместная прогулка, когда все еще было безупречно и оставалось нетронутым миллиарды лет: первые люди, идущие в широком ущелье между слоистых и грандиозных стен. Саймону нравилось там почти так же, как ей, и он молчал, поглощенный реальностью камней и неба, – не было спутника лучше для столь величественного зрелища. И вдруг во сне одна из гигантских стен каньона начала рушиться, Саймон произнес: «Дальний пробег», – и Энн мгновенно проснулась, вся в поту.

Она оделась и вышла в маленький мезокосм под куполом, с его белым озером и кривым лесом на низких дюнах. У Хироко был очень странный гений, способный создать такое место, а потом убедить многих других присоединиться к ней. Зачать столько детей без поз-

воления отцов, без контроля над генетическими манипуляциями. Все-таки это было своего рода безумие, божественное оно или нет.

Вдоль ледяной отмели маленького озера шел выводок Хироко. Их уже нельзя было назвать детьми, самым младшим было по пятнадцать-шестнадцать земных лет, старшим... старшие были раскиданы по всему миру. Касэю, вероятно, было уже пятьдесят, а его дочери Джеки – около двадцати пяти, она выпускница нового университета Сабиси и активная участница политики «полусвета». Группа эктогенов вернулась навестить Гамету точно так же, как и сама Энн. Они шли вдоль пляжа во главе с Джеки, высокой изящной брюнеткой, красивой и властной, лидером их поколения. Им мог бы стать веселый Ниргал или задумчивый Дао. Но вела их Джеки, а Дао следовал за ней с собачьей преданностью, и даже Ниргал не спускал с нее глаз. Саймон любил Ниргала, как и Питер, и Энн понимала почему: он единственный из всей банды эктогенов не отталкивал ее. Пока остальные развлекались погруженностью в себя – короли и королевы своего маленького мира, – Ниргал покинул Зиготу вскоре после смерти Саймона и потом уже почти не возвращался. Он учился и жил в Сабиси, ездил с Койотом и Питером, посещал города на севере. Был ли он тоже Красным? Сложно сказать. Но его интересовало абсолютно все, он был в курсе всего на свете и старался везде побывать – словом, юная Хироко в брюках, если можно так выразиться. Разве что Ниргал не был таким странным, как Хироко, а был сильнее связан с другими людьми, был более человечным. Энн никогда в жизни не удавалось нормально поговорить с Хироко, инопланетный разум которой придавал, похоже, совершенно иные смыслы всем словам в языке. К тому же, несмотря на блестящие успехи в дизайне экосистем, Хироко совсем не была ученым, но кем-то вроде пророка. Ниргал же, кажется, интуитивно обращался прямо к тому, что было важно для человека, с которым он разговаривал, и он концентрировался на этом и задавал вопрос за вопросом – любознательный, восприимчивый и сочувствующий. Наблюдая, как он следует за Джеки по отмели, прыгая то туда, то сюда, Энн вспомнила, как медленно и осторожно он ходил рядом с Саймоном. Каким напуганным он выглядел в ту последнюю ночь, когда Хироко в своей особой манере привела его попрощаться. Было слишком жестоко привлекать тогда мальчика, но в то время Энн не возражала: она была в отчаянии и готова на все. Еще одна ошибка, которую уже не исправить.

Расстроившись, она разглядывала светлый песок под ногами, пока эктогены не прошли мимо. Даже обидно, что Ниргал увлечен Джеки, для которой он так мало значит. Джеки в целом была чудесной девушкой, но она слишком походила на Майю: капризная и склонная к манипуляциям, не любящая никого, кроме, может быть, Питера, который, к счастью (хотя в те времена Энн так не казалось), путался с матерью Джеки и ни в малейшей мере не интересовался ее дочерью. Грязное дельце, из-за этого Питер и Касэй больше не общаются, а Эстер так и не вернулась. Не самый славный час для Питера. А уж как это все повлияло на Джеки... Последствия не заставят себя ждать – осторожно, тут черная дыра из ее же глубокого прошлого, – да, и так без конца, все их маленькие жалкие жизни обречены на бесконечное повторение в бессмысленных циклах...

Энн постаралась сконцентрироваться на структуре песка.

Белый был не самым обычным цветом песка на Марсе. Очень редкий гранит. Энн стало любопытно, искала ли Хироко такой специально или ей просто повезло.

Эктогены на той стороне озера пропали из виду. Она осталась на пляже одна. Где-то тут, под ее ногами, был Саймон. Как сложно перестать думать обо всем этом.

По направлению к ней через дюны шел человек. Издалека ей показалось, что это Сакс, потом – Койот, но это был не тот и не другой. Он помедлил, заметив ее, и по этому движению она поняла, что это действительно Сакс, но очень сильно изменившийся внешне. Влад и Урсула провели над ним какую-то косметическую операцию, чтобы он стал не похож на себя. Он собирался переехать в Берроуз и присоединиться там к какой-то биотехнической

компании, используя швейцарский паспорт и одну из вирусных идентификационных записей Койота. Собирался снова вернуться к работе над терраформированием. Энн отвернулась к воде. Он подошел и попытался заговорить с ней, этот странный не-Сакс, симпатичный старый дурень. Но это по-прежнему был он, и гнев переполнял ее так, что она едва могла думать, едва могла удержать нить разговора.

«Ты и правда выглядишь иначе», – это было все, что она потом вспомнила. Пустая болтовня. Глядя на него, она думала, что он никогда не изменится. Но в его грустном взгляде мелькало что-то пугающее, что-то смертельное, готовое прорваться наружу, если она это не остановит... Энн продолжала говорить с ним, пока он не скорчил напоследок гримасу и не ушел.

Она долго сидела, замерзая и приходя в еще большее замешательство. Наконец, она опустила голову на колени и погрузилась в дрему.

Ей приснился сон. Вся первая сотня стояла вокруг нее, и живые, и мертвые. Сакс, с прежним лицом, но новым опасным выражением горя, сказал:

– Чистая прибыль в сложности.

– Чистая прибыль в здоровье, – вымолвили Влад и Урсула.

– Чистая прибыль в красоте, – заявила Широко.

– Чистая прибыль в доброте, – выпалила Надя.

– Чистая прибыль в глубине эмоций, – сказала Майя, и Джон с Фрэнком позади нее закатили глаза.

– Чистая прибыль в свободе, – произнес Аркадий.

– Чистая прибыль в понимании, – добавил Мишель.

– Чистая прибыль в силе, – сказал Фрэнк из заднего ряда, и Джон, стоявший с ним плечом к плечу, крикнул:

– Чистая прибыль в счастье!

И все они уставились на Энн. Она встала, дрожа от ярости и страха, и поняла, что она единственная среди них не верит в возможность чистой прибыли от чего бы то ни было, она просто сумасшедшая реакционерка, и все, что она может, – это ткнуть в них трясущимся пальцем и ответить: «Марс. Марс. Марс».

Вечером, после ужина и общего собрания, Энн выловила Койота и спросила:

– Когда ты выезжаешь?

– Через пару дней.

– Ты все еще хочешь познакомить меня с теми людьми?

– Да, конечно. – Он смотрел на нее, склонив голову набок. – Ты должна быть там.

Она лишь кивнула и оглядела общую комнату, думая: «Прощай. Скатертью дорога».

Через неделю она сидела с Койотом в сверхлегком самолете. Они летели по ночам на север, в экваториальный регион, потом – к Большому Уступу, к горе Дейтеронил, севернее Земли Ксанфа, – дикий, беспокойный район. Гора была похожа на архипелаг сбившихся в кучу островов, усеявших песчаное море. «Они станут настоящим архипелагом, – подумала Энн, пока Койот опускался между двумя из них, – если бурение на севере продолжится».

Койот приземлился на короткой дорожке пыльного песка и вырулил в ангар, вырезанный в одной из боковых сторон столовой горы. Северная оконечность представляла собой острую каменистую точку, а на вершине была вырыта треугольная комната для встреч. Войдя, Энн в удивлении остановилась: комната была набита битком, несколько сотен человек сидели за длинными столами, готовясь приступить к трапезе, и тянулись через столы, чтобы налить друг другу воды. Люди за одним из столов увидели ее и замерли, люди за следующим заметили это, оглянулись, увидели ее и тоже замерли – и этот эффект прокатился по

залу, пока они все не застыли. Затем встал один, другой, и в неровном порыве все поднялись на ноги. Еще одна пауза, а потом они начали аплодировать, их ладони неистово взлетали, лица светились. И они разразились приветственными криками.

Часть четвертая Ученый как герой

Зажать ее между большим и средним пальцами. Почувствовать закругленный край, рассматривать плавные изгибы стекла. Увеличительная лупа: в ней была простота, элегантность и вес древнего инструмента. Сидеть с ней в солнечный день, держать над кучкой сухих веточек. Двигать вверх и вниз, пока не увидишь яркую точку на высушенных растеньях. Помнишь этот свет? Как будто за хворостинками томилось крошечное солнце...

Амур, превращенный в лифтовый трос, состоял преимущественно из углеродистых хондритов и воды. Еще два Амура, перехваченных автоматикой в 2091 году, состояли в основном из силикатов и воды.

Вещество Нового Кларка было преобразовано в длинную углеродную нить. Вещество двух силикатных астероидов – в простыни солнечных парусов. Пары силикатов, застывшие между валиками длиной в десять километров, растянули в паруса, которые затем покрыли тончайшим слоем алюминия. А потом космические корабли, пилотируемые людьми, развернули обширные зеркальные паруса в круглую сетку, удерживающую свою форму благодаря вращению и солнечному свету.

Вот из такого астероида, вытолкнутого на полярную орбиту Марса и названного Берч, и создали зеркальные паруса, построив кольцо диаметром в сто тысяч километров. Гигантское зеркало крутилось вокруг Марса по полярной орбите: обратив к солнцу, его повернули под таким углом, чтобы свет отражался в некую точку внутри орбиты Марса, рядом с одной из точек Лагранжа.

Второй силикатный астероид, названный Солеттавилль, был транспортирован как раз в точку Лагранжа. Автоматика развернула солнечные паруса в сложную сеть целевых колец. Они были соединены друг с другом и повернуты так, что в конце концов уподобились громадным линзам из жалюзи. И они послушно вращались вокруг втулки, которая представляла собой серебряный конус с широким концом, обращенным к Марсу. Огромный изящный объект десяти тысяч километров в диаметре, красиво и величественно кружащийся между Марсом и солнцем, был назван солеттой.

Солнечный свет, бьющий прямо в солетту, прыгал между пластинами жалюзи – от тех, что «смотрели» на солнце, к тем, что были обращены к Марсу, – и падал на поверхность планеты. Свет, падающий в кольцо на полярной орбите, отражался на внутреннем конусе солетты и тоже падал на Марс. Разумеется, свет попадал на обе стороны солетты, поэтому противоположенные воздействия сохраняли ее на нужной позиции – примерно в ста тысячах километров от Марса – ближе в перигее, дальше в апогее. Угол наклона пластин постоянно корректировался искином солетты, дабы сохранять орбиту и фокус.

И пока два грандиозных флюгера ткались астероидами, как силикатные сети – каменными пауками, наблюдатели на Марсе практически не замечали их. Разве кто-нибудь случайно видел изгибающуюся белую линию в небе или периодические вспышки днем или ночью, будто блеск иной вселенной пробивался сквозь неплотные швы в ткани нашей реальности.

Когда же все было завершено, отраженный свет кольцеобразного зеркала направили на конус солетты. Ее округлые пластины пришли в движение, и солетта сместилась на другую орбиту.

А однажды люди, живущие на Фарсиде и прилегающих территориях, посмотрели вверх, поскольку небо резко потемнело. Они увидели солнечное затмение, какого на Марсе не было никогда. Светило уменьшалось, словно его лучи загораживал спутник размером с Луну.

Как ни странно, но похожее затмение можно было наблюдать и с Земли... Черный полумесяц рос, все глубже вгрызаясь в сияющее солнце, пока солетта занимала свою позицию между ним и Марсом, а ее зеркала еще не передавали свет. Затем небосклон стал густо-фиолетовым, а солнечный диск помрачнел, оставив лишь тонкий сияющий полумесяц, но вскоре и он исчез. И вместо солнца в небе повис черный круг, обрамленный призрачной короной, а потом все исчезло. Мир погрузился во тьму...

Вскоре на угольно-черном диске возник слабый муаровый проблеск, которого не бывает во время настоящего затмения. Люди на солнечной стороне Марса затаили дыхание, задрав головы к небу. Внезапно жалюзи солетты открылись одновременно, и солнечный свет хлынул с небес.

Сияние затопило все вокруг!

Теперь лучи просто-напросто ослепляли, поскольку светило стало гораздо ярче и теплей, чем до начала затмения. Солнечный диск теперь казался того же размера, что и видимый с Земли, освещенность увеличилась примерно на 20 %, и красные просторы равнин предстали во всей красе. Как будто одновременно вспыхнули прожекторы над колоссальной сценой.

Спустя несколько месяцев в верхних слоях марсианской атмосферы развернулось третье зеркало, гораздо компактнее солетты. Эта линза, составленная из округлых пластин, выглядела как серебряная летающая тарелка. Она улавливала часть света, направляемого солеттой, и переправляла его на поверхность Марса – на участки менее километра в диаметре. И она летела над планетой, как планер, фокусируя луч света, пока на земле не расцветали маленькие солнышки, а камни не начинали плавиться, становясь из твердых жидкими. А затем они сгорали дотла.

Для Сакса Рассела подполье не представляло особого интереса. Он хотел вернуться к работе. Он мог бы переехать в «полусвет» и стать преподавателем в университете Сабиси, который действовал вне сети, прикрывая многих коллег Сакса и предоставляя образование детям подполья. Но позже Сакс решил, что не хочет ни преподавать, ни оставаться на периферии. Он решил вернуться к терраформированию – в сердце проекта, если это возможно – ведь оно того стоило! Короче говоря, Сакс понял, что теперь ему пора выбираться в «большой мир» на поверхности. Недавно Временное Правительство сформировало комитет, чтобы координировать работы по терраформированию, и команда «Субараси» получила проект синтеза, над которым некогда трудился Сакс. Это было неудачей, поскольку Сакс не говорил по-японски. Зато ведущая роль в биологической части проекта досталась коллективу швейцарских компаний, названных «Биотик», с главными офисами в Женеве и Берроузе. Они-то как раз и поддерживали тесные связи с транснациональным синдикатом «Праксис».

В общем, сперва следовало проникнуть в «Биотик» под чужим именем и добиться назначения в Берроуз. Десмонд взял операцию под свой контроль, создав для Сакса виртуальную личность – точно так же, как много лет назад он сделал это для Спенсера, когда тот переехал в Эхо-Оверлук. «Свежая» личность Спенсера, а также обширная косметическая хирургия позволили ему успешно работать в лаборатории Эхо-Оверлук и в долине Касэй – в центре системы безопасности транснационалов. Сакс верил в систему Десмонда. Новая личность имела физические параметры Сакса: геном, сетчатку глаза, голос и отпечатки пальцев. Параметры были лишь слегка изменены и по-прежнему подходили Саксу, но могли запросто ускользнуть от сравнительных изысканий в сети. Этим данным было присвоено другое имя и прошлое, проведенное исключительно на Земле, а еще – кредитный рейтинг, иммиграционная запись и вирусная ловушка, призванная сбить с толку возможный кросс-поиск по физическим параметрам. Весь пакет отправили в швейцарский паспортный стол, который без

лишних вопросов выписывал документы новоприбывшим. Словом, в раздробленном мире транснациональных сетей уловка отлично сработала.

– Готово, – подтвердил Десмонд с довольным видом. – Но любой из первой сотни – звезда телеэкранов. Тебе нужно новенькое лицо.

Сакс был склонен с ним согласиться. Он понимал, что другое лицо ему действительно необходимо, к тому же внешность ничего для него не значила. Все равно то, что отражалось в последние дни в зеркале, не соответствовало представлениям Сакса о самом себе. Поэтому он убедил Влада поработать над ним, упирая на потенциальную пользу своего пребывания в Берроузе. Влад являлся одним из ведущих теоретиков сопротивления Временному Правительству и мигмом уловил резон в доводах Сакса.

– Наши люди должны оставаться в «полусвете», – заявил он. – Но иметь своих людей в Берроузе совсем неплохо. Пожалуй, мне стоит попрактиковаться в косметической хирургии на столь безнадежном материале, как ты.

– Я не безнадежный! – возразил Сакс. – И серьезные обещания должны быть исполнены! Я рассчитываю стать симпатичнее, чем раньше.

Удивительно, но он и впрямь стал смазливее, хотя этого нельзя было сказать наверняка, пока не сошли эффектные синяки. Саксу выпрямили прикус, нижнюю губу сделали пухлой, придали носу-пуговке явно выраженную переносицу и вдобавок смастерили благородную горбинку. Щеки сделали впалыми, а подбородок увеличили. Хирурги даже подрезали мышцы в его веках, и он уже не моргал так часто. Теперь он превратился в настоящую кинозвезду, как выразился Десмонд. Или в экс-жокея, поправила Надя. Или в бывшего инструктора по танцам, сказала Майя, которая много лет честно посещала собрания анонимных алкоголиков. Сакс, которому воздействие алкоголя никогда не нравилось, лишь отмахнулся от нее.

Десмонд добавил в пакет данных дюжину фотографий Сакса и успешно внедрил ворох электронных материалов в файлы «Биотика», наряду с приказом о переводе из Сан-Франциско в Берроуз.

Новая личность недель позже появилась в списках швейцарского паспортного стола. Увидев документы с физиономией Сакса, Десмонд усмехнулся.

– Ты только посмотри, – фыркнул он, указывая на фотографию Сакса. – Стивен Линдхольм, гражданин Швеции! Эти ребята, без сомнений, прикрывают нас! Готов поставить что угодно – они взяли в обработку наши данные и проверили твой геном по старым записям! Не сомневаюсь, что, несмотря на мои исправления, они вычислили, кто ты на самом деле.

– Ты уверен?

– Нет... Но кто их разберет... Они – дотошные ребята!

– Так это хорошо?

– Теоретически – нет. Но на практике, если кто-то про тебя знает, приятно видеть, что он ведет себя как друг. Никогда не помешает обзавестись приятелями среди швейцарцев. Они уже в пятый раз выписывают паспорт одному из моих созданий. У меня самого имеется паспорт, выданный ими, но сомневаюсь, что они вычислили, кто я таков! Еще бы – ведь у меня, в отличие от вас, ребят из первой сотни, никаких записей не было никогда. Интересно, верно?

– Да.

– Они – любопытные люди. Не представляю, что у них на уме, но мне очень хотелось бы на них взглянуть. Думаю, они приняли решение прикрывать нас. Может, они хотят знать, где мы находимся. Но нам остается только гадать, потому что швейцарцы страстно любят свои секреты. Хотя вопрос «почему» уже не важен, когда у тебя есть новая внешность и нужные документы в придачу!

Сакса коробило от подобного отношения, но он с облегчением подумал, что будет в безопасности под охраной швейцарцев. Это был народ его склада: рациональный, осторожный и методичный.

За несколько дней до отлета в Берроуз он решил прогуляться вокруг озера Гаметы, что в последние годы делал лишь изредка. Озеро, безусловно, являлось произведением искусства. Что-то, а экосистемы Хироко конструировать умела. Когда она и ее команда исчезли из Андерхилла, Сакс был порядком заинтригован. Он не знал, почему так случилось, и побаивался, что они начнут препятствовать терраформированию. Затем ему удалось выжать из Хироко ответ по сети, и он успокоился. Она вроде бы симпатизировала основным целям терраформирования, а ее собственный концепт *viriditas* оказался иной версией той же идеи. Но Хироко нравились иносказания, что с ее стороны было очень ненаучно. Кроме того, за годы своего затворничества Хироко потворствовала себе так, что понимать ее стало просто невозможно. Сакс ломал с ней голову даже при личном общении, и только спустя пару-тройку лет совместного существования его осенило. Хироко, как и он сам, жаждала марсианской биосферы, которая поддерживала бы жизнь людей. Похоже, Сакс не мог себе придумать союзника лучше, разве что председателя Временного Правительства. Хотя тот, возможно, тоже являлся его союзником. Что ни говори, а мир тесен...

А сейчас на берегу одиноко сидела Энн Клейборн, костлявая, как цапля. Сакс помедлил, но она уже заметила его. Поэтому он побрел дальше, пока не остановился рядом. Она бросила на него пристальный взгляд и снова уставилась на белое озеро.

– Ты и правда выглядишь иначе, – произнесла она.

– Ага, – Сакс до сих пор чувствовал боль в мышцах лица, хотя синяки уже исчезли. И ощущение, словно он носит маску, внезапно смутило его. – Но перед тобой – по-прежнему я, – добавил он.

– Конечно. – Она не поднимала взгляд. – И ты уезжаешь, чтобы начать все заново?

– Да.

– Чтобы вернуться к своей работе?

– Да.

Она, наконец, посмотрела на него.

– Как думаешь, для чего нужна наука?

Сакс пожал плечами. То был их старый, как мир, спор, всегда один и тот же, независимо от того, каким образом он начинался. Тераформировать или не тераформировать, вот в чем вопрос... Сакс ответил на него давным-давно и хотел бы, чтобы они примирились и оставили все дискуссии позади. Но Энн была неутомима.

– Чтобы понимать суть вещей, – буркнул он.

– Но терраформирование не помогает понять суть вещей.

– Тераформирование не наука, – возразил Сакс. – Я никогда не утверждал ничего подобного. Это то, что с наукой делают люди. Нечто прикладное, конкретная технология, понимаешь? Выбор, как распорядиться знаниями, полученными опытным путем. Как бы ты это ни называла.

– То есть – вопрос ценностей.

– Полагаю, что да. – Сакс задумался, стараясь упорядочить мысли по поводу столь дремучего вопроса. – Но наши... расхождения – лишь одна из граней того, что называют проблемой факта и ценности. Последние относятся к типу сложных систем, это – некий человеческий конструкт.

– Наука тоже человеческий конструкт.

– Верно. Но взаимосвязь между двумя системами не ясна. Отталкиваясь от одинаковых фактов, мы можем прийти к разным ценностям.

– Но наука сама полна ценностей, – настаивала Энн. – Мы говорим о силе и элегантности теорий, о чистых результатах, о красивых экспериментах. И жажда знаний – сама по себе некая ценность, если учитывать, что знание лучше неведения или тайны. Правда?

– Возможно, – пробормотал Сакс.

– Твоя наука – банальный набор ценностей, – произнесла Энн. – Цель науки твоего типа – устанавливать законы, ограничения, точность и определенность. Ты хочешь, чтобы все было объяснено. Ты жаждешь ответов на вопрос «почему», на всю цепочку вплоть до «большого взрыва». Ты – редукционист и любишь скупость, отточенность, экономию. А если тебе удастся что-то упростить, ты считаешь это достижением, верно?

– Но такова суть самого научного метода, – улыбнулся Сакс. – Дело не во мне, так работает природа. Физика. И ты поступаешь так же, Энн.

– Ты имеешь в виду человеческие ценности, вложенные в физику.

– Вряд ли, – он вытянул руку, чтобы остановить ее на секунду. – Я не собираюсь с тобой препираться. Смотри, энергия и материя делают то же, что и всегда. Но если ты хочешь порассуждать о ценностях, давай поговорим именно о них. Они, несомненно, возникают из фактов. Но это уже другая тема, что-то вроде социобиологии или биоэтики. Может, лучше говорить напрямую и без обиняков. Ценности – наибольшее благо для большинства.

– Некоторые экологи скажут, что сейчас ты дал научное описание здоровой экосистемы. Или наивысшей точки ее развития.

– Но и ты только что выдала оценочное суждение, Энн! Нечто вроде биоэтики. Интересно, но... – Решив сменить тактику, Сакс покосился на собеседницу с любопытством. – Почему бы не попытаться развить экосистему до максимума, Энн? Нельзя говорить об экосистемах без живых организмов. То, что существовало на Марсе до нас, не было экологией, только геологией. Можно утверждать, что экология здесь когда-то давно начинала развиваться, но что-то пошло не так, и мир замерз, а теперь мы начинаем все заново...

Она зарычала в ответ, и Сакс умолк. Энн верила в некую самостоятельную значимость минерального мира Марса. Подобие земной этики, только без земной биоты. Своеобразная каменная этика. Экология без жизни. И вправду самодостаточно!

Он вздохнул.

– Думаю, мы снова говорим о ценностях. И предпочтение отдается живым системам. Полагаю, мы не можем обойтись без ценностей, как ты и утверждаешь. Забавно... Я просто чувствую, что хочу разобраться, почему все работает именно так, а не иначе. Но если ты спросишь меня, почему... или чего бы я хотел, ради чего я работаю... – Он недоуменно пожал плечами. – Мне сложно выразить свою мысль... Это что-то вроде чистой прибыли в информации, Энн.

Для Сакса это было ясное описание самой жизни, которая продолжает бороться с энтропией. Он протянул Энн руку, надеясь, что она согласится, по крайней мере, с парадигмой их спора, с определением конечной цели науки. В конце концов, они оба являлись учеными, а Марс – их совместное исследование...

Но она лишь проворчала:

– Похоже, вы разрушаете поверхность целой планеты, возраст которой составляет почти четыре миллиарда лет. При чем здесь наука, если вы возводите на Марсе тематический парк?

– Мы используем науку ради определенных ценностей. Тех, в которые я верю.

– И в которые верят транснациональные корпорации.

– Ты права.

– Разумеется, – язвительно откликнулась Энн. – Это им, конечно, поможет.

– И всему живому.

– Если только не убьет. Поверхность планеты дестабилизирована, каждый день случаются оползни.

– Верно.

– Они уничтожают растения. Убивают людей. Постоянно.

Сакс убрал руку, и Энн вскинула голову, уставившись на него.

– Необходимое убийство? Каким ценностям оно служит?

– Нет! Ты упомянула о несчастных случаях, Энн! Людям нужно держаться подальше от оползней и подождать.

– Обширные регионы превращаются в грязь, они будут полностью затоплены. Мы говорим о половине планеты!

– Вода стечет вниз. Образуются бассейны.

– Но земля-то будет затоплена, – упорствовала Энн. – И вот она – совершенно другая планета! Грандиозная ценность, как же!.. Но еще живы люди, которым дорог истинный Марс! Мы будем бороться с вами, на каждом шагу.

Он снова вздохнул.

– Очень жаль. В данный момент биосфера поможет нам больше, чем транснационалы. Они руководят из городов под куполами и разрабатывают поверхность при помощи машинерии, пока мы прячемся и выживаем. Столько усилий потрачено впустую, Энн, а ради чего – ради того, чтобы наши секреты никто не выдал! Если бы мы могли жить на поверхности, сопротивлению стало бы легче.

– Любому, кроме Красных.

– Да, но в чем смысл?

– В Марсе. В месте, которое ты никогда не знал и толком не видел.

Сакс посмотрел вверх, на высокий белый купол, чувствуя недомогание, словно после внезапного приступа артрита. Спорить с ней оказалось бесполезно.

Но что-то внутри заставляло его продолжать спор.

– Послушай, Энн. Я выступаю на стороне тех, кто придерживается модели с минимальными условиями для выживания человека. Надо учитывать, что пригодная для дыхания атмосфера не поднимается выше двух-трех километров над поверхностью планеты. Выше данного уровня она окажется слишком разреженной для человека, там вообще не будет особой жизни, только высокогорные растения и крошечные микроорганизмы, невидимые невооруженным глазом. Вертикальный рельеф Марса настолько велик, что над атмосферой останутся обширные нетронутые участки. Подобный план кажется мне разумным. Он выражает понятный набор ценностей.

Она отвернулась. Это причиняло ему боль, настоящую муку. Однажды в попытках понять Энн, суметь говорить на ее языке Сакс провел исследование в области философской науки. Он изучил изрядное количество материалов, концентрируясь преимущественно на этике земли и дихотомии «факт-ценность». Хотя очевидной пользы тут не было: в стычках с Энн ему никогда не удавалось использовать полученную информацию с толком. Сакс помотал головой, стараясь отвлечься от ноющей боли в мышцах, и вспомнил кое-что из трудов Куна, когда тот писал о Пристли. Ученый, продолжающий упорствовать после того, как вся его отрасль науки сменила парадигму, может казаться идеально логичным и рассудительным, но в силу самого факта перестает быть ученым. Если нечто подобное случилось и с Энн, то в кого же она превратилась? В контрреволюционера? В пророка?

Она и впрямь напоминала пророка: суровая, изможденная, злая, неумолимая. Она никогда не изменится и никогда не простит его. Он хотел рассказать ей все: о Марсе, о Гамете, о Питере... о смерти Саймона, которая терзала Урсулу даже сильнее, чем Энн... Но это было невозможно. Именно поэтому он частенько принимал решение вообще не разговаривать с ней. Было слишком больно – никогда не приходиться ни к какому итогу, сталкиваться

с неприятием в лице того, с кем он знаком не меньше шестидесяти лет. Сакс использовал разумные и логические аргументы, но ни разу не добивался результата. Он знал, что с некоторыми людьми всегда можно зайти в тупик, но понимание этого не спасало. А самым удивительным оказался психологический дискомфорт, порожденный отсутствием эмоционального отклика.

На следующий день Энн уехала с Десмондом. А вскоре Сакс отправился с Питером на север в одном из стелс-самолетов, в которых Питер летал по Марсу.

Маршрут, проложенный Питером до Берроуза, провел их над Геллеспонтскими горами, и Сакс с любопытством разглядывал гигантский бассейн Эллады. Они мельком заметили край ледяного поля, покрывавшего Лоу-Пойнт, – белую массу на черной как ночь поверхности, – но сам Лоу-Пойнт оставался вне пределов видимости. Увы, Сакс так и не смог увидеть, что стало с мохолом Лоу-Пойнта! Мохол достиг тринадцати километров в глубину, когда его заполнил поток, а значит, вода на дне с высокой долей вероятности оставалась достаточно теплой и могла подняться на значительную высоту. Возможно, ледяное поле в действительности являлось морем, покрытым твердой коркой, свидетельства чего можно было бы наблюдать на его поверхности.

Но Питер не стал менять маршрут, чтобы предоставить Саксу лучший обзор.

– Заглянешь туда, когда будешь Стефаном Линдхольмом, – сказал он, усмехнувшись. – Сделай это частью своей работы для «Биотика».

И они полетели дальше. Ночью они приземлились на разбитых холмах к югу от равнины Исиды, на высокой стороне Большого Уступа. Сакс направился к входу в туннель, через который выбрался в служебное помещение на вокзале Ливия, маленьком железнодорожном комплексе на пересечении линии Берроуз-Эллада и недавно проложенной ветки Берроуз-Элизий. Когда подошел очередной поезд в Берроуз, Сакс выскользнул из-за двери и присоединился к толпе. Он доехал до главной станции Берроуза, где его встретил парень из «Биотика». Тогда-то Сакс и стал Стефаном Линдхольмом, впервые прибывшим в Берроуз и на Марс.

Тот сотрудник из «Биотика», кадровый секретарь, сделал Саксу комплимент по поводу его ловкой походки и повел в квартиру-студию на горе Хант, неподалеку от центра старого города. Лаборатории и офисы «Биотика» расположились у подножия горы, а их панорамные окна выходили на Парк-Канал. Только такой дорогой район и мог подойти ведущей в проекте терраформирования биоинженерной компании.

Из окон офиса «Биотика» Сакс видел обширную часть старого города. Сперва он решил, что здесь почти ничего не изменилось. Правда, спустя минуту он понял, что ошибся. Теперь стены горы еще гуще прочерчивали стеклянные окна. Четкие горизонтальные линии медного, золотого, металлически-зеленого или синего цвета буквально бросались в глаза, и казалось, что в горе пролегли слоями по-настоящему удивительные минералы! Исчезли и купола, покрывающие холмы-останцы. Сейчас здания привольно раскинулись под гигантским куполом, который укрывал девять холмов и даже ближайшие окрестности. Развитие технологии достигло нереальных высот – купола могли укрывать обширный мезокосм! Сакс слышал, что одна из транснациональных корпораций собиралась укутать подобным образом даже каньон Гебы, проект, однажды предложенный Энн в качестве альтернативы терраформированию (альтернатива, над которой Сакс тогда посмеялся). А сейчас ее претворяли в жизнь! Никогда не стоит недооценивать потенциал материаловедения, сейчас это стало очевидно.

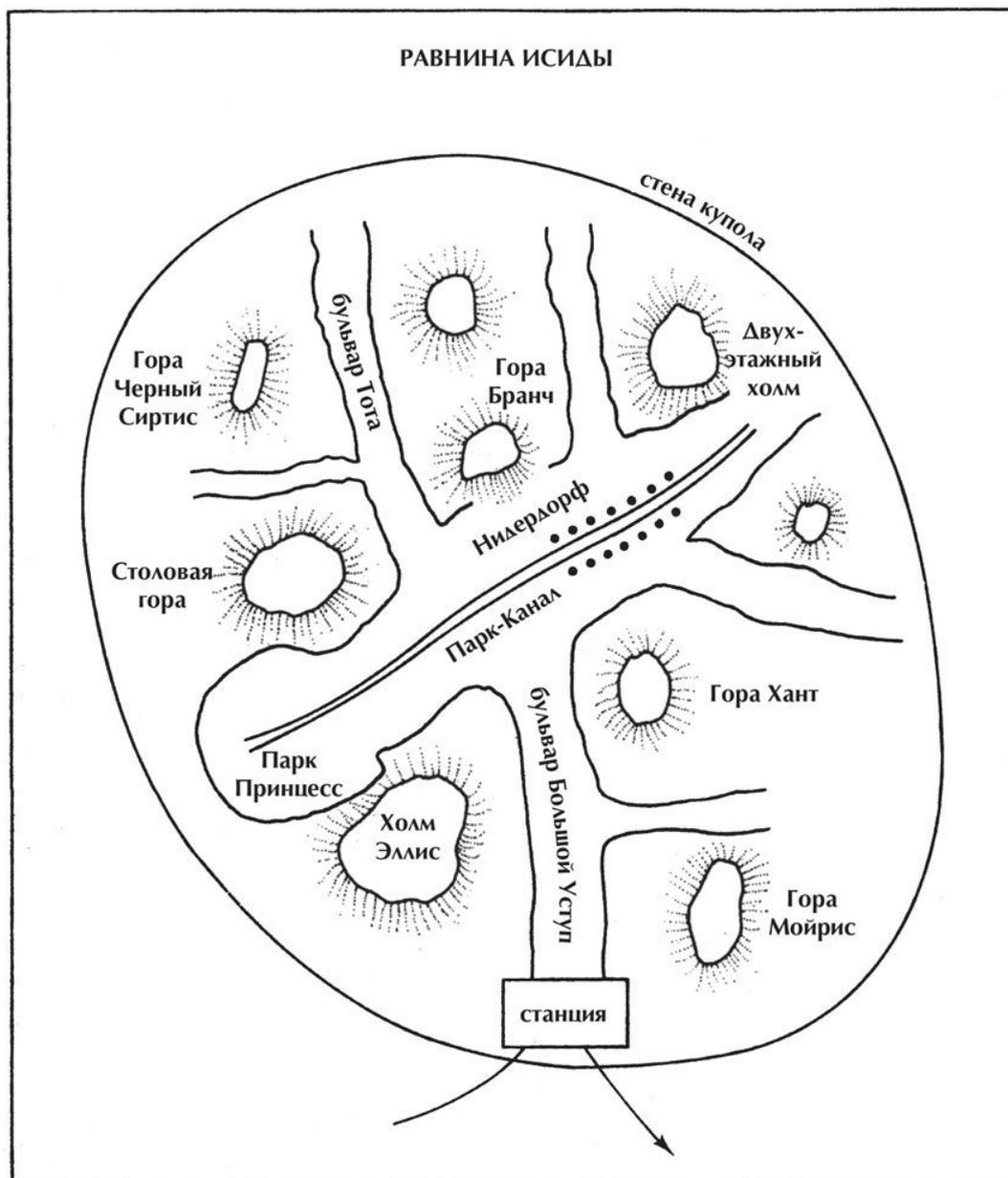
Парк-Канал и широкие бульвары, разбегающиеся между останцами, зеленели, разрезая оранжевые плитки крыш. А двойной ряд соляных колонн до сих пор высился у голубого канала! Однако, хотя в Берроузе и появилось множество новых зданий, очертания города

были прежними... но не совсем. Теперь городская стена лежала далеко за пределами девяти останцев, и вокруг был укрыт приличный участок земли, в основном уже застроенный.

Кадровый секретарь провел Сакса по «Биотику», знакомя его с бóльшим количеством людей, чем тот был в состоянии запомнить. Затем его попросили с утра пораньше явиться с отчетом в лабораторию и предоставили остаток дня на обустройство.

Как Стефан Линдхольм, он планировал проявлять признаки интеллектуальной энергии, готовности общаться, любопытства и энтузиазма, поэтому весьма правдоподобно – район за районом – исследовал Берроуз. Он прогуливался туда-сюда по дорожкам, заросшим травой, и размышлял о загадочном феномене роста городов. Культурный прогресс не имел подходящих физических или биологических аналогий. Сакс не видел объективных причин, по которым нижняя оконечность равнины Исиды должна стать местом для крупнейшего поселения на Марсе. Ни одна из реальных причин, побудивших основать здесь город, не объясняла ничего должным образом. Насколько он знал, город возник как обычная станция на ветке из Элизия в Фарсиду. Может, именно благодаря стратегической незначительности он и процветал, поскольку то было единственное поселение, не разрушенное и не поврежденное в 2061 году. Вероятно, именно поэтому рост в послевоенные годы начался как раз отсюда. Какая ирония! По аналогии с моделью прерывистого равновесия можно было утверждать, что этот конкретный вид чудом пережил катастрофу, уничтожившую все живое, и получил экосферу для своего будущего развития.

И, без сомнения, изогнутая, словно лук, форма региона с его архипелагом столовых гор производила впечатление. Пока Сакс шагал по бульвару, ему казалось, что девять останцев разбросаны случайным образом, и каждый из них немного отличается от другого. Грубые скальные стены были испещрены характерными выступами и гладкими участками, навесами и трещинами, а теперь еще и горизонтальными линиями ярких зеркальных окон. Плоское плато каждой горы венчали дома и парки. С любой точки улицы всегда можно было рассмотреть парочку останцев, разбросанных, как величественные соборы, и пейзаж был весьма приятен глазу. А если подняться на лифте на плато любой из гор (они высились над Берроузом на добрую сотню метров) – можно было вдоволь любоваться окрестностями. Отсюда открывался потрясающий вид, а обзор был больше, чем обычно бывает на Марсе, поскольку город находился на дне чашеобразного углубления. И поэтому было видно все – от плоской равнины Исиды на севере до угрюмого подъема к Сирту на западе и склона Большого Уступа, закрывающего южный горизонт, словно Гималаи.

Берроуз, 2100 год

Конечно, вопрос, повлиял ли прекрасный вид на становление города, оставался открытым... Занятно, но ряд историков утверждали, что многие древнегреческие поселения были основаны исключительно ради вида, открывавшегося с места их основания. В общем, и этот фактор был вероятен. Так или иначе, но Берроуз стал оживленным местом с населением около ста пятидесяти тысяч человек. Он стал самым крупным марсианским городом. И по-прежнему рос.

Вечером, после длительной прогулки, Сакс отправился на внешнем лифте вверх по стене горы Бранч, центральной в северном парке. Именно с ее плато он увидел пригороды, усеянные новостройками вплоть до стены купола. Даже вокруг отдельно стоящих останцев за пределами купола кипела работа. Определенно, здесь достигло своей критической массы нечто вроде коллективного психоза. Стадный инстинкт сделал из Берроуза столицу, общественный магнит, сердце событий. Групповая динамика людей всегда чрезвычайно сложна и даже – Сакс скорчил гримасу – необъяснима.

К несчастью, «Биотик» в Берроузе тоже оказался пресловутой динамичной группой. Вскоре Сакс обнаружил, что определить свое место в толпе ученых, корпящих над проектом, ему будет непросто. Он потерял этот навык – находить свое место в команде, а вернее, никогда его и не имел. Максимальное число отношений в любом сообществе исчислялось по формуле $n(n-1)/2$, где n представляло собой количество людей. Здесь трудилось несколько тысяч сотрудников, а значит, число возможных взаимоотношений составляло 499 500. Саксу казалось, что такие цифры абсолютно абстрактны. Даже 4950 возможных взаимоотношений в группе из ста человек – гипотетический «расчетный предел» размеров группы – казалось гигантским числовым значением. Во всяком случае, так обстояли дела в Андерхилле, когда у них был шанс это проверить на практике.

Иными словами, сейчас ему было необходимо найти наименьшую группу внутри «Биотика», что Сакс и собирался предпринять. Конечно, он знал, что разумно в первую очередь сконцентрироваться на собственной лаборатории. Он присоединился к ней, как биофизик, что оказалось немного рискованно, но ставило его на нужную ступень. И он надеялся удержаться на плаву. В противном случае он всегда может заявить, что пришел в биофизику из физики, что было правдой. Его начальницей оказалась японка по имени Клэр, женщина средних лет, близкая ему по духу, которая хорошо справлялась с работой. Она охотно включила Сакса в команду, занимавшуюся дизайном растений второго и третьего поколений для покрытых ледниками регионов северного полушария. Недавно гидрированные земли Марса предоставляли потрясающие возможности для ботанического конструирования, поскольку у конструкторов уже не было необходимости создавать все виды на основе пустынных ксерофитов. Сакс предвидел это с самого начала, когда в 2061 году впервые увидел поток, с ревом бегущий вниз по каньону Мелас. И теперь, сорок лет спустя, он действительно мог заняться чем-то стоящим.

Сакс с воодушевлением принялся за работу. Сначала он ознакомился с тем, что уже было представлено в северных регионах. Читая запоем в своей обычной манере и просматривая видеозаписи, он выяснил, что атмосфера до сих пор оставалась разреженной и холодной, и весь лед, выходящий на поверхность, истончался, пока его верхний слой не превращался в кружево. Это означало, что появлялись миллиарды карманов, в которых могла зародиться жизнь. И одной из первых широко распространившихся форм стали снежные водоросли. Им добавили свойства фреатофитов, поскольку, когда лед начал очищаться благодаря всепроникающим ветрам (они-то как раз и разносили мелкие частицы), он сразу покрылся соляной коркой. Генетически сконструированные, устойчивые к соли водоросли показали себя очень хорошо. Они росли в ноздреватой поверхности ледников, а иногда и прямо во льдах. А поскольку они были темнее – розовые или красные, черные или зеленые, – лед под ними таял, особенно в летние дни, когда температура поднималась выше точки замерзания. Естественно, в такие моменты с ледников начинали сбегать быстрые ручьи. Однако на Марсе существовали и другие участки, вроде вечной мерзлоты, как в полярных и горных регионах Земли: разнообразия хватало и здесь.

Помимо прочего Сакс узнал, что бактерии и кое-какие растения из земных регионов (как правило, чуть-чуть измененные, чтобы легче было преодолевать распространяющуюся повсюду соленость) впервые были рассажены именно командой «Биотика». Произошло это несколько марсианских лет назад. Сейчас они процветали в буквальном смысле слова, как и водоросли.

А теперь конструкторская команда пыталась, отталкиваясь от раннего успеха, внедрить и другие растения, а также насекомых, выращенных со способностью справляться с высоким содержанием CO_2 в воздухе. У «Биотика» имелся отличный набор образцов, из которых дозволялось брать хромосомные последовательности, и семнадцать М-лет полевых

экспериментов. Да, Саксу было что наверстывать! В свои первые недели в лаборатории и в заповеднике компании на горе Хант он концентрировался исключительно на растениях, предпочитая работать по-своему, дабы в должное время увидеть общую картину.

Дел у Сакса было по горло. Он без конца штудировал научные труды, смотрел в микроскоп на различные марсианские пробы, пропадал в заповеднике наверху, а когда выдавалась свободная минутка – усердно работал над собой. Новая личность по имени Стефан Линдхольм отнимала у него кучу времени! К счастью, в лаборатории Стефан мало чем отличался от Сакса Рассела. Но в конце рабочего дня Саксу часто приходилось совершать сознательное усилие и присоединяться к сотрудникам, поднимающимся вверх по лестнице в кафе на плато, чтобы выпить и беззаботно поболтать.

Итак, несколько недель спустя он привык «быть» Линдхольмом, который, как выяснилось, задавал слишком много вопросов и громко смеялся. Это оказалось на удивление просто и, пожалуй, забавляло Сакса. Да и вопросы от других, преимущественно от Клэр, от английской эмигрантки Джессики, а также от кенийца по имени Беркин, почти никогда не касались земной жизни Линдхольма. Сакс понял, что может быть кратким: Десмонд разумно предоставил Линдхольму прошлое в собственном доме Сакса, в Боулдере, штат Колорадо, – а затем адресовал уже свой собственный вопрос к тому, кто его задал, в манере, которую часто использовал Мишель. Ну а люди... они были рады пообщаться с новичком. Да и Сакс никогда не был молчуном вроде Саймона. Он всегда активно участвовал в интересующей его беседе, и если редко вставлял слово, то лишь потому, что интерес его пробуждался, когда ставки достигали определенного уровня.

Подобное развлечение, как правило, было зря потраченным временем, зато теперь Сакс коротал вечера в компании и не чувствовал себя одиноким. Вдобавок коллеги затрагивали интересные профессиональные темы. Он тоже вносил свой вклад, рассказывая о прогулках по Берроузу, закидывая знакомых ворохом вопросов об увиденном, об их прошлом, о «Биотике», о ситуации на Марсе и так далее. Для Линдхольма это имело такое же большое значение, как и для Сакса.

Однажды Клэр и Беркин подтвердили его догадку насчет города. Берроуз был своеобразной столицей Марса, и главные офисы крупнейших транснациональных корпораций располагались именно здесь. В общем, транснационалы являлись эффективными правителями планеты. Благодаря им стала возможна победа или хотя бы выживание «Группы одиннадцати» и некоторых сильных индустриальных стран в войне 2061 года, а теперь они сплели все в единую мощную структуру. Впрочем, было не совсем ясно, кто на самом деле стоит у руля: правительства стран или мегакорпорации. Однако на Марсе это было очевидно: как ни крути, а УДМ ООН лопнуло в 2061 году, как один из купольных городов! Временное Правительство ООН, занявшее его место, являлось административной группой, в которой состояли управляющие транснационалов, и его решения претворялись в жизнь силами их служб безопасности.

– ООН не имеет к этому никакого отношения, – заявил Беркин. – На Земле ООН – такая же мертвая структура, как и УДМ ООН. Их название – банальное прикрытие.

– Их и называют Временным Правительством!

– Сразу видно, кто есть кто, – буркнул Беркин.

Между прочим, полицейская форма транснациональных служб безопасности частенько мелькала на улицах Берроуза. Эти громилы носили ржаво-рыжие прогулочники с нарукавными повязками разных цветов. Ничего особо зловещего... кроме очевидного факта их присутствия.

– Но зачем? – спросил Сакс. – Кого им бояться?

– Их беспокоят богдановисты, прибывающие с холмов, – ответила Клэр и рассмеялась. – Как глупо!

Сакс вскинул брови, промолчав. Он был заинтригован, но тема оказалась слишком рискованна. Лучше просто слушать, когда разговор завязывается сам собой. Однако, прогуливаясь по Берроузу, он всматривался в толпу пристальной. Теперь он замечал суровых полицейских повсюду. «Консолидэйтед», «Амекс», «Ороко»... И почему они еще не объединились в одно подразделение? Возможно, транснационалы до сих пор оставались и соперниками, и союзниками, что объясняло наличие отдельных подразделений служб безопасности, а может, и резкое увеличение систем распознавания личности. Но именно по этой причине повсюду и появились лазейки, позволяющие Десмонду внедрять своих агентов в систему и помогающие им просочиться дальше. Швейцарцы, как свидетельствовал личный опыт Сакса, покрывали людей, приходящих «из ниоткуда». Разумеется, другие страны и транснационалы занимались тем же самым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.